
ПИОНЕР
ЯНВАРЬ 1
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!

**По-ленински жить,
Коммунистом расти,
Чтоб новую славу стране принести,
Отважно сражаться за дело отцов,
Юный ленинец,—
Будь готов!**

23 МИЛЛИОНА ребят на всей советской земле салютовали Ленинскому комсомолу в дни его юбилея.

23 МИЛЛИОНА пионеров поздравили своего старшего вожатого с орденом, еще одним, шестым, на знамени комсомола — орденом Октябрьской революции.

23 МИЛЛИОНА юных ленинцев двинулись в путь — продолжать свою ленинскую экспедицию, чтобы делами показать партии, народу, комсомолу, что красногалстучная армия страны готовится стать гвардией ленинцев, достойных наследников дела старших поколений.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Издательство «Правда»

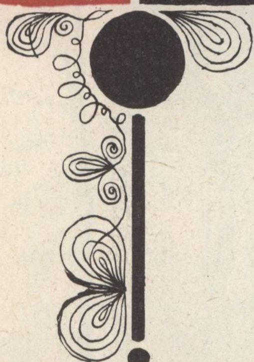
1969 г.

Поверните ключик,
и еще раз —
и перед вами откроются разные страны и эпохи. И вы станете участниками событий, происходивших много лет назад.
Поверните ключик —
и вы убедитесь, что есть у него такое чудесное свойство.

Откройте киносценарий **М. Шатрова «Новый адрес Совнаркома»,** и вы увидите Кремль, каким он был 12 марта 1918 года, и услышите в гулких, пустых коридорах голос Ленина.

Повесть **Л. Воронковой** «МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА» уведет вас в леса Тайгета, в богатые города Мессении, и, конечно, вы не сможете удержаться и тоже поднимете оружие против коварных спартанцев.

Прямехонько на небо забросит вас сказка-пьеса **Фране Мильчински,** и вы увидите, что у звезд случаются совсем такие же неприятности, как у школьников и школьниц. Но не тревожьтесь — очень скоро Метеор спустит вас снова на Землю.

Вместе с художником **В. Перцовым** вы можете отправиться на далекие Командоры.

А вот и совсем простой маршрут: побывайте вслед за нашим корреспондентом **С. Богатыревой** на занятиях кружка переводчиков в 61-й школе города Москвы. Хотя ребята 61-й школы еще не настоящие переводчики, а только учатся этому искусству, они относятся к своему делу чрезвычайно серьезно: ведь переводчик должен знать все — он помогает разговаривать друг с другом людям всего земного шара. И, наверное, ребята правы: разве не благодаря переводчикам вы сможете прочесть в этом номере и повесть **Романа Писарского** «ПУТЕШЕСТВЕННИК ИЗ МАРИТТИМЫ», и стихи американских негров, ваших сверстников, и стихи башкирского поэта **Мустая Карима?**

ТАК ПОВЕРНИТЕ ЖЕ КЛЮЧИК!

НОВЫЙ АДРЕС СОВНАРКОМА

Михаил ШАТРОВ

СЦЕНАРИЙ

12 МАРТА 1918 ГОДА

Рисунки
С. ТРОФИМОВА

Грязный, заваленный старой конторской мебелью и всяческой рухлядью коридор третьего этажа здания Судебных Установлений Московского Кремля пуст. Только холодный ветер гуляет по нему, оглушительно расправляясь с рассохшимися ставнями и дверьми.

Но вот со стороны лестницы слышатся оживленные голоса. Первыми на площадку третьего этажа вступают Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома, и Надежда Константиновна Крупская. За ними поднимаются Свердлов, Ленин и матрос Цыганков, временно исполнявший обязанности коменданта здания. Чуть позже поднимается небольшая группа военных. Все с интересом оглядываются по сторонам, молчат.

КРУПСКАЯ. И здесь правительство?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Да, да, именно здесь. Это здание — самое удобное во всех отношениях. Сейчас я вам это покажу. До революции здесь находились суд и межевое присутствие, в юности я частенько сюда забегал...

СВЕРДЛОВ (смеется). Теперь понятно, почему вы нас именно сюда привели. Только у меня такое впечатление, Владимир Дмитриевич, что с тех пор нога человека здесь не ступала.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Да, запустение ужасное. За время двух революций здание повидало виды.

СВЕРДЛОВ. Юнкера и здесь располагались?

ЦЫГАНКОВ. Да, Яков Михайлович. Устроили что-то вроде казармы. Когда начался штурм, отсюда тоже стреляли. Видите, почти все стекла выбиты.

СВЕРДЛОВ. Артиллерия сюда не попадала?

ВОЕННЫЙ. Да нет, мы старались полегче...

Ленин, Свердлов, Крупская молча осматривают коридор.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Здесь есть несколько больших удобных комнат. Все они выходят в этот коридор. Думаю, что будет целесообразно оставить здесь аппарат Совнаркома, а ВЦИК разместить на первом и втором этажах. Товарищи, откройте, пожалуйста, двери...

Военные возятся у дверей.

Ленин садится на краешек стоящего неподалеку стола и задумчиво, чуть скептически смотрит на коридор, что-то примеряя и прикидывая. На нем темное пальто с воротником, в правой руке он держит шапку, левая выстукивает нетерпеливую дробь на крышке стола.

Дверь не поддается. Побежали за помощью.

ЦЫГАНКОВ. Яков Михайлович, дозвольте спросить, а чего мы из Питера подались? Ведь лучше места, чем Смольный, для правительства не сыщешь? И революция там, факт, случилась... И вообще все... Одно слово — столица. И пролетариат там испытанный и флот Балтийский... Обидно немного получается... Мы начали, а правительство — в Москву... (Смутившись.) Может, я, конечно, что недопонимаю и не вовремя этот вопрос мой, но только ведь нас тоже спрашивают...

Ленин, чуть склонив голову, прислушивается к этим словам.

СВЕРДЛОВ. Очень вовремя, товарищ Цыганков. Охотно отвечу на ваш вопрос. Положение Петрограда критическое, немцы рядом. И пока в Петрограде было правительство, город был особенно лакомым куском. Согласны? (Цыганков утвердительно кивает.) Вы человек военный и отлично понимаете, что главному штабу не место на передовой. Именно для того, чтобы организовать всю военную работу, да и не только и не столько военную, необходимо было перенести штаб в центр. Что такое Москва? Это вся Великороссия, это Урал, Волга, Дон, Днепр... При той разрухе транспорта, которую мы сейчас имеем, оставаться в Питере — это значит быть фактически отрезанными от всей страны. Когда мы поставили этот вопрос перед питерским пролетариатом, он понял эти мотивы, и — знаете — Петросовет принял решение единодушно.

ЦЫГАНКОВ. Спасибо, Яков Михайлович, понятней стало...

КРУПСКАЯ. А что касается московского пролетариата, товарищ Цыганков, — это тоже испытанный отряд. В Октябре им пришлось трудно: бои шли несколько дней.

ЦЫГАНКОВ. Говорили нам, как они Кремль штурмовали. Много народа полегло. Да тут, куда ни пойдешь, везде следы имеются...

СТАРИК РАБОЧИЙ. В одной братской могиле, почитай, человек пятьсот лежит. Мы ее две ночи копали. Как назло первый мороз ударил.

Все замолкают. Ленин вынимает из бокового кармана пальто большой блокнот и старательно зарисовывает план этажа.

Но вот красногвардейцы с шумом открывают первую дверь.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Прошу вас, товарищи.

Первым в комнату входит Владимир Ильич, за ним остальные. Большая комната с двумя окнами, выходящими на кремлевский двор, грязная и запущенная, завалена какой-то старой мебелью.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Я думаю, Владимир Ильич, что здесь мог бы находиться ваш кабинет. Комната довольно просторная, есть печка на всякий случай, в том углу дверь в совсем маленькую комнату, в которой мы смогли бы установить телефоны...

Ленин с интересом оглядывает комнату, стены, люстру. Очень трудно увидеть в этой пыльной, неуютной комнате, превращенной в подобие склада разбитой мебели, будущий кабинет главы правительства, но, судя по веселому, неунывающему Бонч-Бруевичу, это сделать вполне можно и даже нужно. Ленин улыбается своим мыслям и с лукавой хитрецой посматривает на Бонч-Бруевича, который энергично продирается сквозь завалы стульев и быстро говорит.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Кабинет Якова Михайловича будет на втором этаже, недалеко от лестницы, подняться сюда — дело одной минуты. На этот кавардак не обращайте внимания. Мы приведем комнату в порядок моментально.

Сквозь пыльное, грязное окно в комнату проникают лучи солнца.

Владимир Ильич подходит к окну, легонько нажимает на ставни, они распахиваются. Перед ним Кремль.

ЛЕНИН (тихо). Вот он и Кремль. Как давно я его не видел!

К окну подходит Крупская.

КРУПСКАЯ. Весной пахнет.

Волнение охватывает Ленина. Он нервно барабанит пальцами по подоконнику.

Весна действительно властно врывается в комнату, принося с собой ярко-голубое небо, огромное желтое солнце, играющее на золоченых куполах и главах собора так, что приходится щурить глаза. Нежно звучит первая капель, а чуть погодя доносится гул церквей Замоскворечья, вскоре начинают звонить и в Кремле, в Успенском соборе.

Ленин вглядывается в эту чудесную живописную картину и почти не слышит конкретных, деловых вопросов, которые задает Свердлов Бонч-Бруевичу.

ЛЕНИН (негромко). Уже четыре месяца держимся...

Крупская, поняв его душевное состояние, молча улыбнувшись, ободряюще смотрит на Ленина. На этот раз Ленин замечает во дворе глубокие морщины, оставшиеся на стенах многих зданий после артиллерийского обстрела Кремля, непролазную грязь, остатки соломы, конского навоза, нагромождение подвод, поломанных фур, брошенных пушек, всевозможных мешков и кулей.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Я думаю, что Наполеон в 1812 году оставил Кремль в более привлекательном состоянии, чем господа юнкера со своим начальством.

ЛЕНИН (молча кивнув в знак согласия). Владимир Дмитриевич, а что с Оружейной палатой? И с Грановитой? С патриаршей ризницей? С библиотекой? Ведь там же ценнейшие вещи, рукописи.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Все в целости и сохранности, Владимир Ильич. Ничего не растащили.

ЛЕНИН. Неужели все удалось сохранить? Или юнкерам было не до этого?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Еще как до этого! Но дело в том, что кремлевские гренадеры по двое суток не ложились спать, а со своих постов не уходили, желая сдать все ценности законной власти. И мы эти ценности у них приняли.

ЛЕНИН (смеется). Молодцы гренадеры! Значит, признали-таки в вас законную власть?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Признали, Владимир Ильич.

ЛЕНИН. И не сомневались?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Сомневались.

ЛЕНИН. Каким же образом вы рассеяли их сомнения? Не с помощью ли маузера товарища Цыганкова? Нет?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Ну что вы, Владимир Ильич! В отличие от юнкеров мы ничего не пытались спрятать в свои портфели, нас только интересовало, все ли цело, все ли на месте. Поверили.

ЛЕНИН (весело). Ну, товарищи, если царские гренадеры Советскую власть признали, считайте, что полдела мы сделали. В отличие от Ллойд-Джорджа и Клемансо гренадеры разобрались. Вы их поблагодарите, Владимир Дмитриевич, за службу.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Хорошо.

ЛЕНИН. Владимир Дмитриевич, а что вы посоветуете прочесть по истории Кремля, его архитектуры?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Есть очень фундаментальное исследование Бартенева, сына знаменитого издателя «Русского архива», прекрасно иллюстрированное, с хорошим справочным аппаратом...

ЛЕНИН. Вы не смогли бы мне достать эту книгу?

СВЕРДЛОВ. И я на очереди... (Продолжает подробнейшим образом осматривать комнату, что-то аккуратно записывая в свою записную книжку.)

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Постараюсь.

ЛЕНИН (Свердлову, кивнув на окно). Вот вам и конец наших споров с Луначарским. Артиллерийский обстрел и штурм не только не разрушили Кремль, а, наоборот, спасли его от полного разграбления. Представляете, Яков Михайлович, что бы тут оставили юнкера, если бы московские товарищи продолжали мешкать?

КРУПСКАЯ. Ну, Володя, Анатолий Васильевич писал не только об этом... По памятникам культуры стрелять, конечно, не положено...

ЛЕНИН (пожав плечами). Странная позиция! То, что снаряд повредил Ивана Великого, — об этом кричит весь мир! А то, что юнкера превратили Кремль в авгиевы конюшни, — это стыдливо замалчивается. Впрочем, ты всегда поддерживаешь Луначарского...

КРУПСКАЯ (улыбнувшись). По долгу службы: я все-таки его заместитель...

СВЕРДЛОВ. Назначили на свою голову.

КРУПСКАЯ. Но, товарищи, все-таки Ивана Великого жаль? Ну согласись, Володя...

ЛЕНИН. Конечно, жаль. Жаль, что пришлось... Но мы его отремонтируем обязательно. И Кремль вычистим обязательно. И с Анатолием Васильевичем ругаться будем, чтобы не забрасывал нас своими отставками, обязательно. Где мы найдем человека, который бы лучше его разбирался в просвещенческих делах? Нет такого! И бежать при этом в отставку — стыд и позор. Впрочем, все это было очень давно и уже забыто. А вообще-то Анатолий Васильевич чертовски талантливый человек. Я к нему слабость питаю... Я его, знаете, люблю... Это отличный товарищ. Кстати, у меня для него сюрприз есть... (Достает письмо.) Это и по твоей, Надя, части... Передали мне сегодня любопытное письмо... (Читает.) «Дорогой Ильич, прими наш привет из Северного края. Писали мы прошение в наш уезд и губернию, чтобы построили нам школу, но комиссары и слушать нас не хотят. Посылали и ходоков, но там ходили неделю и ничего не добились. Мы знаем, что ты не даешь им потравки, а потому просим тебя построить нам школу. Деревня наша большая, детишек много, даже жалко, ей-богу, как ребятишки бегают на улице вместо того, чтобы учиться. Никакого покоя от них нету. А еще шлем тебе привет и желаем здоровья, руководить пролетариатом

и бить буржуев. Мы тоже выбрали Совет. Хорошая штука, дай бог тебе здоровья, говорят, ты придумал. А еще шлют тебе поклон наши бабы, потому и им хочется школы, особливо девчонкам, которым надобно учиться, чтобы не быть к замужу дурами. Ну, прощай, желаем тебе добра, смотря по тому, построишь ли школу или нет. Вышли также учительницу, а не то хорошего парня». К сему подпись неразборчива...

Все смеются, пока Владимир Ильич читает письмо.

ЛЕНИН (передавая письмо Крупской). Вы уж, Надя, там с Анатолием Васильевичем постарайтесь, чтобы меня добром поминали. Договорились?

КРУПСКАЯ. Что ж ты его мне раньше не показал?

ЛЕНИН. Заговорился, а сейчас вспомнил...

Владимир Ильич заметно веселеет. Он выходит на середину комнаты и, хитро прищурив глаза, спрашивает у Бонч-Бруевича.

ЛЕНИН. Значит, здесь кабинет?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Да.

ЛЕНИН. Ну, допустим... А что там? (Показывает на дверь, в которую прошли Свердлов и Крупская.)

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Будущий зал заседаний Совнаркома. Прошу вас, Владимир Ильич. Там, правда, такой же кавардак, как и везде, но общую картину увидеть все-таки можно.

ЛЕНИН. Ну, что ж, попробуем увидеть общую картину, хотя, конечно, доля воображения требуется весьма большая...

Ленин следом за Бонч-Бруевичем проходит во вторую комнату. Она несколько больше первой, хотя в ней тоже всего лишь два окна. Ленин молча и сосредоточенно обходит комнату, останавливается в углу и прислушивается к Бонч-Бруевичу.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Здесь будут проходить заседания Совнаркома, Центрального Комитета, другие немногочисленные собрания. В свободное от заседаний время здесь будут работать секретари Совнаркома. В следующей комнате, которая почти такая же, как эта... Товарищи, откройте, пожалуйста, туда дверь... Спасибо, Владимир Ильич... Там будет приемная, где смогут собираться товарищи, вызванные на Совнарком или к Владимиру Ильичу. Таким образом, войти в кабинет Владимира Ильича можно будет и отсюда и из коридора.

ЛЕНИН. Ну как, Яков Михайлович?

СВЕРДЛОВ. Мне нравится. По-моему, разумно и толково.

ЛЕНИН. А в коридоре можно будет установить телеграфный аппарат?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Вполне возможно.

ЛЕНИН. Совсем хорошо. А где же квартира?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Квартира тоже рядом, чуть дальше по коридору. Вам не придется тратить время на бесконечные переходы.

ЛЕНИН (улыбаясь). Да уж, смольнинских коридоров здесь нет. А в Питере мы уже собирались велосипеды заводить, чтобы сделать эти коридоры короче.

Они смотрят со Свердловым друг на друга и смеются, очевидно, вспомнив что-то свое, понятное только им обоим.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Прошу вас, товарищи, в коридор.

И, пока все выходят, он успевает сказать Цыганкову.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Займитесь кабинетом.

Цыганков тут же исчезает.
В коридоре Бонч-Бруевич продолжает свой рассказ.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Вот эта дверь, товарищи, ведет в квартиру бывшего прокурора палаты. Она, правда, маленькая, но после небольшого ремонта, мне кажется, она могла бы вас устроить. Дверь открыта, Надежда Константиновна, пожалуйста...

Крупская остановилась перед дверью, легкая тень пробегает по ее лицу. Что она вспомнила? То ли бесчисленные квартиры, которые пришлось им менять за всю их нелегкую жизнь, то ли вечное сидение на чемоданах, то ли мать, которая так мечтала поселиться с ними в квартире, которую никогда уже не придется менять.
Ленин догадывается об этих мыслях и негромко говорит.

ЛЕНИН. Ну, что, Надя? Первый раз в жизни входим в свою квартиру? Смелее. (Он решительно идет за Крупской.)

Из полутемного коридора двери ведут в три маленькие комнаты. Ленин стремительно обходит их.

ЛЕНИН (Крупской). Здесь пусть будет что-то вроде гостиной, хотя я уверен, что все свободное время мы будем проводить на кухне. Там чертовски уютно, я заглянул одним глазом. Как, Надя, ты не возражаешь?

КРУПСКАЯ. Пожалуй, ты прав...

ЛЕНИН. А эта комната твоя... Здесь много света и, кажется, тепло... Как, Надя, тебе нравится?

КРУПСКАЯ. Нравится...

ЛЕНИН. А здесь поставим письменный стол, и больше мне ничего не надо...

КРУПСКАЯ (машет рукой). Горячка ты, Володя, уходи, пожалуйста, дай нам с Яковом Михайловичем разобраться...

ЛЕНИН (весело). Меня уволили в отставку!

Ленин выходит в коридор. Здесь он ловит Бонч-Бруевича, который собирался куда-то выйти, отводит его в сторону.

ЛЕНИН. Владимир Дмитриевич, а где вы собираетесь устраивать Якова Михайловича? Для нас это слишком роскошная квартира. Может быть, его сюда, ведь у него же ребятишки?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Владимир Ильич, не волнуйтесь. Яков Михайлович будет жить в Белом коридоре дворца, у него будет очень удобная квартира...

ЛЕНИН. Ну, смотрите... Только когда пой-

дете смотреть его квартиру, обязательно предупредите меня. Я тоже пойду...

СВЕРДЛОВ. А где же вы будете обедать?

ЛЕНИН. Как где? На кухне. Самое лучшее место во всей квартире. Мы там организуем дискуссионный клуб. Вы еще не видели? Идемте, я вам покажу. Там такая печь... (Уходят на кухню.)

В коридор выходит Крупская.

КРУПСКАЯ. Владимир Дмитриевич, я вам очень благодарна. Замечательная квартира...

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Только необходим ремонт...

КРУПСКАЯ. Самый маленький, никакой роскоши не нужно. Мы с Ильичем этого не любим, нас вполне устроит то, что есть. И Маняше понравится...

БОНЧ-БРУЕВИЧ. А теперь, Надежда Константиновна, я бы хотел вас познакомить со швейцаром, который на первых порах, пока мы не подыщем хорошую домработницу, будет вам помогать...

Бонч-Бруевич выходит и возвращается с очень высоким худым стариком. Пышные бакенбарды окаймляют его лицо, а изжелта-белые усы топорщатся надменно и сердито, большие лохматые брови сурово нависают над внимательными острыми глазками. Старая золоченая ливрея болтается на старике, как на вешалке.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Вот Петр Петрович Полищук, прошу любить и жаловать.

Старик неопределенно хмыкает, а Крупская, совершенно оробев, представляется.

КРУПСКАЯ. Надежда Константиновна... (Подает старику руку, чем приводит его в сильное смущение, он хмыкает, ворчит что-то вроде «запомним-с» и пожимает руку Крупской.)

Бонч-Бруевича куда-то позвали, и Крупская остается наедине со стариком. Тот внимательно, бесцеремонно осматривает ее, отмечает более чем скромное пальтишко, старые, но аккуратно починенные ботинки, лицо, изборожденное морщинами, и спрашивает, все так же сердито хмурясь.

ПОЛИЩУК. Хозяйство у вас есть какое?

КРУПСКАЯ (замявшись). Да, собственно... а что вы имеете в виду?

ПОЛИЩУК. Обыкновенно... Что у всех людей бывает... Посуда, белье, мебель...

КРУПСКАЯ. Вы знаете, этого почти ничего нет. Надо будет подкупить. Кажется, три стакана, несколько вилок и ложек, ну и еще какая-то мелочь...

ПОЛИЩУК. Странное дело... Как же это вы до таких годов дожили, а ни кола, ни двора...

КРУПСКАЯ. Да вы знаете, не пришлось как-то... Мы все время вынуждены были переезжать, нас постоянно преследовала полиция, так и не обзавелись ничем...

Старик вздрагивает и как-то странно смотрит на Крупскую. Но Надежда Константиновна уже понимает весь комизм происходящего, и веселые зайчики прыгают в ее глазах.

Полищук снова хмыкает и что-то бурчит, вроде того, что «ну и цари нынче пошли», но развивать эту мысль дальше не стал. Крупская едва сдержалась, чтобы не засмеяться...

ПОЛИЩУК. Ну, ладно, может, что и достану я для вас — посуду, какую нужно, ну и мебели немножко... Только вы аккуратно обращайтесь, чтоб ни царапины, ни еще чего... Особенно с полировкой строгость нужна... Чтоб вода на нее не попадала, горячее не ставили... Вам-то все это так, временно, а мне отвечать... Вернется кто из царской фамилии — с кого спросят? Так что не обессудьте...

Старик поворачивается и уходит. Крупская, улыбаясь, провожает его взглядом. Появляются Ленин, Свердлов, Бонч-Бруевич.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Товарищи, а не хотите ли прогуляться по Кремлю?

ЛЕНИН. Отличная идея! Давайте пройдемся, а потом уже решим все окончательно... (Выходит.)

Свердлов задерживает в дверях Бонч-Бруевича.

СВЕРДЛОВ. Владимир Дмитриевич, ремонт квартиры возьмите под свой контроль. Сделать надо быстро и хорошо.

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Думаю, что работа продлится недели три, от силы месяц. Временно мы могли бы предложить Владимиру Ильичу две комнаты в Кавалерском корпусе.

СВЕРДЛОВ. Там тепло?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Да, вполне...

СВЕРДЛОВ. Обязательно зайдем туда...

ГОЛОС ЛЕНИНА. Яков Михайлович, Владимир Дмитриевич! Догоняйте!

Бонч-Бруевич и Свердлов через парадную дверь выходят на лестницу, которая ведет в кремлевский двор.

Цыганков закрывает за ними дверь и быстро идет к кабинету. Ему навстречу попадается военный.

ВОЕННЫЙ (с легким латышским акцентом). Товарищ Цыганков, кабинет уже очищен, принесли стол и кресло.

ЦЫГАНКОВ. А ковер?

ВОЕННЫЙ. Еще не вернулись...

ЦЫГАНКОВ. Слушай, Петерсон, сбегай за ними в Большой дворец, поторопи...

ВОЕННЫЙ. Хорошо.

Когда Цыганков входит в кабинет, там вовсю идет работа. Несколько человек вешают на стену картину в огромной золоченой раме. Другие устанавливают по углам большие красивые торшеры стиля «ампир». На окна навешивают драпировку.

ЦЫГАНКОВ (любовно оглядывая менявшуюся на глазах комнату). Быстрей, быстрей, товарищи. Они сейчас вернутся, а мы им сюрприз. Вот только ковра не хватает, а так — аккурат царская каюта на «Полярной звезде».

РАБОЧИЙ (в дверях). Дерево принесли.

ЦЫГАНКОВ. Давай его сюда.

Открывают обе створки двери, вносят пальму. Долго ищут ей место, наконец устанавливают у окна. В коридоре раздаются голоса: «Несут! Несут!»

ЦЫГАНКОВ. Наконец-то! (Выходит в коридор.)

Шесть человек несут на плечах огромный скатанный ковер.

ЦЫГАНКОВ (придирчиво). Красивый выбрали?

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. А кто ж его знает? Я их отродясь таких не видел... Который был побольше — тот и взяли...

Ковер бережно опускают на пол и разворачивают. Огромный, почти во всю комнату, красный персидский ковер сразу же украсил кабинет.

ЦЫГАНКОВ (довольный). Красивый. Ну как? Еще чего-нибудь надо? Какие поступят предложения?

Все солидно молчат. Каждый примеряет обставленный кабинет к тому эталону роскоши и богатства, который существовал в его представлении и которым, безусловно, должен был являться кабинет главы первого рабочего правительства России.

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. Картин маловато.

ЦЫГАНКОВ. Можно добавить. Вон еще три подготовлены. Выбирай.

Старик подходит к картинам, смотрит одну, другую.

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. Бесстыдство это, а не картины. Ну, вот эту, пожалуй, можно... И рамка богатая...

Общими усилиями вешают картину.

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ (удовлетворенно). Ну вот, теперича и покрасивше и побогаче.

ЦЫГАНКОВ. Пожалуй... (Военному.) Ян, побудь у подъезда, как пойдут — предупредишь.

Все выходят в коридор. Цыганков аккуратно прикрывает дверь кабинета.

ЦЫГАНКОВ. Перекур. (Задымили самокрутки).

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. А что, товарищ Цыганков, ты, небось, так и останешься нами командовать?

ЦЫГАНКОВ. Нет, Мальков из Питера приедет. Дружок мой, тоже матрос. Он тут быстро наведет порядок. Серьезный мужик. С первых дней комендантом Смольного работал.

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. Охрана-то у вас большая была?

ЦЫГАНКОВ. Надежная.

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. А чего ж недосмотрели? Говорят, стреляли во Владимира Ильича?

ЦЫГАНКОВ. Было дело. С митинга он возвращался. Но мы их взяли через день, этих субчиков...

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. Офицерье?

ЦЫГАНКОВ. Оно.

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. Подруга-то у него, видать, заботливая да болезная... Как звать-то?

ЦЫГАНКОВ. Крупская Надежда Константиновна. По школьному делу она...

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. Говорят, он сегодня в Лефортове выступать будет... Пойду послушаю...

ЦЫГАНКОВ. Послушай, послушай, он понятно разъясняет. Я его в Питере раз десять слушал...

ВОЕННЫЙ. Интересуюсь, про войну скажет или нет? Надоело мне эту железку в руках держать, к станку охота... Я, конечное дело, паек получаю, не в обиде, но лучше я его сам заработаю... Опротивело мне по людям стрелять...

ЦЫГАНКОВ. Обязательно скажет, послезавтра съезд Советов по этому вопросу соберется. А вторым вопросом — дело со столицей решать будут...

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. А что питерские — обиделись?

ЦЫГАНКОВ. Есть немного и этого момента, но в основном удар перенесли сознательно. Я тебе, дедушка, как военный человек так скажу: негоже, чтоб главный штаб на передовой находился. Понимаешь?

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. Понимаю.

ЦЫГАНКОВ. В этом вся загвоздка...

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. А вот ты мне, товарищ Цыганков, вот что разъясни... Как он — строгий? Кричит? Простого человека выслушает?

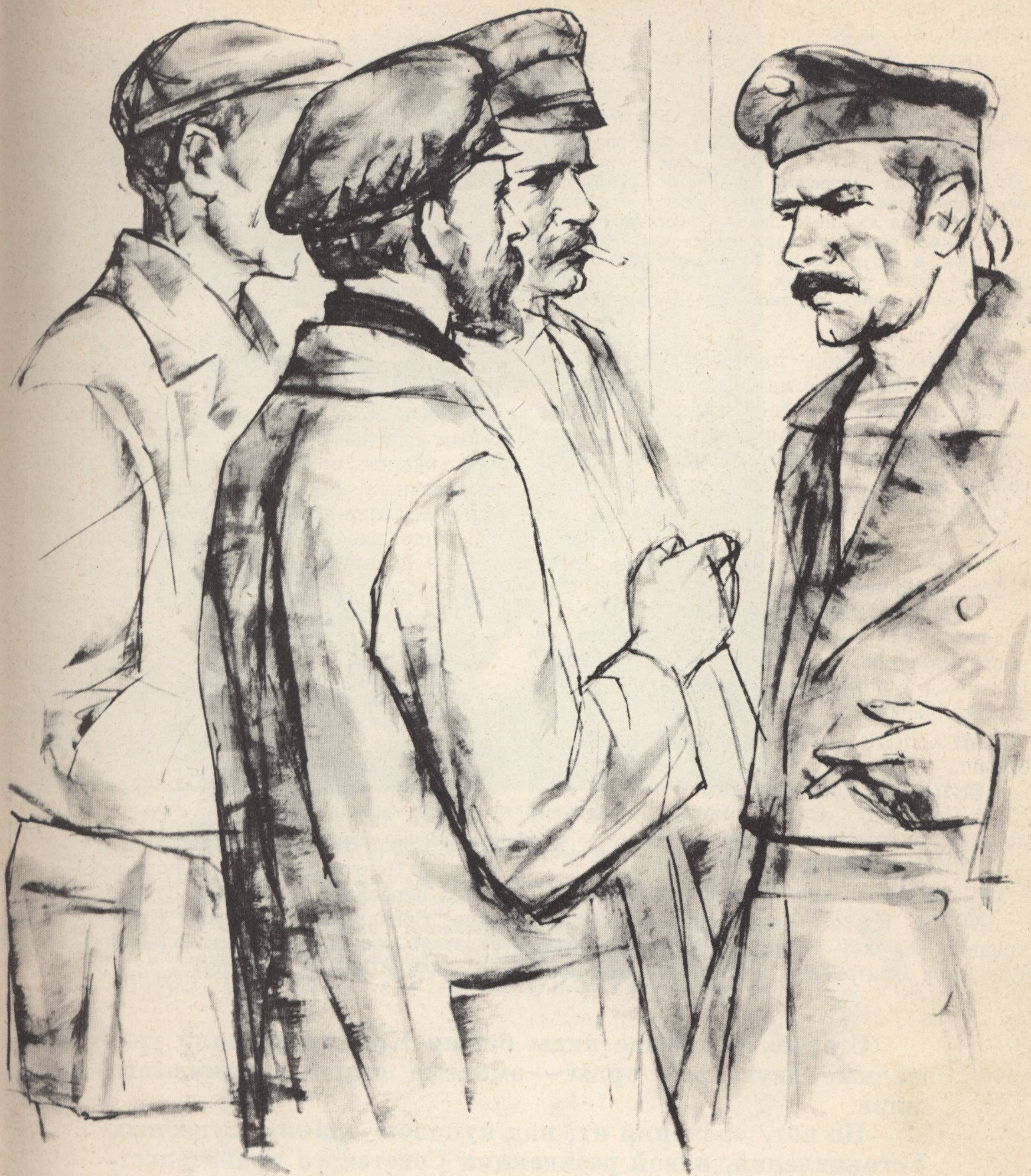
ЦЫГАНКОВ. Вот побудешь здесь сам дня три-четыре, все и увидишь... И мужиков, и заводских, и солдат простых. Все здесь будут. Насчет строгости? Серьезный мужчина... Вот я тебе скажу, был один случай, никогда я его таким не видел. Был у него матрос один, вроде как секретарь, Сидоренко фамилия... Ну и по пьянке орать начал, что я, мол, секретарь самого Ленина! Как узнал про это Владимир Ильич... Аж вспоминать страшно. Простить-то он его потом простил, мальчишка как-никак, по дурости все, от градуса, но обратно к себе не взял. Порядок он любит. И справедливость... А если у всех осьмушка, то у него не больше. Нельзя, чтобы к голоду обида прибавлялась. Как народ, так и он...

Со стороны квартиры слышатся шаги. Появляется Ян.

ЯН. Поднимаются.

Все встают, подтягиваются. В коридоре появляются Ленин и Бонч-Бруевич, за ними, чуть сзади, идут Свердлов и Крупская. Ленин чем-то взволнован, его голос гремит на весь коридор.

ЛЕНИН. Надо немедленно заняться восстановлением кремлевских памятников! Немедленно! Вот ведь была эпоха — настоящая аракчеевщина! Все обращали в сараи и казармы, даже собор не пожалели! Владимир

Все выходят в коридор.
Цыганков аккуратно прикрывает дверь кабинета.

Дмитриевич, надо обязательно найти хороших архитекторов и художников, чтобы они взялись за это дело с энтузиазмом... Только я вас прошу, не зовите футуристов, а то мы Кремль не узнаем...

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Хорошо, Владимир Ильич...

ЛЕНИН (*останавливается, берет Бонч-Бруевича за пуговицу пальто*). Ну, так как, Владимир Дмитриевич, берете вы на себя ответственность за Кремль?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Беру целиком и полностью, пока не наладится наш аппарат.

ЛЕНИН. Когда мне можно будет сюда переехать?

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Я думаю, что очень скоро. Временно мы разместим вас в Кавалерском корпусе, а что касается Совнаркома — числа восемнадцатого уже можно будет провести первое заседание.

ЛЕНИН. Отлично!

ЦЫГАНКОВ (*волнуясь*). Владимир

Ильич, мы вам тут небольшой сюрприз подготовили. Дозвольте показать?

ЛЕНИН (*задорно*). Это какой же? Надеюсь, приятный?

ЦЫГАНКОВ. Да вроде бы... Так что к работе вы можете приступить хоть сегодня...

И с этими словами Цыганков открывает дверь кабинета, Ян включает люстру. Секунду стоит мертвая тишина. Первым начинает хохотать Ленин, радостно, заразительно. Смеются и Свердлов, и Крупская, и Бонч-Бруевич. Ленин, вытирая слезы на глазах, обходит каждого участника «сюрприза», крепко жмет им руки и говорит.

ЛЕНИН. Спасибо, товарищи, спасибо, но это совсем не то, что мне нужно. Спасибо, но это все лишнее, лишнее. Надо скромный, деловой... Это же царская палата, честное слово... Вы уж не обижайтесь, но эта роскошь только мешает... Спасибо, не обижайтесь...

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. Мы хотели как лучше.

ЛЕНИН. Понимаю, но лучше — совсем просто. Письменный стол, пару простых кресел. А ковер зачем? Да я по такому ковру и ходить не умею. Это же искусная работа, ей место на стене, а не под ногами. Товарищ Цыганков, где это вы такой великолепный ковер раздобыли?

ЦЫГАНКОВ. Из дворца, Владимир Ильич.

ЛЕНИН. А много их там?

ЦЫГАНКОВ. Очень много... Большая комната набита наполовину...

ЛЕНИН. А кто за них отвечает?

ЦЫГАНКОВ. Хранители из гренадеров...

ЛЕНИН. Ну, это еще ничего, народ они крепкий, службу свою знают. А все-таки, Владимир Дмитриевич, надо все это как можно скорее взять на учет. Это — добро государственное...

БОНЧ-БРУЕВИЧ. Сделаем в ближайшие дни.

ЛЕНИН. А ковер этот вы уж, пожалуйста, снимите... Зачем он здесь? И отнесите назад... Взяли-то, небось, без расписки?

ЦЫГАНКОВ (*сконфузился*). Без расписки.

ЛЕНИН. Куда же это годится! Все должно быть на учете...

Осторожно ступая по ковру, подходит к креслу и столу.

А это зачем? Стол золоченый? Да еще на гнутых ножках. Кресло какое-то поставили... Несите его сейчас же обратно, а мне прошу поставить обыкновенное, деревянное, с плетеным сиденьем. Может, найдется на складах, поищите, но все берите по требованию и под расписку... И не обижайтесь на меня, товарищи... Мне нужно работать, а не баюкать свое тщеславие в роскоши. И красота для меня в целесообразности, а не в роскоши...

Ленин подходит к окну и, присев на подоконник, обращается к Свердлову.

ЛЕНИН. Мы не опоздаем в Моссовет?

СВЕРДЛОВ. Времени достаточно. (*Достав свою записную книжку и что-то отметив.*) Обязательно, Владимир Дмитриевич, попросите товарищей поднять над Кремлем красное знамя.

ЛЕНИН. Отличная идея! И отправьте тогда уже такую телеграмму: «Всем, Всем, Всем. Совет Народных Комиссаров и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет переехали в Москву. Отныне новый адрес Совнаркома — Москва, Кремль. Председатель Совнаркома Ульянов (Ленин). Председатель ВЦИКа Свердлов».

Старые, видавшие виды башни Кремля венчали громадные двуглавые орлы — эмблема старого, отжившего мира.

Но вот, заслоняя их, над куполом здания Судебных Установлений, новой резиденции Советского правительства, взвилось красное знамя Революции. Мощные порывы ветра подхватили его, и оно затрепетало, как живое...

1962 г.

Когда смотришь на глобус, хочется мечтать о дальних странах, трудных путешествиях и больших открытиях.
А теперь давай посмотрим на фотографию: это тебе не какой-нибудь глобус. Здесь живая земля. Над ней носится ветер, бушует гроза и облака бросают тень на горы.
Где-то тут и ты живешь, по каким-то дорогам ходишь в походы, в какую-то речку прыгаешь с берега, на вершину какой-то горы глядишь, задрав голову. Это наша с тобой Земля, огромная, круглая.
Люди давно знали, что Земля — шар, а теперь поглядели на нее с большой высоты, с такой большой, что настоящую Землю можно принять за глобус.
Так увидел и показал нам Землю фотоглаз советской космической станции «Зонд-5» 21 сентября 1968 года в 12 часов 08 минут по московскому времени на пути от Луны к Земле. Расстояние до Земли в этот момент было 90 000 километров.

ЧЕЛОВЕК С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Не всем довелось видеть его вот так просто, рядом, лицом к лицу, но на экранах телевизоров или кино, на газетных фотографиях видели все. И каждому хотелось узнать о нем больше, еще больше, как можно больше.

Любая строчка в газете, любая сказанная им кому-то фраза, любая подробность — все это по крохам собиралось и накапливалось памятью.

Вот перед стартом прощальный жест поднятых над головой рук. Вот шутливый ответ на вопрос корреспондента. Вот промелькнувшая на лице улыбка, когда он повернулся и взглянул на нас из космического пространства во время сеанса телесвязи. Вот он, объясняя нам, оставшимся на Земле, устройство своего корабля, отпустил на минуту (чтобы освободить руки) переносную телевизионную камеру и сказал до смешного буднично, как о чем-то совсем обычном:

— Пусть она пока поплавает сама! — И продолжал объяснять, а камера повисла в воздухе. Невесомость.

Вот мы слышим короткие, сжатые ответы, которые получает от него, от «Аргона», «Заря». Идет работа. Будничная работа космонавта. И мы чувствуем, как он собран, точен, спокоен...

Мы, никогда не видевшие его рядом, старались из сотен отрывочных и скупых де-

талей сложить, построить для себя реальный и живой образ Космонавта-12.

ЛЕТЧИК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Это сказал о нем два года назад Юрий Гагарин.

— Летчик с большой буквы. Я только в школу начал ходить, а он уже фашистов в небе громил...

Сам Космонавт-12 о первых своих шагах в небо написал: «Я вступил в комсомол, когда учился в аэроклубе. Представьте, мальчишка шестнадцати лет, а мне уже доверили самолет! Что творилось в моей душе! Первый самостоятельный вылет запомнил на всю жизнь. А самым большим делом своих комсомольских лет считаю поступление в летную школу. Мне было тогда семнадцать лет. И я навсегда связал свою жизнь с авиацией».

Ему было всего двадцать, когда он стал военным летчиком. Это произошло в июне 1941 года. На страну уже обрушилась война. И он воевал. В штурмовой авиации.

Обыкновенному человеку, который первый раз в своей жизни летит пассажиром, бывает немного страшно, когда самолет набирает высоту и под крылом быстро бежит земля. По-настоящему страшно становится новичку, когда он взглянет на Землю с большой высоты. И невдомек ему, что высота — союзник летчика даже в мирном небе. Она дает запас времени овладеть машиной и положением, если что-либо случится в полете.

А у летчика штурмовой авиации в боевой обстановке этого запаса нет. Он летит с огромной скоростью и на малой высоте, поливая огнем колонны вражеских машин на дорогах, скопления войск, окопы, прижимая врага к земле, прикрывая идущих в наступление своих, расчищая им путь. И это все под обстрелом зениток, пробиваясь сквозь огонь и разрывы. Бесстрашие, мастерство, молниеносная реакция — вот что такое летчик-штурмовик.

Сто восемьдесят шесть боевых вылетов на счету Берегового. Восемью боевыми орденами, многими медалями и Золотой Звездой Героя отмечены его подвиги.

Когда он был мальчишкой, мир узнал имена первых Героев Советского Союза. Их было семеро, спасавших команду и пассажиров раздавленного полярными льдами «Челюскина». Любимыми героями енакиевского мальчишки Жоры Берегового стали и эти семеро, и чкаловская тройка, и Михаил Громов, и Владимир Коккинаки.

Походить на любимых героев мечтает каждый, но не каждый эту свою мечту умеет сделать былью. Он сумел.

ИСПЫТАТЕЛЬ

У любимой песни его юности припев:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц...

Должно быть, это в его характере: подниматься все выше и выше, достигнув одной высоты, стремиться к следующей, от одной трудной цели к другой, еще более трудной.

Когда кончилась война, он стал летчиком-испытателем.

«Триста неизвестных» — так назвал свою книгу командир отряда испытателей, в котором работал Георгий Тимофеевич Береговой. Книга — о сложном и опасном труде испытателя самолетов. Триста неизвестных. Каждый самолет нового типа — это и есть один из неизвестных. И летчик-испытатель садится за его штурвал и уходит в небо, чтобы узнать, какой он. Конечно, не прямо и не сразу в небо. Характер новой машины сперва узнается на земле, в рулежках, в «подлетывании». И все же, как говорит пословица, вкус пудинга узнается в еде. Летные качества новой машины узнаются в полете.

У самолета новой конструкции порой может проявиться свой неожиданный характер, не всегда хороший. Один упрямо заваливается на крыло, другой непроизвольно срывается в штопор, а войдя в штопор, не хочет выходить из него. Летчик-испытатель, вступая в поединок с такой машиной, борется и за ее жизнь и за свою. Но он при этом ведет наблюдение, он исследователь в неведомой стране, он должен, вернувшись на землю рассказать о нраве самолета ученым, конструкторам, инженерам. Он сам экспериментатор и ученый. Это про всех испытателей, это в их профессии.

Но штурмовой комэск, став испытателем, испытывал не простые самолеты, а реактивные. Тут каждый неизвестный был неизвестным вдвойне и втройне. Тут все было в первый раз. И высота и скорость. Даже многие законы аэродинамики, на которых строится теория полета обычных машин, здесь не годились. На скоростях, близких к скорости звука, летящее в воздухе

Вот он, испытатель космических кораблей Георгий БЕРЕГОВОЙ.

тело подчиняется иным законам. Они были выведены лишь для пули и для снаряда.

...Реактивные самолеты, войдя в штопор, не выходили из него. Лучшие летчики-испытатели разрабатывали свои методы, чтобы решить задачу. В их числе — Георгий Тимофеевич Береговой. Когда пришла для него пора проверить свои теоретические расчеты, он набрал высоту и ввел машину в штопор. Он сделал восемнадцать витков, ведя наблюдения, набирая данные, передавая их земле. А земля надвигалась неотвратимо. Только на последнем пределе он, применив свой метод, перевел машину из штопора в пике, из пике — в горизонтальный полет.

...Испытывались новые сверхзвуковые перехватчики. Он считался мастером перехвата. Нужно было осуществить ночной перехват. Это не удавалось. Трех лучших летчиков вызвал маршал, чтобы поручить им трудную задачу.

— Я готов,— сказал, не колеблясь, один.

— Я готов,— сказал второй, чуть подумав.

Береговой сказал:

— Не готов. В ночных полетах машину не проверял. Надо тренироваться.

Из троих именно он успешно осуществил ночной перехват на этой машине. После упорных ночных тренировок.

Мужество. Нужно было большое и зрелое мужество, чтобы сказать «не готов». И такое же большое чувство ответственности.

...Погиб летчик Андреев. Погиб при посадке, самоотверженно доведя до аэродрома поврежденную машину, чтобы в записях уцелевших приборов инженеры и конструкторы смогли прочесть и разгадать причину разыгравшейся в воздухе трагедии.

Разгадать не удалось. Но у разбитого самолета был двойник. И на нем ушел в испытательный полет Береговой.

Нужна огромная смелость и огромная сила воли, чтобы вот так повести в небо незнакомую машину, враждебно таящую в себе те же свойства, которые привели к гибели твоего товарища.

Лететь, чтобы укротить машину, чтобы довершить дело, ради которого отдал жизнь Андреев. И Береговой довершил. Разгадал коварные свойства машины. Помог устранить их. Новый хороший боевой самолет вступил в строй.

— Он учил машины летать,— сказал о нем летчик-космонавт Алексей Леонов.

В те дни, когда «Союз-3» мчался еще по своей орбите, кто-то из наших польских друзей писал в газете: «Мы присутствуем при рождении новой профессии: испытатель космических кораблей».

Георгий Тимофеевич Береговой — дважды Герой Советского Союза... Он учил летать самолеты, теперь он учит космические корабли.

Е. РУБЦОВА

ПРИНИМАЕТ ТВОИ СИГНАЛЫ

Флаги *над* крышами

Н. КИСЕЛЕВ

Прежде, чем рассказать тебе об удмуртском селе Якшир-Бодья, я хочу, чтобы ты его себе представил.

Вокруг села лес. Над селом небо, а над крышами домов красные флаги.

Сначала я подумал, что в Якшир-Бодье праздник. Но оказалось, что дело вовсе не в празднике. На каждой улице этого села есть свой пионерский отряд, а во дворах стоят пионерские мачты, на которых подняты красные флаги.

Бывает, ребята жалуются: негде собраться, нет места для штаба... Знаете, где якшир-бодьинские ребята штаб устроили? Под деревянной горкой. Вот посмотрите, как выглядит их штаб и весь двор.

Нравится? Мне было интересно. Наверное, вам хочется расспросить ребят из Якшир-Бодьи, как они все организовали. Я задал им три вопроса.

— *Где достали доски, гвозди, инструменты, чтобы построить мачту, спортивные снаряды, площадку для малышей?..*

— Подружились с лесхозом. Помогали прореживать лес, ухаживали за молодыми посадками, сделали много скворечников.

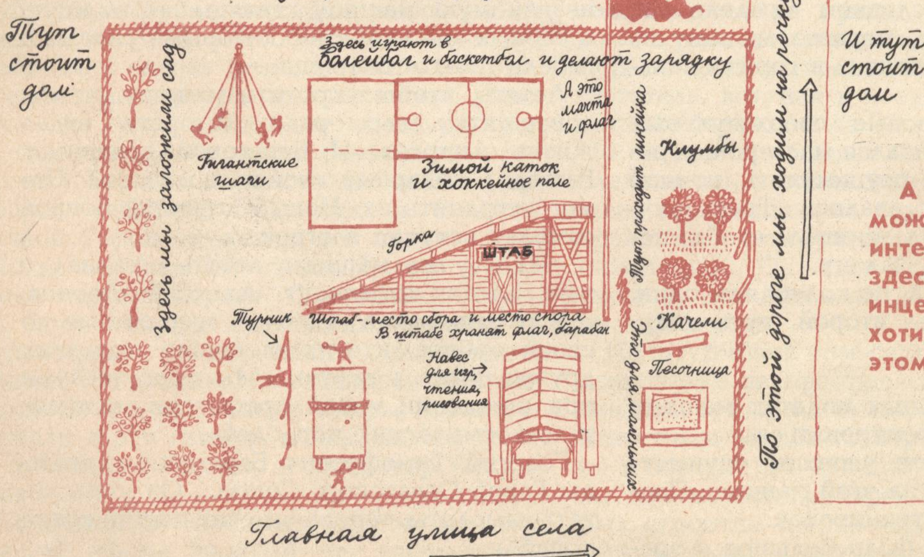
— *Кто помог расчистить площадку, все построить, провести радио, заложить сад?*

— Мы и с колхозом дружим. Нужно прополоть овощи — идем всем отрядом на прополку. Картошку не успели убрать — отряд отправляется в поле. А когда мы придумали Праздник зимы и нам захотелось, чтобы вокруг двора горели гирлянды разноцветных лампочек, к нам из колхоза пришли комсомольцы-электрики.

Комсомольцы к нам вообще часто приходят: берут с собой в походы, участвуют в наших концертах, судят наши конкурсы. Мы ужасно любим всякие конкурсы: кто скорее щук наловит? Кто больше лекарственных трав соберет? Кто веселее игру для малышей придумает?

Всем ребятам СОВЕТУЕМ иметь побольше взрослых друзей. У нас у каждого отряда есть свой СОВЕТ СТАРШИХ ДРУЗЕЙ.

ПЛАН НАШЕГО ДВОРА

А в твоем дворе, может быть, даже интереснее, чем здесь, у якшир-бодьинцев. Мы очень хотим узнать об этом.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА

Ребята в Якшир-Бодье любят устраивать в своих дворах праздники. Если ты внимательно рассмотришь этот рисунок, то увидишь, как прошел у них Праздник зимы. Что бы ты дорисовал на этой картинке? Что еще можно придумать на празднике?

— Что вы посоветуете другим ребятам, с чего им начать, чтобы во дворе стало интересно?

— Подружиться. Делать все вместе. Вместе играть, вместе пойти в поход, вместе помогать всем, кому нужна помощь...

Если у тебя есть другие вопросы к якшир-бодьинцам, напиши им. Их адрес: Удмуртская АССР, село Якшир-Бодья.

А теперь два вопроса к тебе!

Хорошо ли тебе живется в твоем дворе?

Не спеши сразу ответить на этот вопрос. Подумай сначала: дружные ли у вас ребята, интересно ли вы проводите время, чем нравится и чем не нравится тебе твой двор. Попробуй представить себе, как он выглядел бы на рисунке...

Каким ты хотел бы видеть свой двор зимой, весной, летом?

Нарисуй свой двор таким, каким хочешь его видеть. Пришли нам этот рисунок и подробный рассказ о своем дворе, совет товарищам, предложения, как и что можно устроить.

Я два раза ездила верхом!

Я хочу рассказать о своем питомце — рысаке Резвом.

Это было три года тому назад. На нашей совхозной конюшне ожеребилась лошадь. Ожеребилась и погибла. Остался после нее маленький черненький жеребенок. Его хотели зарезать, но я попросила, чтобы мне дали его домой, и мне разрешили.

Он даже не умел пить молоко из бутылки. Я его заставляла пить, а он даже рта открыть не умел. Все думали, что его не спасти, но мы с мамой все равно за ним ухаживали.

Через неделю наш Резвый попробовал встать на ноги. Еще через неделю он уже бегал и пил молоко из ведерка. В три месяца он отзывался на свою кличку, а когда ему исполнилось полгода, он уже легко ходил на недоуздке.

Люди говорили, что он все равно погибнет, потому что без матери, а потом сами удивлялись.

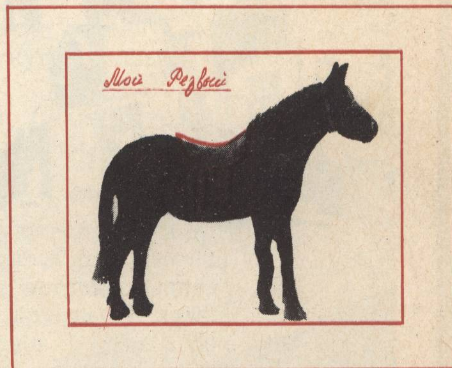
Когда Резвому исполнилось два года, мы отдали его в совхоз. Он стал такой красивый: высокий, черный, с могучей грудью. Каждое утро он прибегает к нашему дому и ждет, пока я вынесу ему кусочек черного хлеба с солью.

Я уже два раза ездила на нем верхом!

Посылаю вам рисунок моего верного друга Резвого.

А кроме лошадей, я очень люблю собак. У меня есть мечта: достать щенка овчарки или дога и воспитать его.

До свидания.

Ирина САУШЕНА
д. Васькино, Вологодская обл.

Девочки остались живы

В нашем поселке Рейд живет Таня Бугаева. Ей пятнадцать лет. Она учится в школе.

Однажды Таня и ее подруги Галя и Надя решили пойти в соседний поселок.

На улице стоял мороз. Сначала девочки шли ходко, но вдруг налетел резкий ветер, и впереди не стало ничего видно.

Девочки потеряли дорогу. Начало темнеть. Поднимался буран. Они шли без дороги, по сугробам. Через некоторое время Галя и Надя потеряли силу воли и не могли идти. Одна Таня держалась на ногах.

Идти надо было против ветра, но она шла и вела под руки подруг. Надя совсем выбилась из сил и не могла идти, и Таня взвалила ее на спину, а Галю взяла за руку.

Таня шла, спотыкаясь, падала, поднималась и шла дальше.

Так, выбиваясь из сил, она довела подруг домой. Только благодаря ее силе воли девочки остались живы.

Об этом я и прошу вас, дорогая редакция, написать в вашем журнале «Пионер».

Владимир КАРПИКОВ
пос. Рейд,
Хабаровский край.

Дорогой „Пионер“!

Нас давно интересует один вопрос, на который почти никто не может ответить. Как хорошо, интересно и весело устроить день рождения. Нужно ли приглашать только одних девочек? Или можно пригласить несколько мальчиков. Может быть, приглашать мальчиков неприлично?

Лена Васильченко,
г. Ленинград.

ОТ РЕДАКЦИИ:

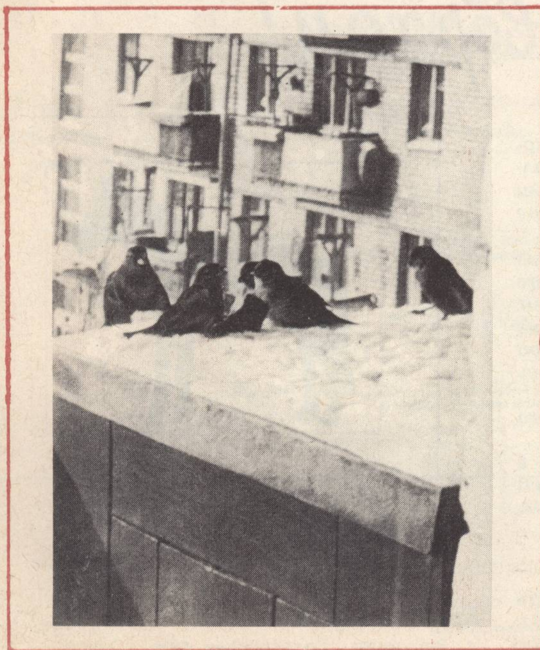
А нам, Лена, твой вопрос не показался таким уж трудным. Конечно, можно приглашать на день рождения мальчиков. Тут нет ничего дурного, и странно даже об этом спорить.

Труднее решить: кого именно пригласить к себе в такой день — из всех одноклассников, из всех ребят твоего двора, из всех, с кем ты познакомилась и подружилась в лагере, в походе. Тут уж никто тебе не поможет — придется самой выбирать. Кстати, вот тебе случай подумать: а кто, собственно, твои самые верные, самые лучшие друзья?

Но какая бы славная компания ни собралась к тебе в день рождения, настоящего веселья не получится, если ты заранее не обдумаешь «программу вечера». Можно устроить шарады или какой-нибудь шуточный спектакль, конкурсы и лотерею... Можно сделать смешные подарки гостям, написать пожелания в стихах. Да и потанцевать и пластинки послушать, наверное захочется!

Отвечая на мамины советы, ты, наверное, не раз и не два подумаешь или скажешь вслух: «Это ведь мой праздник!» Мы будем рады, если ты повторишь эти слова, когда надо будет готовить угощение и мыть посуду. Это действительно твой праздник. Тебе от него больше всего радости. Тебе же и больше всего хлопот. Смотри, как бы не получилось так, что веселье достанется тебе, а хлопоты — маме и бабушке!

А теперь поздравляем тебя с днем рождения и желаем хорошо провести этот день.

Мне понравилась фотография, а вам?..

Дорогая редакция!

У меня есть очень хороший друг. Подружился я с ним в Артеке. Его зовут Саша Башкатов. Он живет в городе Запорожье. Но расстояние не мешает нашей дружбе. Я с ним переписываюсь.

Я получил от него письмо. В нем была поздравительная открытка с днем рождения и несколько фотокарточек. Одна из них мне особенно понравилась, и я решил послать ее вам. Если она и вам понравится, то можете ее напечатать.

С пионерским приветом

Толя НЕЧАЕВ
г. Гурьевск,
Кемеровская обл.

Во что вы играете?

Спрашивают ребята из Ярославской области.

Они построили крепость и начали снежные маневры.

Еще какая ТВОРЧЕСКАЯ!

С. БОГАТЫРЕВА

— Теперь нас шесть человек, — начала Галя.

— Восемь, — вставил Сережа.

— Шесть, — сказала Галя. — А в первый раз пришло человек шестьдесят.

— Сорок, — вставил Сережа.

— Шестьдесят, — сказала Галя. — Стулья тащили из зала.

— Если сорок, стулья все равно надо тащить, — сказал Сережа.

Пожалуй, не так важно: шесть или восемь, сорок или шестьдесят. Все знают, что в первый раз на переводческий кружок пришли чуть не все пятиклашки, а теперь, к восьмому классу, осталось несколько человек.

Спросите тех, кто убежал в первый же месяц: почему, мол, ушли? Скажут, трудно. Скажут, скучно. Скажут: возишься, возишься, а что получится — неизвестно.

Спросите тех, кто остался, что их держит. Скажут, трудно. Скажут, интересно. Скажут: возишься, стараешься, а потом вдруг здорово так получится!

Кто прав? Пожалуй, и те и другие.

Трудно показалось всем. Но одним было трудно-скучно, а другим трудно-интересно. И, может быть, все дело в том, что считать интересным? С книгами ведь такая же история. Одному интересно читать об устройстве Вселенной, а другому — только про шпионов. Нет, я не против книг про шпионов, но мне ближе те ребята, что любят читать про Вселенную.

В серьезном деле очень часто «интересно» начинается после «скучно». И на пути к самым заманчивым, самым увлекательным профессиям стоит порой немало скучных барьеров.

Переводческая работа не исключение из этого правила.

Но сначала надо сказать, о чем и о ком идет речь.

Те шесть (или восемь, как говорит Сережа) ребят, которые

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА

остались из шестидесяти (или сорока, как считает Сережа), — это кружок художественного перевода 61-й московской спецшколы. Руководит кружком Виктор Александрович Хинкис, переводчик многих замечательных книг. Школа английская, и ребятам заманчиво показалось пустить в ход свои знания: переводить рассказы, а то и повести, которые по-русски никто до сих пор не читал. Но получилось это не у всех и не сразу.

Рассказывает Вера Грищенкова

— Оказалось, что мы языка не знаем. Русского.

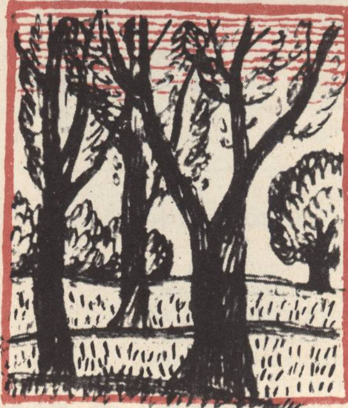
(— Ну уж! — сказал Сережа.)

— Английского мы не знали, но мы знали, что не знаем его. А русский, мы думали, что знали, а вышло, что не знали.

(— Зарапортовалась,— сказал Сережа.)

— И мы стали изучать русский язык. Не для школы. Для себя. Каждый день и все время. Нам для кружка надо было собирать всякие смешные выражения. Ну, когда кто-нибудь неправильно скажет и получается смешно. Вроде игры, знаете: «черного и белого, не берите, да и нет не говорите»... Мы и не заметили, как приучились следить за каждым своим словом: как оно стоит — на месте ли, кстати ли и нельзя ли лучше, складнее сказать.

ПЕРЕВОД ВЕРЫ ГРИЩЕНКОВОЙ

«Попробуйте представить себе Британию в далекие времена. Попробуйте на миг забыть все, что вы привыкли видеть каждый день: скверы, дома, живые изгороди,— и вообразите нетронутую природу. Вокруг — зеленое море травы и дремучие, непроходимые леса, которые тянутся до самого горизонта».

Прочитайте перевод Веры Грищенковой.

Все слова стоят тут «как надо, на месте и кстати», и, кажется, нехитрое дело было их так расставить. Смотрите, как складно у Веры сказано: «Представьте себе, что исчезли улицы и дома вашего города. На их месте — древние долины и холмы». Нетрудно так сказать, правда? А теперь поглядите, как звучала та же фраза поначалу, когда Вера старательно и аккуратно, а главное, очень точно перевела ее с английского: «Можете ли вы вообразить холмы и долины под городом, где вы живете, разрезанном на полосы домами и улицами».

— Это,— говорит Вера,— и то не сразу получилось! А иногда так бывает: дома, кажется, совсем хорошо перевела, а потом на кружке прочтут твой перевод вслух, и видишь, что никуда он не годится. Как-то чужим голосом лучше слышишь свои ошибки.

— Их и своим голосом хорошо слышно,— сказал Марик.— Только надо прочитать вслух, хотя бы самому себе.

— Это вообще полезно: читать то, что пишешь,— ехидно подсказал кто-то.— А то опять поплывут по морю «три зловещих метра акулы».

Все засмеялись, а Марик стал рассказывать.

ПЕРЕВОД МАРИКА ПЕЙСАХОВИЧА

«Форель шмыгнула в чащу водорослей, но серебристый блеск ее чешуи привлек внимание акулы. Та резко повернула и пустилась в погоню. Форель в страхе метнулась в сторону. Справа она увидела темный вход в подводную пещеру, проскользнула туда и надежно спряталась в темноте. Вдруг она ощутила прикосновение чего-то гладкого. Это был гигантский морской угорь. Форель выскочила из укрытия и ринулась вверх. Но там ее поджидала акула...»

Рассказ Марика Пейсаховича

— Это они меня дразнят. У меня один раз такая ерунда написалась: «три зловещих метра акулы». Вроде я все верно перевел, каждое слово, а вышла глупость. Потому что слова переводил, а о смысле не думал. Это был морской рассказ. О рыбах.

По-английски он называется «Двойная опасность». Рассказ интересный, а название по-русски показалось мне скучным. Я попробовал придумать по-своему: «Между двух огней» или «Между Сциллой и Харибдой». Мы это обсуждали на кружке и решили, что названия мои не годятся. Там ведь, в рассказе, ничего такого нет: ни Сциллы, ни Харибды, ни огней. И, наверное, переводчик не имеет права придумывать... То есть придумывать он должен, обязан даже! Только нельзя слишком сильно фантазировать.

Я написал потом: «Между двух опасностей». А это и к нам, к переводчикам, относится. Мы тоже между двух опасностей работаем. Если очень близко к тексту, получается ерунда, вроде трех метров акулы. Если далеко от текста, выйдет не перевод, а свой рассказ. Очень трудная работа.

— А еще, говорят, наша работа не творческая,— сказала Галя Марина,— некоторые очень умные люди так считают.

ПЕРЕВОД ГАЛИ МАРИНОЙ

«У нас жила ворона, которую мы звали Галчонком. Мы нашли ее еще птенцом, решили, что это галка, и дали птенцу такое имя.

Он лежал под деревом, такой жалкий, что трудно было разобрать, кто это на самом деле. На макушке у него зияла рана, которую ему, наверное, выклевали взрослые птицы, на тусклых перьях запеклась кровь.

Мы подобрали его, принесли домой и устроили ему гнездышко в пустой картонной коробке.

На другое утро в саду послышались радостные голоса: «Галчонок поправился! Он просит есть!»

Мы раздобыли сырое яйцо, вылили его в миску, накрошили туда хлеба и дали ему чайную ложку этой смеси. Галчонок проглотил и попросил еще. Нет уж, он умирать не собирался!

Вскоре мы поняли, что принесли домой настоящего чертенка. Галчонок выучился летать, стал красивой птицей с иссиня-черными перьями, блестящими глазами и изогнутым клювом. Как больно умел он долбануть этим клювом! Клюнет тебя в ухо, вспорхнет на крышу и начинает насмешливо кричать: «Ну-ка достань меня! Ха-ха-ха! Попробуй, достань!»

Рассказ Гали Мариной

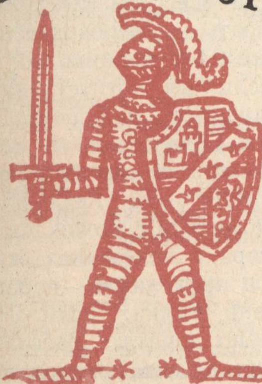
— Мы с папой поспорили. Из-за кружка. Мой папа—художник. У него жутко творческая работа. И папа говорит, что если человек нового не создает, а только переводит на другой язык то, что другой раньше написал, значит, у него не творческая работа. А разве переводчик не создает нового? Он переводит мысли автора, а слова каждый раз находит свои. Сказать по-русски надо так, чтобы не только понятно и интересно было, а чтобы человек, который станет читать, взволновался. А если слово за слово переводить, получится скука, и никто не станет читать. Как же не творческая. Очень даже творческая!

Мне больше всего нравится переводить разговорную речь. Ведь не станешь о моем Галчонке говорить так, как пишут о птицах в учебнике!

Галчонок кричит ребятам: «Ну-ка достань меня!» Если перевести дословно, он кричит: «Достань меня на этот раз». Я сначала написала: «А вот сейчас достань меня». Нескладно! Потом поправила: «Сейчас же достань меня!» Опять не то! И только на кружке, все вместе мы придумали: «Ну-ка достань!» Из-за двух слов столько труда! А папа говорит: не творческая работа.

Больше всего «разговоров», прямой речи, досталось переводить Оле Авдюшкиной. Хоть бы еще люди разговаривали, а то зверюшки: Пушистый Бельчонок, Полисмен Барсук, ласка по имени Вилли и зайчонок Гарри.

ПЕРЕВОД ОЛИ АВДЮШКИНОЙ

«В палатке под вывеской «Старинные доспехи» Вилли увидел рыцаря, закованного в броню.

Вдруг рыцарь как заорет:

— Спасите! Я застрял!

— Кто... кто это? — заикаясь, спросил Вилли.

— Не бойся, это я!

Тут Вилли заметил под шлемом длинные уши и два блестящих глаза. Оказалось, это его друг, зайчонок Гарри залез в доспехи.

Вилли попытался его вытащить, но не тут-то было!

— А ходить ты можешь? — спросил Вилли.

— Могу, только очень медленно.

— Тогда пошли домой! Попробуем развинтить доспехи отверткой».

Рассказ Оли Авдюшкиной

— Очень долго не получались у меня разговоры! Вроде бы все верно, а слова какие-то неживые. Ни звери из сказки, ни люди так не говорят. А как иначе сказать — не знаю!

Мне посоветовали послушать внимательно, как ребята в школе говорят друг с другом, особенно

малыши. И, верно, помогло: сразу мои зверюшки веселее заговорили! Только, наверное, этот рассказ лучше можно было перевести. Надо будет попробовать...

Рассказ Лены Бухбиндер

— Рассказ мне достался о викингах.

Виктор Александрович сказал нам: «Переводчик должен знать все. Если он не знает толком того, о чем переводит, ему с работой не справиться. Тут уж ни знание английского, ни знание русского не спасет».

Мы говорим: «Как так — все?» «Все,— говорит Виктор Александрович.— И морское дело, и историю, и археологию».

Мы говорим: «Так не бывает, чтобы человек знал все». «Правильно, не бывает. Но человек должен уметь добывать из книг знания, работать в библиотеке. А прежде всего нужно ему научиться пользоваться словарями. Самыми толстыми. Самыми трудными. Энциклопедическими».

Я, когда взялась за свой рассказ — он называется «Путешествие Отера», написал его Кроссли-Холланд, — думала, что так обойдусь. Безо всяких энциклопедий. А потом вижу, что нипочем мне не вообразить этого самого Отера, и то, как бы он рассказывал, если бы заговорил по-русски. А тут еще на кружке, когда я прочла начало, ребята спросили, кто такие викинги. Я промолчала, а Марик, он почему-то всегда все знает, стал объяснять. Виктор Александрович говорит: «Очень жаль, Лена, что Марик о твоих викингах знает больше тебя». И пришлось мне записаться в историческую библиотеку.

Потом некоторые предложения, которые у меня получились, я нашла в русских рассказах о викингах. Нет, я не списывала, просто такое совпадение. Должно быть, это значит, что я верно перевела. Как вы думаете?

А СЕРЕЖА РЯБИНИН ничего о себе говорить не стал. Он вообще больше помалкивал. Поэтому вместо рассказа Сережи Рябинина мы напечатаем отрывок из рассказа «Хранители огней», который он перевел.

Может быть, он промолчал просто потому, что вообще человек молчаливый. А может быть, потому, что «молчание — знак согласия». Только все на него поглядели, и Галя сказала строго:

— Тебе нельзя переводить художественную литературу. Ты к математике слишком способный.

Вот и все, что мы хотели рассказать о переводческом кружке 61-й спецшколы.

А если вы хотите узнать, что случилось дальше с Пушистым Бельчонком и спаслась ли от преследования форель; если вам любопытно познакомиться с похождениями Отера в неведомых странах и с проделками вороны по имени Галка; если вам интересно дочитать рассказы о жизни наших предков и о хранителях огней, — в этом вам охотно помогут ребята из 61-й школы. Они ведь для того и переводят, чтобы другие могли прочитать!

ПУТЬ, ОЗАРЕННЫЙ СОЛНЦЕМ

По-медвежьи взревел лес, содрогнулась богатырь-гора Ирендек. Закипели озера, туманная мгла раскололась... И в тот же миг разнесся по всей округе первый крик младенца. Новорожденный не плакал, просто он оповещал мир о своем появлении.

Стали чище и выше в тот миг небеса
И быстрее течение рек,
Потому что в ту светлую ночь родился
На прекрасной земле человек!

Так, по-сказочному, описывает поэт Мустай Карим рождение человека. Мальчик — герой поэмы «Декабрьская песня» — появился на свет близ Уральских гор, в Башкирии. И по древнему обычаю башкирского народа повивальная бабка спрашивает совета у земли и у ночи: какое имя дать ребенку, чтобы жизнь его была полной, счастливой?..

Может быть, назвать его в честь могучего камня?.. Нет, тогда сердце его может стать каменным, холодным, тогда

...Будет жить он с тупым равнодушьем
в крови,
Ни вражды и ни дружбы не зная.

Родные не хотят ребенку такой участи и дают ему имя Юлдаш — во славу дороги, длинного пути, который блестит под луной и солнцем...

...Жизнь Юлдаша, будь так же пряма
и длинна,
Как дорога далекая эта,
Будь, как эта дорога, озарена
Никогда не тускнеющим светом!

Конечно, Юлдаш — придуманный, вымышленный герой, и участие природы в его рождении — чистая фантазия. Однако же детские годы этого мальчика и обстановка, его окружающая, во многом напоминают детство автора поэмы — Мустая Карима.

Подобно своему герою, поэт родился в башкирском ауле, на зеленом берегу сказочно прекрасной реки Демы.

Родители мальчика не знали грамоты, и вместо подписи им приходилось ставить тамгу — знак, похожий на куриную лапу. Так «расписывались» почти все башкиры до революции. Но перед ребенком, родившимся в 1919 году, открывался иной путь. Радость стояла у его люльки.

...Окружал меня простор степей,
Тесноты не знал я с детских дней,
Среди ласковых людей я рос...

Воспоминания детства — один из главных источников поэзии Мустая Карима. А среди воспоминаний на первом месте — горы Урала, похожие на нарастающий прибой, ключи, прозрачные, как журавлиный глаз. И люди, которые «умеют работать так красиво, словно песни поют». И, конечно, дети этих людей, милые друзья отроческих лет.

Те из вас, кто читал книги Мустая Карима о ребятах, скажем, «Радость нашего дома» или «Таганок» (кстати, эта повесть несколько лет назад печаталась в «Пионере»), знают, как умели дружить аульские ребята, какие занятные игры они придумывали, какие открытия делали все вместе...

Паренек в лаптях и в потертой тюбетейке, уходя по узенькой тропке из аула в город, уносил с собой не только сотни надежд, но и память о детстве, частицу родной земли... Где бы ни случалось ему жить потом, никогда не забудет он свой родной край, свою Башкирию, которая на карте всего лишь «с березовый листок величиной», всего лишь листок на могучем дереве России. И хотя зима в Башкирии сурова, а осенью льют долгие дожди, читая стихи Мустая Карима, чаще всего представляешь себе душистый июльский полдень, жужжание пчел в цветах липы, ничем не замутненный, лучезарный небосклон.

Но неужели же небо над миром всегда ясно, неужели же в жизни людей, в душе самого поэта всегда только свет и радость?..

...Послушать стих твой,— люди заявляют,—
Так в мире нет ни горестей, ни слез...
— Не всякая тропа,— я отвечал,— петляет,
Шипы бывают не у всяких роз.

Но вчитайтесь в две последние строки, и вы почувствуете за жизнерадостными словами скрытую печальную улыбку... Все оно так, да не совсем... Как все люди, а поэты в особенности (ведь поэты — народ чуткий, ранимый), Мустай Карим знал немало печалей, обид, разлук. И не только своих личных. Вместе со всем своим поколением изведал он большое общее горе — войну, прошел всю ее тяжелую школу и сам был на краю смерти. Но он не любит говорить о своих страданиях, не желая огорчать других.

Не в этом ли ключ ко всему творчеству Мустая Карима? Светлые краски его стихов никогда не кажутся нам ни искусственными, ни приторными, потому что в его жизнерадостности чувствуется искренняя, сердечная любовь к людям. Чтобы другим было легче жить, поэт

...горе прятать в сердце научился
И дум тяжелый груз за легкий выдавал...

Он говорит о солнце даже в пасмурные дни, потому что, по его мнению, поэт должен будить в человеческих сердцах надежду, желание жить несмотря ни на что... В этом призвание поэта.

Есть у Мустая Карима стихи о странствующем поэте — сэсэне.

В глухую ночь на темную улицу аула ступил странник. То было в одну из ночей войны, когда ветер «листки похоронных носил» и беспросветное отчаяние овладело людьми.

Странник постучал в крайнее темное окно и запел высоким, чистым голосом. И тут же, как бы в ответ на песню, в окне затеплился огонек... Следом осветились и другие окна. Зажигались огоньки в окнах, зажигались надежды в сердцах...

Путник ушел... Но в домах огонь
Зажженный оставил он,
Не в очагах, а в живых сердцах
Пламя оставил он.

Один человек, а сколько огня
И света оставил он!..

Если искорки, зароненные стихами, освещают сердца и глаза людей,— значит, поэт может быть доволен своей работой. Человеческие глаза — путеводные звезды поэта. По человеческим глазам, «по радостным, печальным и серьезным», проверяет поэт правильность своего поэтического пути.

...Узкая тропа, которая увела поэта из родного аула, давно превратилась в широкий путь, бегущий по всему «белу свету». Где только не побывал Мустай Карим: на юге, на востоке, за рубежом!.. И во все эти края он приезжал не как случайный гость, не как холодно любопытствующий турист, но как друг-поэт, сердце которого широко открыто для чужой радости и горя... Да, и горя... Потому что «солнечный» поэт Мустай Карим удивительно чуток к боли других.

Какие нежные, душевные слова находит он для своих бесчисленных далеких друзей: для жителей Дагестана — родины его большого друга поэта Расула Гамзатова, для земляков поэта Кайсына Кулиева — балкарцев, живущих на горных высотах, где людям нужно «двойное сердце»...

В этом цикле особенно примечательным кажется мне одно маленькое стихотворение, где говорится о приезде в далекий Вьетнам...

...Тринадцать ночей меня поезд вез,
Тринадцать тысяч проехал я верст,
И понял я: расстояния — вздор.
Нет между нами ни рек, ни гор —
Как будто к соседу зашел во двор
Я, перепрыгнув через забор.

Сердце поэта Мустая Карима открыто для всех добрых людей мира — больших и маленьких. Оно открыто и для вас. И мы убеждены, что, познакомившись с его стихами, вы почувствуете, что у вас появился новый заботливый, чуткий друг, который думает о вас, как бы далеко вы ни находились. Потому что для настоящей поэзии и вправду «все расстояния — вздор».

Ю. НОВИКОВА

МУСТАЙ КАРИМ

БЕРЕГА ОСТАЮТСЯ

По Белой, басистый и гордый,
Смешной пароходик чадит.
В лаптях,
В тюбетейке потертой
На палубе мальчик сидит.

Куда он — с тряпичной котомкой?
К чему направляет свой путь?
Лишь берега дымная кромка
Да Белой молочная муть

Вдали. И на воду большую
Глядит он и все не поймет:

Рисунок А. БОРИСОВА

— Совсем неподвижно сижу я,
А круча, а берег плывет!..

Я мальчик тот, я! И сквозь годы
Кричу ему: — Милый, не верь!
Плывем это мы, а не горы,
А берег все там и теперь!..

Кричу... А в лицо мое ветер,
А палубу набок кренит,
Корабль мой почти не заметен —
Вокруг него море кипит!

Стою... Волны мимо и мимо
Наскоком, галопом, подряд...
Стою... Словно кем-то гонимы,
Дни, месяцы, годы летят...

— Сто-ой, дяденька! — вдруг через темень,
Сквозь воды, мне — с палубы той:
— Плывем-то ведь мы, а не время,
А время, как берег крутой,

За нами осталось, за нами,
Другим — я не знаю кому...
А сам ты, влекомый волнами,
Что времени дал своему?

И эхо сквозь грохот и тьму
Все вторит и вторит ему:
«Вре-ме-ни-и сво-е-му-у,
Времени своему...».

Перевод И. Снеговой.

В дальний путь седлают непременно
Рысака, что всех других резвей.
С важным порученьем непременно
Едет муж, что старше и знатней.

Гостя дорогого поджидая,
Лучшее из блюд на стол несем,
В праздник в нашем доме зажигаем
Лампу ту, что веселит весь дом.

Не спеши, однако, в ослепленьи
Не верши свой скороспелый суд:
Сколько их, коней, не в белой пене,
А в поту натужном воз везут!

Если скажешь ты: лишь те герои,
Кто идет на громкие дела, —
Кто же будет сеять, плавить, строить,
Чтоб земля вокруг тебя жила?

За столом парадным сидя гордо,
Не кричи: прекрасней нет еды!
А не то твой хлеб застрянет в горле,
Черный хлеб у черной борозды.

В праздничное блещущее пламя
Никогда подолгу не смотри,
А не то потом казаться станет
Мир темней и суше свет зари.

Воспевайте скакунов бесстрашных,
Славьте славу в золотых лучах,
Но стократ прославьте тех, кто нашу
Держит Землю на своих плечах.

Перевод И. Снеговой.

ДОЖДЬ

Мальчишка бежал под летним дождем
С открытой головой.
«Вырасту», — думал. И дальше бежал
Вровень с плакун-травой.

Вырос. И тысячный дождь оросил
Пашню в его труде.
С распахнутым воротом он стоял
Без шапки на борозде.

В годы засухи вместе с землей
Он жаждал испить дождя.
Каждое облачко он хотел
Жадно вдохнуть в себя.

И вот сегодня пашню его
Небо поит дождем:
Дышат поля, мокнет земля,
Ивы шумят над прудом.

. . . .

Солдат на фронте дождю не рад:
Дьявольская беда!
Насквозь промокла его шинель,
По пояс в окопе вода.

«Заштопать бы чертову в небе дыру!»
Но дождь проливной глух.
Солдат впервые за много лет
Выругал дождь вслух.

Вдруг треснула туча, и молний блеск
Прошел сквозь разрядов дым.
Солдату почудилось: свет такой
Он видел над полем родным.

Ему показалось: от слез дождя
На Белой волна дрожит.
А сын Ильгиз, как в детстве отец,
Сквозь дождь босиком бежит.

«Дома побыть бы», — подумал он...
А дождь по брустверу бьет...
Мокрой шинелью накрылся солдат:
«К лучшему. Пусть идет».

Перевод А. Недогонова.

У меня будет сорок неоконченных дел
В ту минуту, когда побледнею, как мел.

Как из мира уйти, не окончив дела,
Если солнце в зените и дружба светла?

Пусть друзья соберутся ко мне, как сейчас,
Пусть я буду капризным единственный раз.

Прикажу, чтоб туда, где курган в облаках,
Не вели, не везли, а несли на руках,

Чтоб сказали друзья, выбиваясь из сил:
— Ничего, он ведь горы при жизни носил!

Он руками ослаб, дел по горло вокруг,
Так пускай наши руки почувствует друг.

Он хотел, чтобы в эту минуту без слез
Мы смотрели, как солнце в зенит поднялось,

И, промолвив: «Неправда, что мир опустел», —
Понесли его сорок неоконченных дел.

Перевод М. Максимова.

ЭТУ ПЕСНЮ МАТЬ МНЕ ПЕЛА

Эту песню мать мне пела,
На руках меня качая,
Эту песню мать мне пела,
В путь-дорогу провожая.

Мать мне пела эту песню —
Мы давно расстались с нею...
И чем дальше голос милый,
Тем звучит она слышнее.

«Пламя вырастет из искры —
Знают люди,
Но коль искра улетает, —
Пепел будет.

Если капля ляжет к капле, —
Будет море.
Если ж капля одинока, —
Сгинет вскоре.

Пролагают вместе люди
Путь широкий.
След травою зарастает
Одинокий.

Коль в полях цветы пестреют, —
Хвалят люди.
А один цветок на тропке
Смятым будет.

Помни: слава — не находка
На дороге.
На ветру один потухнешь
Без подмоги.

Каплей будешь только в море
Ты живою...
Пусть твой след не зарастет
Глухой травою!»

Эту песню мать мне пела,
На руках меня качая,
Эту песню мать мне пела,
В путь-дорогу провожая...

Перевод Е. Николаевской.

Ты приходи, лось!

Владимир **ВИШНЯКОВ**

РАССКАЗ

Рисунки Е. **МЕДВЕДЕВА**

Летом Егорка бегал по деревне босой, а когда захолодало, отец привез ему из города сапожки. Они были кожаные, пупырчатые и такие маленькие, что казались игрушечными. Но они были впору Егорке, и он обрадовался.

Он хотел тотчас побежать на улицу похвалиться обновой, но было уж поздно и непогодливо, и мать не пустила. «Утром пойду»,— решил Егорка. Он поставил сапожки под лавку, а потом залез на печку и уснул, счастливый.

Наутро он встал рано, попил молока с хлебом и пошел на улицу. Небо еще хмурилось вчерашним дождем, и студеный ветер яростно трепал старую ветлу, и так уж раздетую догола. Егорка посмотрел, как ветер мучит ветлу, и пожалел старое дерево.

— Егорка-а-а!

Егорка оглянулся и увидел мать на крыльце. Он побежал к дому, погрозив кулаком злому ветру.

— Сходи, Егорушка, на болото, разомни сапожки,— сказала мать.— Клюквы до снегу собрать надо. Только по краю ходи, далеко не забирайся. Да оденься теплей,— она взглянула в свинцовое небо,— ишь, холод какой лютый.

Егорка пошел в избу, надел большую сестрину телогрейку, нашел лукошко для клюквы и гребень, чтоб счесывать ягоды с кочки. Подумал, взял со стола хлебную горбушку и сунул за пазуху.

Дорогу на болото Егорка хорошо знал — мать брала его с собой за клюквой. Иногда он помогал ей, держал лукошко, в которое сыпался с гребня ягодный дождь, а

то и так сидел под кустом и смотрел, как живут в траве муравьи и кузнечики.

Но теперь он был один в большом поле, где холод и ветер гуляли вдвоем и злобились над полумертвой землей. И он боялся смотреть вокруг, потому что не знал, кто сейчас живет тут в поле и понравится ли ему, что Егорка смотрит.

Добежав до леса, Егорка остановился передохнуть. Здесь не страшно. Ветер хоть и воюет наверху, но к Егорке ему нет ходу. В лесу если и живет кто, то добрый.

— Эй, кто тут? — крикнул Егорка.— Ты выходи!

— Ходи-ходи...— ответило в лесу.

Егорка послушал лесной голос.

— И пойду,— улыбнулся он.— А ты тут сам живи.

Он поднял лукошко на руку и двинулся по знакомой тропинке. Она повела Егорку сквозь густой малинник, свалилась в овраг, выкопанный ручьем, потом выбралась и побежала по другому краю оврага. И тут уж до болота недалеко было.

Серая сырость висела над огромной равниной болота. Еще недавно зеленые травы пожухли и шуршали в ногах неживым звуком. Осколками разбитого зеркала сияли лужи, отражая далекое, скучное небо.

У большой кочки, густо осыпанной алыми бусинами клюквы, Егорка присел и принялся за дело. Он чесал кочку гребнем и думал, что это голова закопанного человека, обросшая клюквой вместо волос.

Тонкие листья убегали меж зубьев гребня, а ягоды застревали и, отрываясь от стебля, сыпались в лукошко красными градинами.

И вдруг Егорка замер в ужасе. Совсем рядом, прямо за своей спиной, он явственно расслышал тяжелый, хриплый вздох. Раненой птичкой затрепыхалось в его груди испугавшееся сердце. Лукошко накренилось, ягоды высыпались в сырой мох.

— Ты что дышишь? — шепнул Егорка побелевшими губами, не осмеливаясь оглянуться.— Ты кто?

Вздох повторился, и теперь он уже не показался Егорке таким страшным, как в первый раз. Оглянулся Егорка и увидел большого зверя.

Он лежал в кустах, шагах в десяти от Егорки, большой, как колхозный бык. Он лежал на брюхе, поджав под себя ноги, и смотрел на Егорку. Рога у него были широкие, похожие на лемехи плуга, а нос горбился крючком.

— Лось,— засмеялся Егорка.— Ты ведь лось. Я тебя в книжке видел, где про зверей пишут.

Егорка не знал имени лося и называл его, как написано было в книжке, что читала ему сестра.

— Ты зачем тут лежишь в болоте? — разговаривал с лосем Егорка.— Тут сыро лежать. Ты домой иди.

Лось шумно вздохнул и поднялся, вскинув рога. Он был недоволен, что его тревожат, но сил обнаружить свой гнев у него не было. Вот уже несколько дней скитается он по лесным увалам и чащам, пугаясь шорохов. Недавно он бился не на жизнь, а на смерть с другим лосем, молодым и сильным. Молодой победил — крепче оказались его рога, сильнее копыта. Жестоко побил он старика, пропорол ему бок рогами, прогнал из стада, сам стал вожаком. Вот и скитается теперь старый лось один по болотам, ноет рана, болят побитые кости, в глазах темнеет при каждом шаге. И рад бы он умереть, но не идет смерть, есть еще силы, и надо жить. Не смерти-избавительницы боится старый лось, а того, что остался он один в лесной пустыне,— вот что страшно.

— Ты поешь,— сказал ему ничего не знавший Егорка.— Я тебе хлеба принес.

Егорка вынул из-за пазухи нагретую горбушку и протянул лосю.

Хотел уйти лось — страшен ему человеческий голос,— но не может идти, муть какая-то глаза застилает, дрожь ноги бьет. Ступил шаг и рухнул в куст.

— Ты больной, наверно,— огорчился Егорка.— Пойдем к нам в деревню. У нас дядя Никифор есть. Он коров лечит. Он и тебя вылечит, лось.

Лось молчал, и Егорка по-своему это понял. Он положил хлеб на землю и сказал:

— Ты подумай пока. Вот тебе хлеб. А потом приходи. Мне домой пора, а то мамка ругать будет.

Когда Егорка отошел далеко, лось потянулся губами к хлебу, прихватил его и медленно сжевал.

Прошлась по земле белая метла поземки, накидала снегу в ложбины, запудрила ледяные крышки прудов. Пороша легла дружная, с веселым морозцем, и Илья Иванович засобирался на охоту. Вечером долго набивал патроны, латал старый ватник, промывал от густой смазки ружейные стволы. Егорка хлопотал вместе с отцом: то тряпку подержит, то шомпол подаст, то вденет нитку в игольное ушко. Обещал отец взять его с собой на охоту, а Егорка на охоте никогда еще не был. Весь вечер он был такой старательный, что даже, когда мать приказала ему идти спать на печку, безропотно пошел, хотя спать не хотелось, и долго еще лежал без сна, взволнованный своей радостью.

Утром разбудил его отец еще затемно. Тихо в доме, только ходики тикают да посапывают во сне мать с сестренкой.

Наскоро поели, оделись, вышли в морозную ночь. Небо черное, в звездах, а земля

бела, и сухой снег уютно поскрипывает под валенцами.

Будило прогремел цепью, заскулил, запрыгал у будки. Илья Иванович отстегнул цепь, продел в кольцо ошейника крепкий шнур, одернул пса, чтоб утихомирить. Наконец тронулись.

Шли долго. Сначала по дороге, потом прямо по полю, ломая его нежную белизну, потом через лес. Егорка устал и не заметил, как распалась тьма в небе, как налилось оно тусклым светом раннего зимнего утра.

— Считай, пришли, — сказал отец, остановившись у опушки незнакомого Егорке леска, среди разлапистых елочек и тонких березок.— Ну, Будило, разбуди нам зайчишку.

Пес, дрожа от ожидания, терпеливо ждал, пока Илья Иванович расстегивал на нем толстый, заскорузлый ошейник, а почуяв свободу, ринулся в чащу и замелькал, замельтешил в кустах, разбираясь в путаных заячьих стежках.

— А мы отдохнем пока,— с удовольствием сказал Илья Иванович, выдергивая из кармана короткую папироску.

Но отдохнуть не пришлось.

— Бам-бам-бам...— заголосил, забасил, затрубил Будило, разгоняя чуткую лесную тишь. Рассыпалась тишь, разлетелась, разбежалась, прикорнула, перепуганная, в глухих овражках. Началась охота.

Егорка не поспевал бежать за отцом, спотыкался и падал, вскакивал и снова бежал, ничего не видя вокруг, а потом долго стоял не шевелясь, как велел отец, почти не дыша, вжимаясь телом в корявый ствол.

Потом грохнул выстрел, и белый ком пуха долго кувыркался в снегу, пока не умер, растянутый во весь свой заячий рост последней судорогой.

Илья Иванович поднял зайца за задние ноги, отбивая ногой налетевшего Будилу, встряхнул его и сказал, улыбаясь:

— Хорош!

Егорка взглянул в остекленевшие глаза зайца, увидел кровавую пену, стынущую у его губ, и вдруг затосковал. Ни к чему стал ему этот лес и охота, и он не любил отца, убившего зайца.

— Он тут сам жил в лесу,— сказал тихо Егорка.— Зачем мы его убили?

То, что совершилось, было несправедливо и нечестно. И то, что такая несправедливость возможна и, оказывается, обычна в мире, наполнило душу Егорки тоской и горечью. Ему стало неинтересно жить, и лес показался пустым и мертвым. У горла его остановился плотный комок и мешал дышать.

— Вот так охотник! — удивился Илья Иванович.— Никак, реветь вздумал?

Егорка не обиделся на слова отца. Он отвернулся, отошел к дереву и неслышно обронил в снег соленые слезы. Темнота и одиночество обступили его.

— Бам-бам-бам...— снова загремел вдали голос Будилы.

— Ого! — Илья Иванович вскинул брови.— Неплохо день начинаем.

Он уложил зайца в торбу, завязал ее, забросил за спину.

— А ну, ревушка-коровушка, суши глаза. Не отставать.

Илья Иванович не утешал сына. Он по опыту знал, что горе его пройдет само. Он помнил, что тоже плакал когда-то над убитым животным. Но это прошло. Человек привыкает к окружающей смерти. Пусть плачет Егорка, слезы вынесут боль из его смятенного сердца.

Будило гремел на весь лес, изредка всхлипывая, взвизгивая, чтобы в следующий момент затрубить, словно на одном бесконечном выдохе.

«Лису, верно, помкнул,— думал Илья Иванович, прислушиваясь к гону.— Не стал бы он по зайцу так фигурять».

Егорка не торопился поспевать за отцом. Он медленно шел по его следам, безучастно слушая далекий рев Будилы, равнодушно оглядывая деревья незнакомого леса. «Скорей бы все кончилось,— думал Егорка.— Скорей бы домой».

Так он брел, глядя в снег, пока не уткнулся в отца, притаившегося за елкой. Впереди светлела петля речки, замерзшей, прикрытой снежком. Речка неширокая, но видно, что глубока — противоположный берег сбегал к ней круто, так что деревья не держались на нем, только кусты.

Будило застрял где-то неподалеку и орал так яростно, будто грыз воздух. Видно, схватился со зверем. И Илья Иванович решил идти на помощь псу. Он перезарядил ружье, вложил в стволы патроны с самой крупной дробью — а вдруг рысь! — и строго велел Егорке не отставать.

Они двинулись вдоль реки, и, когда миновали третью излучину, необычайное зрелище предстало перед их глазами.

На середине реки в полынье, у края которой прыгал и голосил Будило, барахтался огромный лось. Вскидывая на лед мощные ноги, он напрягался, стараясь вытащить из воды брюхо, но едва это удавалось, лед рушился под тяжестью гиганта, и он с головой уходил в маслянистую серую кашу. Снова бросок — и снова треск льда.

Ошибся лось, не учуял слабости льда, хотел проскочить знакомым местом и влип, как в капкан.

Егорка всмотрелся в лося и обмер. Сомнений быть не могло: это он, старый его знакомец с болота. Да, да, вот правый рог приметно обломан. Значит, тогда выздоровел, а теперь вот опять погибает. Ужас

заныл в груди Егорки, застыли глаза, коленки ослабли.

— Папка,— сказал он, едва сдерживая слезы.— Это мой лось, папка. Помнишь, я рассказывал? Он тут потонет, папка? А?

Это «а?», в котором было так много отчаяния и надежды, иглой вошло в сердце Ильи Ивановича. Он стряхнул оцепенение, огляделся.

— Подмани-ка Будилу и привяжи покрепче. Твой лось, говоришь? Ну что ж, попробуем его вызволить.

И зазвенел у реки топор. Илья Иванович валил молодые березки, а Егорка оттаскивал их к берегу и громоздил на лед.

— Ты потерпи, лось! — кричал Егорка.— Ты немножко еще подержись. Мы сейчас.

От сковывающего ужаса и следа не осталось. Силен, смел и весел стал вдруг Егорка, разогретый работой.

— Держись, лось, держись, не бойся,— подбадривал он обессилевшего рогача.

А тот будто понял. Он перестал биться и бесполезно крушить лед. Положив копыта на кромку полыньи, он терпеливо ждал.

Он даже позволил Илье Ивановичу накинуть петлю на свои рога, может быть, впервые в жизни доверившись человеку.

Чуть не до крови впилась веревка в руки Ильи Ивановича, и крупный пот выступил на лбу, когда тянул он из воды гигантского лося, соединив с его могучей, дикой силой свою слабую, человеческую. Был момент, когда казалось, не выдержат и лопнут руки, сорвется лось обратно в гибельную воду. Но нет, удержался, выкарабкался. И кто знает, не Егоркино ли усилие решило дело? Он тоже тянул. Изо всех сил.

Лось лежал, а они сидели рядом. Весело взрывались в костре березовые поленца. Потом лось встал. Ноги его и грудь были ободраны до крови. Он стоял боком к костру, от шкуры его шел пар, и она начала серебриться.

— Седой. Видно, очень старый,— сказал отец.

Егорка смотрел на лося со счастливой улыбкой. Все в мире встало на свои места. Все вокруг было прекрасно и правильно.

Когда лось совсем обсох, отец поднялся и сказал:

— Пойдем, Егорка. Прощайся со своим другом. Нам пора.

— До свидания, лось,— сказал Егорка, почему-то смутившись.— Ты к нам в гости приходи, когда соскучишься. Приходи, лось!

Они тронулись. Отец шагал неторопливо, но широко, а Егорка все время оглядывался и спотыкался о березовые пенечки. Подойдя к стенке густого ельника, он оглянулся в последний раз и еще раз крикнул:

— Ты приходи, лось!

А лось стоял у опадавшего костра, смотрел им вслед и моргал глазами, как удивленный человек.

Нелегко жить неграм в Америке: и взрослым и детям. Вот прочтите стихи, где многое точно найдено, хорошо, даже весело сказано, однако сколько горечи и печали за этими строчками! Маленькие поэты Америки мечтают о справедливости, нужной для жизни, как воздух.

Каждый день моей жизни я вижу птиц.
Почему они могут летать, я не знаю.
Но птицы всегда будут птицами,
И всегда, выходя на улицу,
Вы увидите хотя бы одну.

ЭЙД, 11 лет.

ПЛЯЖ

Беги на пляж
Вприпрыжку, вскачь!
Пучок лучей горяч!
Беги сюда,
Сюда, да, да,
Сыграем вместе в мяч!

Анджела **ДЖОНС**, 8 лет.

ШПИОН

Я знаю шпиона
С глазищем огромным,
Он может повсюду увидеть меня.
В пальто он секретном,
Дерется он крепко,
Секретная черная шляпа на нем,
В карманах наганы.
Ты хочешь в шпионы?
Для этого нужен огромнейший глаз.

Тимоти **ДЖОНС**, 9 лет.

В мире живут черные,
Черным вздохнуть некогда,
Черным подумать некогда,
Что некогда им вздохнуть.

Думают многие белые,
Что грязь на земле — это черные.
Очень довольны белые,
Что бедные — это мы.

Однажды сказал мне белый
Плохие слова о черных,
Как будто они рабы.

А в прошлом году белые
Били цветных кулаками.
ЧЕРНЫХ — В ПРАВИТЕЛЬСТВО!

Эдди **МЭЙЗОН**, 11 лет.

Перевел с английского
Юрий ШКОЛЕНКО

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ · НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ · НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ · Н

Ледяной остров служит науке.— Кладбища слонов. Почему их никто не видел? — Волокно идет из мясорубки.— Кто командует ставридой?

СТАНЦИЯ НА ЛЕДЯНОМ ОСТРОВЕ

География

Сейчас в Арктике работают три советские дрейфующие станции: СП-16, СП-17 и СП-18. Последняя организована совсем недавно, всего три месяца тому назад, и не совсем обычно. В Главном управлении гидрометеослужбы нам рассказали, как это было.

Весной прошлого года, когда организовывали очередную дрейфующую станцию СП-16, с воздуха обнаружили большой ледяной остров. Это была не обычная льдина, а огромный и прочный обломок шельфового ледника. Использовать его тогда как базу не удалось: СП-16 была уже почти готова и переносить ее на другое место не было смысла.

За островом продолжали наблюдать, а в конце осени тщательно обследовали его — тоже с воздуха. Установили размеры — около 104 квадратных километров. По тому, на сколько он возвышался над водой и льдами, определили толщину — не менее 30 метров! Этим-то он и понравился полярникам. Обычные дрейфующие льды опасны своими трещинами и разломами. А ледяной остров прочный, он, как могучий корабль, движется среди льдов. Полярники уже знакомы с таким «кораблем»— станция СП-6 четыре года работала на похожем острове, только меньшей площади и толщины. Можно было бы оставаться здесь и дальше — людей сняли только, когда стало ясно, что остров движется в Атлантический океан: там бы его все-таки разломало.

...6 октября 1968 года ледокол «Ленинград» и дизель-электроход «Амгуэма» подошли прямо к ледяному острову. За два дня все выгрузили, помогли зимовщикам установить домики, разместить оборудование, и 9 октября, когда у льдины были координаты 75°10′ северной широты и 194°58′ восточной долготы, был поднят Государственный флаг Советского Союза. Корабли ушли. Новая станция начала работу. Пока она ведет только метеорологические и океанографические исследования, но в дальнейшем работы прибавится.

На зимовку осталось одиннадцать человек во главе с начальником станции Николаем Николаевичем Овчинниковым, опытным полярником, побывавшим не раз уже и в Арктике и в Антарктиде.

Рисунки А. БОРИСОВА

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ КЛАДБИЩА СЛОНОВ?

«...Слоны уходят умирать в одиночестве и только в одно и то же место...»

(Из африканского поверья)

Биология

В труднодоступных местах западной равнинной Африки обитает многотысячное семейство слонов. В наши дни это — самое большое сухопутное животное, знаменитое своими огромными бивнями. Множество охотников приезжает в Африку специально в надежде добыть этот уникальный трофей. Охота на слонов — опасное занятие, и нередко охотники месяцами бродят в тех местах, где обитают слоны, в поисках останков мертвого животного и прежде всего, конечно, бивней. Но ни разу не удалось ничего найти. В чем же дело? Ведь примерный срок жизни слона не превышает человеческого века. Куда же исчезли сотни погибших слонов с огромными бивнями?

Среди охотников возникли слухи о слоновых кладбищах — таинственных местах, куда животные, почуяв близкий конец, идут умирать.

Смельчаки пытались искать таинственные кладбища с сотнями бивней, но безуспешно. Поиски обычно кончались гибелью охотника, убитого разъяренным слоном или умершего от истощения. Кладбища никто так и не нашел.

Существуют ли они на самом деле?

Известно, что больной, раненый или очень старый слон действительно часто отделяется от стада и бродит в одиночестве до самой смерти. Нередко жара гонит его к воде или болоту. Там он погибает, и его огромное тело засасывается трясиной. Животное исчезает навсегда.

Гибнут слоны и в открытой саванне. Но легко ли обнаружить тело животного на необозримых и большей частью необитаемых просторах Африки? Сделать это можно только случайно.

И даже если охотник все же доберется до этого места, он не обнаружит никаких следов. Тело гиганта исчезнет здесь так же быстро, как и в болоте.

Первыми прилетают грифы — они чувствуют, что приближается время пиршества, и с последним вздохом слона стаей садятся на его тело. Стая, которая долго кружится над одним местом,— знакомый сигнал для всех сородичей. И нередко на трупе одного слона можно увидеть до двухсот птиц. В Африке грифов называют «оздоровительной полицией». Когда стемнеет, появляются стаи гиен и шакалов и остаются до первых лучей солнца.

Утром снова слетаются грифы, а иногда и аисты марабу.

На третий день остаются только кости, порванная кожа и сухожилия. Их уничтожают муравьи, жуки, мухи и другие насекомые-«чистильщики». Гиены и шакалы растаскивают в разные стороны остатки костей и кожи, место гибели слона постепенно зарастает травой, покрывается песком, и через две недели не найти уже следов трагедии.

Вот почему безуспешно искать таинственные кладбища слонов.

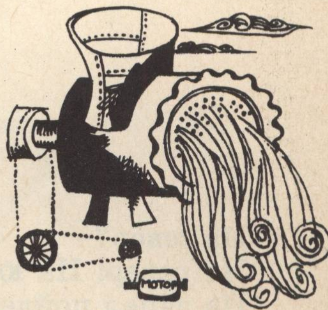
С. МАЛЕНКО

НУЖНЫ ЛИ ТКАЦКИЕ СТАНКИ?

Химия

Много лет уже известны нетканые ткани. Правда, в их основе — обычные волокна, которые либо склеивают, либо прошивают нитками. Сейчас речь идет о другом.

Представьте себе огромную мясорубку, из отверстий которой выходит не фарш, а тонкие блестящие волоконца. Конечно, отверстия в такой мясорубке намного уже, чем в обычной, и крутят ее не вручную, а электромотором. Так получают некоторые синтетические волокна.

А теперь вообразим «мясорубку» посложнее, в которую закладывают два материала сразу — так, чтобы они не соприкасались, а каждый шел бы своим путем. И лишь перед самым выходом из «мясорубки» их соединяют, пуская один материал внутрь другого. Получается волокно, состоящее как бы из стерженька, который засунули в тонкую трубочку. Потом эти волокна нарезают, смешивают и превращают в массу, похожую на обычную вату.

«Стерженек» и «трубочку» делают, конечно, из непохожих материалов. Так, чтобы при нагревании оболочки волоконцев расправлялись и прочно сцеплялись друг с другом, а внутренняя часть оставалась нетронутой. Такой комок руками уже не разорвешь.

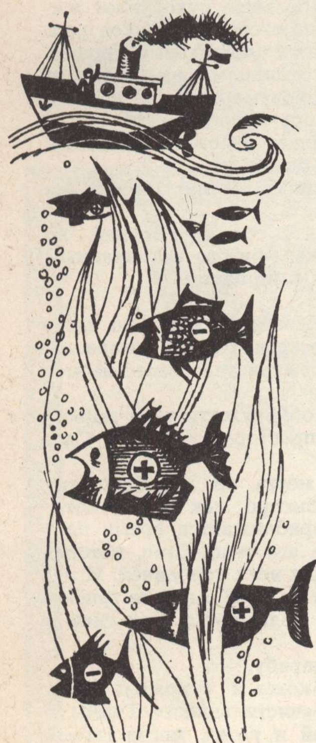
И вот, если перед нагреванием раскатать этот комок в тонкий лист или сжать прессом, получится самая настоящая ткань. В ней не видно обычных тонких ниточек, причудливо переплетающихся друг с другом. Но в то же время она, как и всякая ткань, будет пропускать воздух — ведь мы хотим ходить в костюме, а не в панцире...

Не надо, конечно, думать, что, раз такую хитрую ткань придумали, ткацкие станки пора выбрасывать. Во-первых, эту ткань делают пока только в лабораториях. А во-вторых, не всякая новинка полностью вытесняет своих предшественников. Иногда они долго и дружно живут рядом...

О. ЛИБКИН

ПОДВОДНЫЕ ЭСКАДРЫ И МОРСКОЙ КОТ

Биология

Стоял штиль. Наша шлюпка отбрасывала на дно резкую черную тень. Внизу, меж водорослей, деловито ползали маленькие крабы, сновали рыбешки, а ближе к поверхности неподвижно висели студенистые полушария медуз.

— Смотрите-ка, ставрида появилась,— сказал штурман.— Мелочь, а как слаженно плывет. Загляденье!

Рыбки, будто повинуясь незримой команде, совершали повороты возле шлюпки. Интервал выдерживали не хуже военных кораблей в эскадре. Они то прибавляли ход, то убавляли, причем меняли направление с поразительной единовременностью и четкостью, а в стайке был не один десяток ставридок. Кто же подает им команду и как? А может, рыбешки просто-напросто копируют движения лидера?

В ответ на мои предположения штурман, старый черноморец, покачал головой.

— Когда стайка невелика, можно подумать и так,— сказал он,— но мне случалось наблюдать стаи в тысячи рыб, где за лидером совершенно невозможно уследить. Однако все происходило так же, как и сейчас: рыбы поворачивались все враз, будто компасные стрелки на магнит.

Когда я ходил на сейнере, в Керчи к нам однажды пришел ученый из Института океанического рыболовства. Оказывается, ученые еще не выяснили, как дается команда и как она распространяется в стае. Думают, что посредством электрического сигнала, очень слабого.

— Каким же образом? — удивился я.— Ведь рыбы между собой не соприкасаются.

— Зато морская вода хорошо проводит электричество. Вот ученые и считают, что биотоки, возникающие в мозгу вожака и передающие приказы его мышцам, распространяются в морской воде. Другие рыбы тоже воспринимают их через воду и автоматически выполняют.

— Только ставрида так ведет себя в стаях или другие рыбы тоже?— спросил я.

— Точно так же ведет себя наша черноморская скумбрия, а относительно других рыб не скажу. Между прочим, у нас, в Черном море, водится еще одна прелюбопытная рыба. Можно сказать, не рыба — настоящий радиоприемник. Слыхали про морского кота?

— Нет, не приходилось.

Он осуждающе покачал головой.

— Не вы один, многие о нем никакого понятия не имеют, даром что у моря живут. А морской кот — самая обычная черноморская рыба, никакая не редкость, и даже съедобная. Правда, на прилавках его не найти, не едят его у нас почему-то. Морской кот — хищник, его еще зовут скат-хвостокол. Любимое его лакомство — молоденькие камбалы, у них нежное, жирное мясо. Камбалу обнаружить не просто: она мастерица прятаться. Найдет под водой песчаный пляжик, зароется в песок и лежит себе, отдыхает. А скат тут как тут, подплывет, ударит колючим хвостом — и конец камбале. Сравнительно недавно обнаружили, что у ската на голове есть специальные органы, чувствительные к электрическому току. С их помощью он улавливает биотоки других рыб. Биотоки и выдают камбалу, как бы она ни маскировалась.

На этом наш разговор закончился. Время близилось к полудню, пора было к берегу.

Ю. КОТЛЯР

ЗИМОЙ, ВЕЧЕРОМ...

Евгений РЕЙН

На север?
На север! На юг, на восток,
На запад пойдем мы, дружок.
И все, что в пути повстречается
нам,
Разделим с тобой пополам.

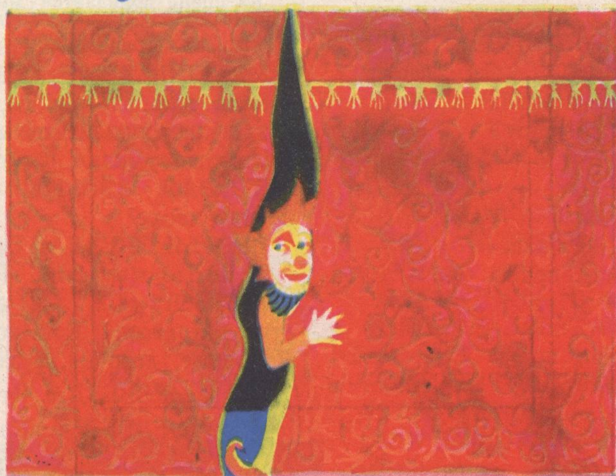
Морские глубины — давай
пополам!
Пустыни, вершины и льды —
пополам!

А если наш путь по лесам,
по полям,
Разделим леса и поля
пополам!

И тучи, и ветры,
И все километры,
И каждую сторону —
Надвое, поровну...

Чем далее, тем интереснее
По карте пешком путешествие.

театр «фонарик» театр «фонарик» театр «фонарик» театр «фонарик» театр «фонарик» театр «фонарик» театр «фонарик»

Фране МИЛЬЧИНСКИ

Рисунки
И. ГАЛАНИНА.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ

СКАЗКА В 3-х ДЕЙСТВИЯХ

Меня зовут Фране Мильчински. Хотя я и написал для вас, ребята, эту пьесу, не думайте, что я только детский писатель. У меня есть еще одна профессия, которую я очень люблю. Я цирковой клоун и искренне горжусь тем, что люди смеются, когда я выступаю перед ними.

Мой отец был детским писателем. Любовь к детям — вот все, что досталось мне от него, но я считаю, что получил богатое наследство.

Я люблю детей, и у меня их очень много. Дети Югославии, Советского Союза, Америки, Африки — все мои! И черные, и белые, и желтые. Я их люблю так же, как и тех двоих, которым прихожусь родным отцом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Рассказчик.
Звездочка-соня.
Кума Луна.
Метеор Огненный хвост.
Первая звезда.
Вторая звезда.
Третья звезда.
Разбойник Цеферин.
Мороженщик.
Звездочет.
Зазывала.
Второй зазывала.
Африканец.
Человек-резина.
Пэпе Огонек, контролер местной электростанции.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

РАССКАЗЧИК. По вечерам, когда все мы укладываемся спать, на небе просыпаются звезды. Протирают глаза, умываются росой белокурых облаков, причесывают отливающие золотом волосы, пьют чай, как это принято по утрам, и рассыпаются по вселенной, чтобы светить всю ночь напролет.

Детей убаюкивают, морякам путь к гавани указывают, поэтам стихи сочинять помогают...

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ночное небо. То тут, то там загораются первые звезды. На сцену из вселенной падает Звезда и заступает на свой пост. Она только что проснулась, потягивается и зевает. Вслед за ней прилетает Вторая и тоже становится на свое место.

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА.
Торопилась я напрасно...

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА.
Как спалось тебе?

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА.
Прекрасно!
А тебе, моя звезда?

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА.
Спать не сплю и встать не встану.
Все зевать не перестану...

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА.
Сон — как вкусная еда:
Ешь, а все как будто мало...

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА.
Что за верные слова!
Так бы вечно и дремала.
Ты, сестра, всегда права.

Прилетает Третья звезда.

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА.
Вот еще сестрица мчится...

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА.
Ишь летит!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА.
Видать, боится
На работу опоздать.

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА **(трет глаза).**
Мчалась я — куда кометам!
Виноват будильник в этом:
Не звонил, лентяй, опять.

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА.
Что за вид, скажи на милость!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА.
Ты, наверное, не мылась?

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА.
Стыдно, а еще звезда!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА.
Шея, уши не умыты...

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА.
В голове метеориты...
Не имеешь ты стыда!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА.
Кудри спутаны, лохматы...

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА.
Вот придет Луна-кума —
На себя пеняй сама ты...

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА.
Сестры, я сойду с ума
От подобных разговоров.
Мыться впредь даю зарок!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА.
Тише, звезды, из-за споров
Мы забыли вспыхнуть в срок.

Под звуки музыки ярко загораются все три звезды, за ними другие, и вот уже весь небосвод усыпан звездами. Издали доносится звук почтового рожка Метеора.

МЕТЕОР **(за сценой).** Тра-та-та! Тра-та-та!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Смотрите, звездочки, к нам летит метеор!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Вот кто все на свете знает!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Весь мир облетел, а теперь нам новости на хвосте несет. Метеор Огненный хвост!

МЕТЕОР **(за сценой).** Лечу! Лечу!

На сцене появляется метеор Огненный хвост. За спиной у него сумка с письмами, в руках рожок. На голове высокая фуражка.

МЕТЕОР. Ха-ха-ха! Вот и я, звездочки! Потреплю вас по щечкам, за косы подергаю и дальше помчусь! Весь мир облететь надо. Писем полна сумка.

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Что новенького, Огненный хвост?

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Ой, горю от нетерпения!

ЗВЕЗДЫ **(вместе).** Говори, да побыстрей!

МЕТЕОР. Ох, уж это женское любопытство... Новости?! Есть новости, как им не быть! На Земле, девочки, чудеса творятся!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Что?!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Как?!

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Почему?!

МЕТЕОР. Знать ничего не знаю, звездочки. Не спрашивайте. Все равно больше ничего не выпытаете.

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Погоди, Метеорчик!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Не спеши, миленький!

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Не мучь, родимый. Расскажи, что на Земле творится!

МЕТЕОР. Что творится!!! Просто светопреставление. Цирк какой-то! Клянусь хвостом! Вы только послушайте, девочки: лечу я, значит, над Землей низко-низко, чуть хвостом крыш не касаюсь, и вижу... ребят на Земле ко сну клонит, ревут, бедные, а заснуть не могут. Матери им и тмин дают и ромашку — успокоить хотят! Плачут ребята, не засыпают, все на небо смотрят.

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Быть не может!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Что же это спать малышам не дает?

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Страсти-то какие!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Еще-то какие новости?

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Что еще видел?

МЕТЕОР. Что видел? А вот послушайте: моряки в море с курса сбились, и плывет их баркас неизвестно куда. Не видят моряки ни берега, ни гавани, где бы можно было якорь бросить. Баркас по морю блуждает, а моряки почему-то на небо уставились...

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Быть не может!

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Страсти-то какие!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Почему же это моряки не находят гавани?

МЕТЕОР. Почему да почему? Ладно уж, расскажу вам все до конца: сидит поэт у окна, стихи сочиняет, а дело у него не клеится. Он и ногти кусает и перья ломает, а рифму к слову «варенец» подобрать не может. Мучается поэт.

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Страсти-то какие! Что же это происходит?

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Поразительно, чтобы поэт не нашел рифму!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Неужели никто не знает, из-за чего такой переполох?

МЕТЕОР. Хватит! Потреплю вас по щечкам, за косы подергаю и понесусь письма разносить! **(Дергает звезд за косы.)** Тра-та-та! **(Улетает.)**

ЗВЕЗДЫ **(кричат вслед)**. До свидания, до свидания, метеор Огненный хвост!

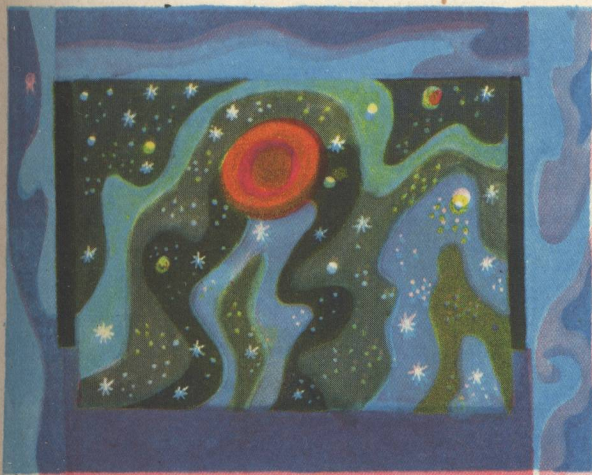
МЕТЕОР. До свидания, сестрички-звездочки! Тра-та-та!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Как вы думаете, сестрички, отчего на Земле такой кавардак?

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Неужели мы так и не узнаем?

Звезды замолчали и занялись своим делом. Они спокойно светят на Землю. Пустует лишь место Звездочки-сони. Издали все отчетливей слышится голос кумы Луны.

КУМА ЛУНА. Три миллиарда пять миллионов семьсот двадцать три тысячи пятьсот девяносто четыре; три миллиарда пять миллионов семьсот двадцать три тысячи пятьсот девяносто пять; три миллиарда пять миллионов семьсот двадцать три тысячи пятьсот девяносто шесть...

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Кума Луна плывет!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Звезды считает...

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Что-то рано она нынче за дело принялась!

КУМА ЛУНА **(появляется на сцене с блокнотом в руках)**. Три миллиарда пять миллионов семьсот двадцать три тысячи пятьсот девяносто семь.

ЗВЕЗДЫ. Добрый вечер, кума Луна!

КУМА ЛУНА **(считает дальше)**. Три миллиарда пять миллионов семьсот двадцать три тысячи пятьсот девяносто восемь... Стоп! Что такое? Одной звезды не хватает!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Кого же это?

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Не может быть!

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Вроде все на месте!

КУМА ЛУНА. Нет не все! Цифры не сходятся. Одной звезды нет. **(Указывая на пост Звездочки-сони.)** Ага — вот свободное место!

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. И впрямь нет!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Кого же это нет?

КУМА ЛУНА. Сейчас узнаем. **(Перелистывает блокнот.)**

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(за сценой)**. Здесь я, лечу!

ЗВЕЗДЫ. Звездочка-соня!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Эх ты!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. На работу опоздала!

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Скорей! Скорей! До чего же эта молодежь легкомысленная!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(падает на свое место)**. Ку-ку! Вот я и на месте!

КУМА ЛУНА **(сердито)**. Что же это ты, соня-засоня?!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Да ведь я не нарочно...

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА **(освещает ее)**. А-а-а, так вот теперь ясно, кто во всем виноват!

КУМА ЛУНА. В чем виноват? Кто виноват?

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Она, соня! Из-за нее на Земле все вверх дном перевернулось!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Дети уснуть не могут!

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Моряки с пути сбились!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Поэт рифму к слову «варенец» никак не подберет!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Что вы на меня накинулись?!

КУМА ЛУНА. Помолчи. Критику надо любить. Ты почему проспала?

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Если бы ты только знала, какой мне сон чудесный снился, кума Луна! Из маленькой, еле мерцающей звезды я стала большой и светлой. Я засияла ярче самой Полярной звезды! Так ярко, что все люди стали прокладывать по мне свой путь.

КУМА ЛУНА. Сиять, как Полярная звезда, неплохо, но чтобы стать взрослой звездой, надо светить, а не спать!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Эх ты, воображала! С Полярной звездой равняется!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Ну и бессовестная! Да ей и трех миллионов лет еще не минуло, а уже нос задирает!

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА. Постыдилась бы!

КУМА ЛУНА. Звезде у нас на работе положено гореть. На тебя, можно сказать, весь мир смотрит. А ты что делаешь? Спишь? Еще бы! Читаешь всякую ерунду до позднего дня, вот и не проснуться тебе вовремя. Нет, тебя следует наказать. Это будет тебе наукой. **(Про се-**

бя.) Ничего, ничего! Наказание воспитывает. И точка.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Прости меня, кума Луна. Я никогда больше не буду опаздывать.

КУМА ЛУНА. Ах, знаю я эти обещания! Накажу тебя, вот ты никогда больше и не опоздаешь. Кто много спит, тот дела не делает. Доспалась, нечего сказать! Из-за тебя теперь на Земле никто спокойно уснуть не может. Накажу, и точка!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА **(голосом послушной девочки).** А как ты ее решила наказать, кума Луна?

КУМА ЛУНА. Что-нибудь придумаем... Гм-м-м. Наказание должно воспитывать... Ага! Придумала!

ВСЕ. Ну?

КУМА ЛУНА. Будешь три дня подряд подметать Млечный Путь!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(радостно).** Правда? Ой, как интересно! Пойду по Млечному Пути из конца в конец и такую космическую пыль подниму, что астрономы диву дадутся!

КУМА ЛУНА. Ты еще смеешься? Раз тебя такое наказание радует, значит, пользы от него не жди. Не будешь подметать! И точка!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Как же ты ее накажешь, кума Луна?

КУМА ЛУНА. Погоди! **(Про себя.)** Наказание должно воспитывать...

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(в сторону).** Вот разошлась. Еще выкинет сгоряча какой-нибудь фокус!

КУМА ЛУНА. Выкинуть, говоришь? Идея! Не хочешь светить как следует, покидай наш звездный мир. Нам спящие звезды не нужны!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Что-о-о?

КУМА ЛУНА. Вежливые дети говорят: «Как вы сказали?»

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(плачет).** Не хочу на Землю. Там детям уколы делают!

КУМА ЛУНА. Ничего тебе не поможет. Отправишься на Землю и будешь там до тех пор, пока не почувствуешь как следует вины. И точка!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Мне будет трудно без вас! Я буду скучать по тебе, кума Луна, и по вас, сестрицы-звезды.

КУМА ЛУНА. Ничего, ничего — побудешь одна, образумишься. Наказание воспитывает. Отправляйся в свою светелку и соберись в дорогу. **(Мягко.)** Не забудь захватить на кухне хлеба.

Опустив голову Звездочка-соня, грустная, уходит.

КУМА ЛУНА **(кричит).** Метеор Огненный хвост! Метеор Огненный хвост!

МЕТЕОР **(издалека).** Тра-та-та! Лечу! Спешу!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА **(куме Луне).** Ты что же, всерьез решила отправить ее на Землю?

КУМА ЛУНА. И отправлю! И отправлю! И отправлю!.. **(С каждым разом слово «отправлю» звучит все менее уверенно, но Луна не сдается.)** Наказание воспитывает! И точка!

МЕТЕОР **(прилетает из вселенной).** Тра-та-та! Тра-та-та! Я здесь! Что прикажешь, кума Луна?

КУМА ЛУНА. Вот что, Огненный хвост, немедленно отвезешь Звездочку-соню на Землю.

МЕТЕОР **(свистит).** Тю-тю! Вот это прогулка! Великолепно!

Вновь появляется Звездочка-соня. Голова ее повязана косынкой, в руках узелочек. Она всхлипывает.

КУМА ЛУНА **(сдерживая волнение).** Что, явилась, Звезда-путешественница? Косынку хорошо повязала? Кудри спрятать не забыла? Смотри, никому не говори, что у тебя золотые волосы. Плохие люди при виде золота просто звереют от жадности.

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА **(плача).** Не прогоняй ее, кума Луна, на Землю!

ТРЕТЬЯ ЗВЕЗДА **(всхлипывает).** Она больше не будет!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА **(тоже плачет).** Она больше ни разу не проспит!

КУМА ЛУНА. Наказание... **(еле сдерживая слезы)** наказание воспитывает! И точка!

Звезды вместе с кумой Луной плачут. Занавес опускается.

РАССКАЗЧИК. И вот провинившаяся Звездочка уселась метеору на спину, махнула на прощание рукой и улетела. Еще пуще разревелись светила. Из глаз их закапали слезы, да столько, что все на Земле диву давались, отчего такой дождь с ясного неба. И понес Огненный хвост Звездочку по вселенной, трубя в свой почтовый рожок.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

РАССКАЗЧИК. Всю ночь ехала Звездочка по небу. Платок она забыла и утирала слезы кулаком, вовсю шмыгая носом. А на заре, когда все звезды уже укладывались спать и только Утренняя звезда одиноко догорала на небосводе, метеор доставил путешественницу на Землю.

И осталась Звездочка-соня одна. Весь день шагала она по дороге, пока под вечер не пришла в большой город. В городе как раз была ярмарка. И вот здесь, у входа на ярмарку, одинокая Звездочка присела на скамейку отдохнуть.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тихая улица. Справа высятся ворота с надписью: «Большая ярмарка хорошего настроения».
На скамейке у входа на ярмарку сидит Звездочка-соня.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(поет).**

Когда одна — веселья нет
И не с кем молвить слова.
Чихнешь — никто не скажет вслед:
«Малютка, будь здорова!»

Когда одна, сидишь грустна,
Цветы — и те не любы.
Лицо не моешь после сна,
Не чистишь на ночь зубы.

Зато нам весело гурьбой
Скакать и веселиться.
И если спорим меж собой —
Наш спор не долго длится.

Одной не встать в широкий круг...
Не спеть веселой песни...
Когда товарищи вокруг,
Гораздо интересней!

Появляется Мороженщик. Он толкает перед собой небольшую тележку с мороженым.

МОРОЖЕНЩИК. Мороженое! Мороженое! **(При виде Звездочки.)** Хочешь мороженого, девочка?

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Спасибо, добрый человек, но со дня рождения у меня не падает температура, и я могу простудиться... Лучше скажи мне, пожалуйста, что там происходит за воротами. Очень уж хочется заглянуть.

МОРОЖЕНЩИК. Это большая ярмарка хорошего настроения. Там ты увидишь такое... представить себе не можешь, какое... Там ты увидишь...

По улице идет Прохожий. Завидев его, Мороженщик кричит: «Мороженое! Сливочное, шоколадное мороженое!» Прохожий исчез.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Что же я там увижу?

МОРОЖЕНЩИК. Где?

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Да на ярмарке!

МОРОЖЕНЩИК. Ах на ярмарке! Сейчас я тебе расскажу. Это будет прекрасный, неповторимый рассказ. Слушай! У входа, прямо за дверью, ты увидишь...

Появляется еще один Прохожий. Мороженщик обращается к нему: «Мороженое сладкое, прохладное!» Прохожий уходит.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Продолжай, я горю от любопытства!

МОРОЖЕНЩИК. Что рассказывать?

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. О ярмарке! О ярмарке! О ярмарке!

МОРОЖЕНЩИК. Ах, о ярмарке! Теперь уж расскажу тебе обо всем до мелочей. Слушай внимательно! Чудеса, да и только! Входишь ты, значит, в дверь...

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Уже слышала! Вы мне это говорили.

На сцене появляется разбойник Цеферин. Он проходит мимо Мороженщика и Звездочки, смотрит на них и тут же уходит.

МОРОЖЕНЩИК **(в ужасе уставился на него, дрожит и бормочет).** М-мм-о-ор-р-рожж-женое... Мммо-орроженое...

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Вы дрожите? Вам холодно от мороженого?

МОРОЖЕНЩИК. От какого там мороженого? Разве ты не знаешь, кто это?

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Я с этим господином незнакома!

МОРОЖЕНЩИК. Это разбойник Цеферин!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Не может быть! Настоящий разбойник?

МОРОЖЕНЩИК. Всамделишный! Самый страшный в мире разбойник! Все трепещет перед ним! За него обещана огромная награда.

Тот, кто сообщит номер его телефона, получит полмеры каштанов. Но никто не смеет даже заглянуть в телефонную книгу,— так его все боятся!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Что вы говорите?

МОРОЖЕНЩИК. Да, да. А знаешь, почему он такой страшный? У него нет сердца!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Нет сердца?!

МОРОЖЕНЩИК. Нет! Это тебе не какой-нибудь разбойник из детской сказки. Это разбойник высшего сорта! Камень у него в груди вместо сердца.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Камень?

МОРОЖЕНЩИК. Угу. Каменное сердце. И не бьется, как наше. Оно у него такое холодное **(заглядывает в тележку)**, что даже мороженое замерзает, когда он проходит мимо.

Разговор Мороженщика и Звездочки подслушивает сам Цеферин.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Ой, как страшно!

МОРОЖЕНЩИК. Еще бы не страшно! Но я его, конечно, не боюсь! Если я встречусь с ним один на один, мне достаточно чихнуть...

ЦЕФЕРИН **(чихает).** А-апчхи!..

Мороженщик застыл от ужаса, а Звездочка спряталась за скамейку.

МОРОЖЕНЩИК **(дрожащим голосом).** М-м-мм-ороженое! М-м-мороженое!

Пытается улизнуть вместе с тележкой. Цеферин преследует его. Мороженщик ускоряет шаг. И наконец бросается бежать. Цеферин бежит за ним.

Из-за кулис доносится страшная возня. Мороженщик кричит. Цеферин орет. Наконец шум стихает, и Цеферин с довольным видом выходит на сцену. Он держит в руках рожок с мороженым, с удовольствием облизывает его и уходит на ярмарку хорошего настроения. Испуганная Звездочка следит за ним. Вскоре появляется Мороженщик. Он весь забинтован. Тележка его развалилась. Белая шапка смята, а фартук разорван. Нос вспух, под глазом синяк. Мороженщик пытается привести одежду в порядок и жалобно кричит.

МОРОЖЕНЩИК. Бывшее мороженое! Бывшее мороженое! **(Тоже исчезает на ярмарке хорошего настроения.)**

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(выходит из-за скамейки и смотрит вслед Мороженщику)**. Бедняга!.. Так и не рассказал мне, что это за ярмарка хорошего настроения. И опять я одна-одинешенька. Пойду-ка посмотрю, что там делается. Не успокоюсь, пока не узнаю, что это за ярмарка. **(Уходит на ярмарку.)**

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Ярмарка хорошего настроения. Играет шарманка. Вокруг несколько балаганов. На одном из них висит реклама с изображением всевозможных животных. Тут и гремучая змея, и крокодил и прочие звери. Над балаганом надпись: «Зоопарк». У входа в шатер кувыркается обезьяна и кричит попугай.

ПОПУГАЙ. Крррокккодилл! Крррокодилллл! Смотрите кррркокодилла, змей, ррыб, рракков! Щуки-муки, ррыббы!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Здравствуйте, уважаемый господин Попугай! Скажите, пожалуйста, где бы мне переночевать, я приезжая. **(Про себя.)** Нет у меня теперь дома!

ПОПУГАЙ. Попка-дурррак! Дуррак, тррряпка! Анты-танты, все мы музыканты! Крриминалл! Серррвант!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. До чего же я одинока! Не с кем слова сказать! Так совсем затеряешься. Кума Луна, кума Луна, где же ты? **(Подходит к следующему балагану.)**

На помосте стоят Африканец и Зазывала. У Зазывалы в руках колокольчик. Он звонит и кричит.

ЗАЗЫВАЛА. Заходите, уважаемые господа и дамы, заходите! За два сольди вы увидите первосортного, неподдельного африканца из джунглей. Он с детства питается огнем. Африканец черный, как ночь, но не думайте, что его облили тушью или он натерся сажей. Он такой от рождения. Живой африканец, пожирающий пламя. Завтракает и ужинает огнем. А днем лакомится огненными бутербродами. Глядите на дымящегося африканца!

За два сольди вы увидите, как он пожирает огонь! Представление начинается! **(Заходит в шатер.)**

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Вам не больно глотать огонь, дорогой Африканец?

АФРИКАНЕЦ. Не больно, только я уже им объелся. Разве это питание!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Конечно, конечно. Не только огонь, даже пирожное и то приедается! **(Грустно.)** Вы уже уходите? До свидания, господин Огнеглотатель. **(Смотрит на небо. С завистью в голосе.)** А сестрицы мои уже светить начали!

АФРИКАНЕЦ. До свидания!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(шагает дальше)**. До чего же мне скучно! И поплакаться некому! Где же ты, кума Луна?

Подходит к следующему балагану. Занавес опущен. Перед ним стоит еще один Зазывала и кричит.

ЗАЗЫВАЛА. Посмотрите на наше представление. Мы специально остановились у вас по пути из Парижа в Индию, чтобы показать вам самого гибкого человека на свете. Настоящий резиновый человек из Сингапура. Сам французский царь им восторгался. Королева золотом платила, чтобы его увидеть. Взгляните на нашего человека-резину!

Зазывала отдернул занавес. На кукольной сцене извивается человек.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(когда резиновый человек закончил свое представление)**. Как вы себя чувствуете, ловкий человечек?

ЧЕЛОВЕК-РЕЗИНА. Плохо, очень плохо, девочка. Эта работа уже не по мне. Несколько лет тому назад я бежал к своей тетушке со свидетельством об окончании школы и попал под ливень. С тех пор у меня ревматизм. Когда нагибаюсь,— больно.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Это очень неудобно, господин резиновый. Лучше бы сделали из вас школьную резинку и стирали вами помарки. А как приятно было бы стирать глупые распоряжения! Прощайте, дорогая резинка! **(Идет дальше.)** Все своим делом заняты!

Подходит к последнему аттракциону. На открытой площадке стоит телескоп, направленный в небо. Рядом, за деревом, притаился Цеферин. У телескопа Звездочет призывает людей воспользоваться подзорной трубой и посмотреть на планеты.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Остановитесь, господа! Погодите, ни шагу дальше! Луна за два сольди! Перед вами самая большая подзорная труба на свете. Уплатив всего два сольди, вы увидите в нее луну! Луна будет видна как на ладони!..

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Разрешите мне взглянуть в вашу подзорную трубу, дяденька!

ЗВЕЗДОЧЕТ. Смотри, только заплати сначала два сольди.

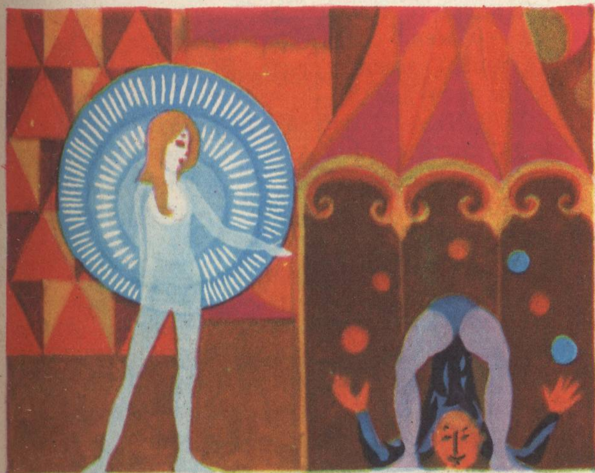
ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. А откуда мне их взять?! За свою двухмиллионную жизнь я не видела ни единого сольди.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Чего же ты путаешься под ногами? Не мешай подходить другим. **(Кричит.)** Смотрите в лучшую подзорную трубу на свете!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Дяденька, а дяденька, мне так хочется увидеть Луну! Разрешите хотя бы разочек заглянуть в телескоп.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Даром ничего не выйдет! Бесплатно Луны тебе не видать. Убирайся с дороги!.. **(Кричит.)** Внимание! Перед вами редчайший астрономический прибор на свете!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Знаете что, дяденька. у меня в узелке осталась булочка. Сама кума Луна дала ее мне в дорогу. Вкусная такая! Положишь в рот — так и тает. А как аппетитно хрустит ее корочка! Я бы сама ее съела, да вот только Луну хочется посмотреть. Возьмите ее вместо сольди.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Луну — за булочку? Этого еще недоставало! Уходи-ка с дороги. Взгляните в редчайший телескоп в мире!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Я вспомнила, дяденька! Мы с вами обязательно договоримся. Но это страшный секрет. Обещайте, что, кроме вас, его никто не узнает. Нагнитесь, пожалуйста, и я шепну его вам на ухо.

Из-за дерева показывается голова Цеферина. Звездочка что-то шепчет Звездочету на ухо.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Не слышу. Я глухой, говори громче!

Она шепчет еще раз, но Звездочет ее не слышит.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Громче, не понимаю!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(вслух).** Ну, так слушайте: у меня золотые волосы. И если вы позволите мне взглянуть на Луну, я вам дам один золотой волосок.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Ого! Неужели у тебя и впрямь золотые волосы?

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Да... Вот посмотрите.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Гляди-ка... И ты мне позволишь вырвать у тебя золотой волосок?

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Да. Только один и не самый длинный.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Ну давай. **(Вырывает волосок.)**

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Ой!

ЗВЕЗДОЧЕТ. До чего же красивый! Ну, а теперь смотри на Луну. **(Звездочка смотрит в телескоп.)** Видишь что-нибудь?

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Ничего не вижу!

ЗВЕЗДОЧЕТ. Смотри хорошенько! Крути винтик. Видишь?

На небе появляется кума Луна. Она очень мала. Едва слышен ее голос. Луна пересчитывает звезды: «Три миллиарда семь миллионов» и т. д.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Теперь вижу! **(Обращаясь к Звездочету.)** Только она очень маленькая.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Да ты смотри как следует! Поверни-ка винтик и увидишь ее ближе!

Звездочка смотрит в телескоп. Луна опять появляется на небе. Она уже больше, и голос ее слышен яснее.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Кума Луна, кумушка! Это я, Звездочка-соня. Ты меня слышишь? Кума Луна, что ты делаешь? Как поживаешь?

ЗВЕЗДОЧЕТ. Ну, хватит! За один волосок вдоволь нагляделась. Теперь уходи!

Звездочка отходит от телескопа. Луна исчезает.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. А куда? Ведь я одна-одинешенька. Головы приклонить на ночь негде.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Найдутся добрые люди. Увидишь огонек в окошке — постучись. Ну, а теперь иди... Самая большая труба на свете!

Звездочка уходит, опустив голову. Цеферин, который подслушивал, стоя за деревом, смотрит ей вслед и смеется. Завидев разбойника, Звездочет бросает свой телескоп и в страхе убегает.

ЦЕФЕРИН. Ха-ха-ха! Я все слышал. У этой девчонки золотые волосы. Хорошая добыча! Когда все люди уснут и город погрузится в темноту, в моем доме будет гореть свет. Девчонка придет на огонек. А как только заснет — отрежу золотые волосы, а потом ее прогоню! Ха-ха-ха! **(Уходит.)**

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

РАССКАЗЧИК. Когда на город спустилась ночь и все жители улеглись спать, в доме Цеферина вовсю горел свет. С нетерпением ждал разбойник, когда же постучится Звездочка.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЦЕФЕРИН. Придет или не придет? Некуда ей деваться... Придет, придет. Мой огонек ее заманит. Уложу девчонку спать, а потом ск-ск-ск, и нет волос... А вдруг не придет? Ой-ой-ой... Погадать, что ли? **(Считает пуговицы.)** Придет — не придет, придет — не придет, придет — не придет... Тьфу, здесь пуговица оторвалась. Беда, и только! Как убежал от мамы в разбойники, и пуговицу пришить некому. А что если действительно не придет? Эге-ге-ге. Придет.

Послышался стук в дверь.

ЦЕФЕРИН **(весело).** Она! Ну, золотые волосики теперь мои! Войдите!

Входит маленький человечек с портфелем под мышкой и в служебной фуражке. Он говорит тонюсеньким голоском. Это Пэпе Огонек.

ПЭПЕ. Добрый вечер.

ЦЕФЕРИН **(разочарованно).** Что вам надо? Кто вы?

ПЭПЕ. Имею честь — Пэпе Огонек с городской электростанции.

ЦЕФЕРИН. Что вам надо?

ПЭПЕ. Высокочтимый господин разбойник Цеферин, учитывая, что вы вот уже два месяца не платите за электричество, я вам сию минуту обрежу провода. Фьюить — света нет!

ЦЕФЕРИН. Что, что, что?!

ПЭПЕ. Согласно правилам местной электростанции за № 7352/15, абоненту, который в течение двух месяцев не вносит плату за электричество, немедленно обрезают провода. Фьюить — и света нет!

ЦЕФЕРИН. Но у меня сегодня ночью должен гореть свет!

ПЭПЕ. Должен или нет... Фьюить — и света нет!

ЦЕФЕРИН. Потерпите хотя бы одну ночь. Сегодня ночью я не могу оставаться без света. Сжальтесь надо мной. Есть же у вас в конце концов сердце.

ПЭПЕ. Почему-то все требуют, чтобы у нас, контролеров, было сердце, в то время как разбойники спокойно обходятся без него. Где же справедливость?

ЦЕФЕРИН. Пощадите меня все-таки. Поймите, я жду сегодня ночью гостей. Бесценных гостей. Золотых гостей. Неужели я должен встретить их в темноте? Ну, мы же с вами друзья!

ПЭПЕ. Ну ладно, потерплю. Спокойной ночи. **(Уходит.)**

ЦЕФЕРИН. Ха-ха-ха! Гори, огонечек, гори! Заманивай мою златовласку!..

Стук в дверь.

Вот и она! А может, это кто-нибудь с горводопровода? Нет, она... Или из жилуправления? Не знаю, все может быть, увидим... Войдите!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(входит).** Добрый вечер!

ЦЕФЕРИН **(угодливо).** Добрый вечер, девочка!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Простите за беспокойство. Разрешите у вас переночевать? Ой, да я тебя знаю. Ты Цеферин, правда? По прозвищу Разбойник?

ЦЕФЕРИН. Может быть, может быть. Переночевать здесь, конечно, можно. Дом у меня не дворец, но постель мягкая. Ложись и поскорей засыпай.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Не уснуть мне. Не привыкла я спать по ночам. Ой, какой здесь кавардак, все разбросано, грязно. Неужели ты никогда за собой не убираешь? И как у тебя сердце не болит при виде такого беспорядка?

ЦЕФЕРИН. Чтобы у меня болело сердце? Да ты какая-то глупышка. Запомни раз и навсегда — у меня сердца нет! Я бессердечный! Ну, а теперь ложись спать. Жду не дождусь, чтобы ты заснула.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Утром я все приберу, подмету, пыль сотру. А у тебя действительно камень вместо сердца?

ЦЕФЕРИН. Конечно! Вот послушай-ка — не стучит!

Звездочка склонила к его груди голову.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Правда, не стучит! Это, наверное, очень тяжело, когда не бьется сердце?

ЦЕФЕРИН. Да. Иногда и хотелось бы услышать это тук... тук... тук... Особенно, когда один. Ну, а теперь иди спать.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Ой, до чего у тебя грязные ногти! Появись ты в школе с такими ногтями, учитель тебя и на порог не пустил бы. Утром я тебе их во что бы то ни стало остригу.

ЦЕФЕРИН. Хе-хе-хе... И что только тебе не взбредет в голову! Разбойник с чистыми ногтями! Не доктор же я. Ну, отправляйся спать.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. А почему ты такой лохматый? Разве у тебя нет расчески?

ЦЕФЕРИН. Конечно, нет!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Как это нет? Чтобы человек жил без расчески? Это невозможно!

ЦЕФЕРИН. Была когда-то и у меня расческа. Но с той поры, как убежал я от мамы из дому и стал разбойником, никакой расчески у меня нет. Ну, ложись скорее спать да сними косынку с головы.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. А ты напиши маме и попроси у нее расческу. Нельзя же с такой гривой ходить по городу. Даже разбойники и те от тебя, такого лохматого, будут шарахаться!

ЦЕФЕРИН. Ты хочешь, чтобы я написал маме и попросил у нее расческу? Да никогда в жизни!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Почему же?

ЦЕФЕРИН. Мне этого просто не сделать. В письме надо писать: «Милая мама», а мне никак не написать слово «милая».

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Странно!

ЦЕФЕРИН. И то тебе странно, и это странно. Какой есть — такой есть. Ну, а теперь ложись спать. И, смотри, сними косынку.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Не-ет. Сначала я тебя научу писать слово «милая», чтобы ты мог послать маме письмо и попросить у нее расческу.

ЦЕФЕРИН. Ладно, ладно! Еще что выдумала!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Не упрямься. Подойди к стене, а я проведу по ней пальцем и напишу слово «милая». Сначала М... Вот так.

Звездочка нарисовала пальцем на пыльной стене букву М, которая тут же заблестела, переливаясь золотом.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Это М.

ЦЕФЕРИН. Ого, как метро!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Потом И. Дай мне руку, вместе напишем.

Цеферин дает ей руку. Звездочка ведет его палец по стене и рисует букву И, которая так же сияет, как и первая.

ЦЕФЕРИН. Это зигзаг какой-то. Палец поломаешь. Ми-и...

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Потом Л.

ЦЕФЕРИН. Ты глянь, лыжный трамплин!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Теперь А.

ЦЕФЕРИН **(повторяет)**. А-а.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. И, наконец, Я.

ЦЕФЕРИН **(читает)**. Ми-л-а-я... **(Едва он закончил читать, послышалось биение сердца.)** Кто-то стучится в дверь.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Никто не стучится. Это что-то другое.

ЦЕФЕРИН. А ты ничем не стучишь?

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Честное слово, не стучу, Цеферин!

ЦЕФЕРИН. Что это?.. Послушай... Здесь внутри что-то бьется. Неужели сердце? Послушай...

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ **(приложила голову к его груди)**. Сердце!!!

ЦЕФЕРИН **(довольный)**. Эге-ге-ге! Тук-тук, тук-тук! Эге-ге... Дай я тебя поцелую!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. И до чего вы, люди, странный народ! Почувствуете в груди сердце и сразу лезете целоваться... Ну, давай поцелуемся и напишем маме письмо.

ЦЕФЕРИН. Знаешь что? Ничего я ей не напишу!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Что? Вот это красиво! Садись, пиши!

ЦЕФЕРИН. Не буду!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Отчего же?

ЦЕФЕРИН. Я просто к ней возвращусь. Больше не хочу разбойничать!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Вот это верно! Возвращайся быстрей домой, пока не передумал.

ЦЕФЕРИН. Бегу, лечу, к маме хочу! До свидания, Звездочка!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. И этот ушел. Опять я одна. Луна, кума Луна, где ты? Где вы, сестрички мои, звездочки? **(Поэт: «Когда одна — веселья нет и не с кем молвить слова» и т. д.)**.

Как только Звездочка закончила петь, в окно заглянула кума Луна.

КУМА ЛУНА **(издалека)**. Звездочка-соня! Звездочка-соня!

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Кума Луна, миленькая!

КУМА ЛУНА. Хватит тебе по Земле слоняться. Возвращайся к нам наверх. Оставаться дальше на Земле совсем не обязательно. Теперь ты будешь светить как следует. Метеор тебя ждет.

ЗВЕЗДОЧКА-СОНЯ. Иду, кума Луна, иду!

Занавес

РАССКАЗЧИК. Так Звездочка-соня вернулась на небо. Когда она прилетела, Луна досчитывала седьмой миллиард звезд. Завидя Звездочку-соню, она так обрадовалась, что сбилась со счета и принялась считать все звезды заново.

А теперь Звездочка-соня опять блестит на своем месте. Дети уснули. Моряки бросили якоря в гавани, а поэт нашел рифму к слову «варенец». Какое это слово? Вы угадали:

КОНЕЦ

КОМАНДОРЫ

В. ПЕРЦОВ

Рисунки автора

Пакетбот «Святой Петр» капитан-командора Витуса Беринга уже две недели трепал жестокий шторм. Продовольствие кончалось. Моряки обессилели от цинги, голода, тухлой воды и качки. Наконец показалась земля. «Камчатка»,— решили все. Бросили последний якорь. Но обезумевший океан сорвал судно с якоря и понес на скалы. Казалось, спасения нет. И в этот миг огромная волна мягко перенесла пакетбот через рифы в тихую бухту...

Прибежал песец. Потявкал в неожиданно наступившей тишине. Когда моряки сошли на берег, их окружило множество этих нахальных зверьков. Песцы совершенно не боялись людей. И тогда моряки поняли, что они на необитаемом острове.

Было это в 1741 году.

Пакетбот не мог плыть дальше: выход из бухты был закрыт рифами. Всю зиму и лето моряки строили другой корабль,

Кроме рисунков, художник В. Перцов сделал еще и карту в духе старинных чертежей, которыми пользовались давние мореходы. Вы, читая рассказ, можете справиться по ней: где остров Беринга, где Медный.

поменьше, и через год добрались до Петропавловска. Но капитан-командора с ними не было. Он умер на острове. Не выдержав лишений, погибла и половина экипажа.

Посмотрите на карту, и вы увидите следы славных дел храброго командора. Берингов пролив между Азией и Америкой. Море, по которому шторм носил его пакетбот,— Берингово. Остров, на котором он умер, назван островом Беринга, а весь архипелаг — Командорскими островами...

Над Командорами обычно туман. Старожилы считают, что здесь только шесть ясных дней в году. И два цвета — серый и зеленый. Зеленая тундра накрыта серыми тучами и клочьями серого тумана. Громыхают о серые до черноты скалы серо-зеленые волны. Они прикатили откуда-то из Полинезии, ведь отсюда до самого экватора не встретишь земли. Только в отлив океан добавляет темно-красный цвет — цвет водорослей на обнажившихся рифах.

...Очень интересно ходить по берегу. Валяются китовые ребра. Дохлый краб ле-

Этот внушительный и мрачноватый на вид камень называют Скалою орлов. На рисунках справа (вверху) вид села Никольское, а внизу летают и кричат бесчисленные топорки над грядою камней, названных их именем.

жит,— огромный, еле перешагнешь. Там и сям выпрыгивают и плюхаются в воду здоровенные рыбины — это кижуч идет в речку метать икру. Истощенные рыбы уйдут в глубь острова, отложат икру и погибнут. Все до одной. Таков биологический закон.

Интереснее всего на рифе. В лужицах, оставшихся после отлива, кипит жизнь. Вот колония морских ежей шевелит своими иголками, похожими на сосновые. Рак-отшельник тащит свою раковину, пряча в ней нежное брюшко. Везде гроздья баланусов — морских желудей. Но вот побежали ручейки — начинается прилив. Надо спешить к берегу. Скоро здесь опять будут ходить океанские волны, пришедшие из тропиков.

И в глубь острова интересно пойти. На Командорах не растет ни одного дерева, но пропасть грибов. Подберезовики, подосиновики, больше всего белых. С нескольких кочек можно корзину набрать. Как цветы растут.

Но, конечно, самое интересное — котиковые лежбища. Длинный, уходящий в море риф покрыт шевелящейся, ревущей черной массой котиков. Не сразу начинаешь разбираться в подробностях. Вот огромный, бородатый секач. Это отец семейства. Вокруг него самки, они гораздо меньше. И малыши. Их называют «черненькими». Каждая семья на своей «жилплощади». Секач никого не подпустит близко, кидается, норовит клыками ударить. За эти огромные клыки-ножи его и зовут секачом.

В мае приплывают они на риф и в драках завоевывают себе место. Слабые вытесняются с рифа. Потом приплывают самки. Скоро рождаются черненькие. День и ночь сторожит секач свое семейство. И поесть некогда. Так почти и не ест ничего два-три месяца.

Тут же шныряют песцы, голубые, самые ценные. Сейчас, летом, они бурые, облезлые, вида довольно скверного. Бегают по рифу, ищут, чем бы поживиться. Норовят украсть черненького. А то так, просто из хулиганства цапнуть за нос спящего сивуча.

Сивучи — это морские львы. Огромные, желтовато-бурые, лежат среди котиков. Кажется, такой гигант на суше и повернуться не сможет. Но, говорят, они любят забраться на скалу и ласточкой броситься оттуда в воду.

Много занятного можно рассказать о зверином населении острова Беринга. О стадах диких оленей и стаях одичавших собак. О забавной птице топорке, или морском попугае. Он черный, с белыми щеками, огромным ярко-красным клювом, как у попугая, и длинными бровями из золотых перьев. На маленьком острове, который и называется островом Топорков, они тучами летают над головой, чуть шапку не сшибают.

На рифах когда-то жили и стеллеровы коровы — огромные, больше слона, добродушные морские животные, которых больше нет на земле: их выбили в XVIII веке. Видел и описал морских коров естествоиспытатель, спутник Беринга, адъюнкт Петербургской Академии наук Стеллер.

Здесь говорят: «Командоров не видал, кто на Медном не бывал». Остров Медный выглядит грозно. Гигантской черной, с зеленоватым отливом скалой дыбится он из океана. Облака цепляются за вершины. И тут тоже котики. А песцов еще больше. И они еще наглее. А еще есть здесь очень редкий зверь — морская выдра, калан. Это очень веселые и ловкие звери. Плавают они обычно на спине. В лапках держат морского ежа — это их пища. А мамаши своих детишек подбрасывают. Необыкновенно красив мех каланов, темный, отливает красным. На пушном рынке он самый дорогой в мире. Раньше хищники-купцы одними хвостами каланов (шкурки выбрасывали) набивали трюмы своих судов. Думали, их совсем не осталось. Но уцелело несколько семей. А сейчас на Медном более трехсот каланов.

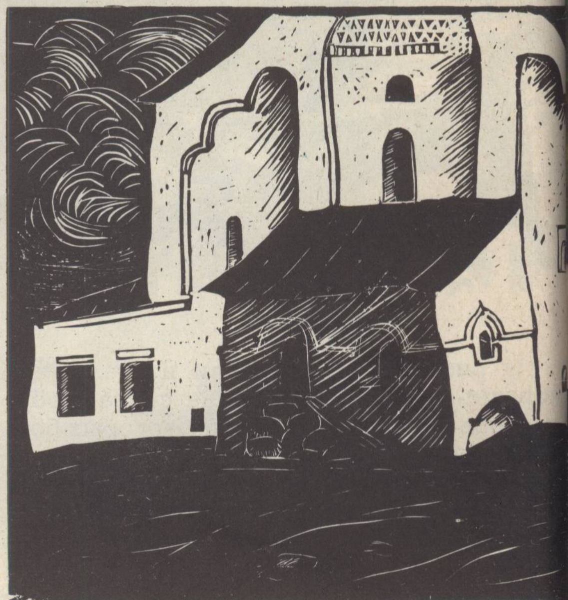
Два острова в океане. Сотни тысяч, миллионы лет формировалось, совершенствовалось здесь общежитие многих видов животных — от микроскопического рачка до огромного кита. Эти гиганты часто подходят к островам. А человек здесь всего двести лет. И чаще приходил врагом, а не другом природы: хищнически истреблял животных. Вспомните стеллерову корову, калана.

Сейчас жители Командор прилагают много сил, чтобы исправить вред, принесенный природе. Изучают условия жизни зверей. Помогают им в борьбе со стихией.

И этим занимаются не только взрослые. Рядом с ними — твои сверстники.

1918
Андрей Леб
г. Электрос

НОВГОРОДСКИЙ МОТИВ.
Андрей Казило, 13 лет,
г. Электросталь.

ОТЕЧЕСТВО

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МАТРОС.
Леша Викулин, 10 лет,
пионерский лагерь «Дружба».

ТЫ ЛЮБИШЬ РИСОВАТЬ? А что ты рисуешь? Может быть, ты участвовал в каком-нибудь конкурсе рисунков? Или был организатором выставки в своей школе?..

РАЗГОН ДЕМОНСТРАНТОВ.
Сережа Соловьев, 10 лет,
г. Орехово-Зуево.

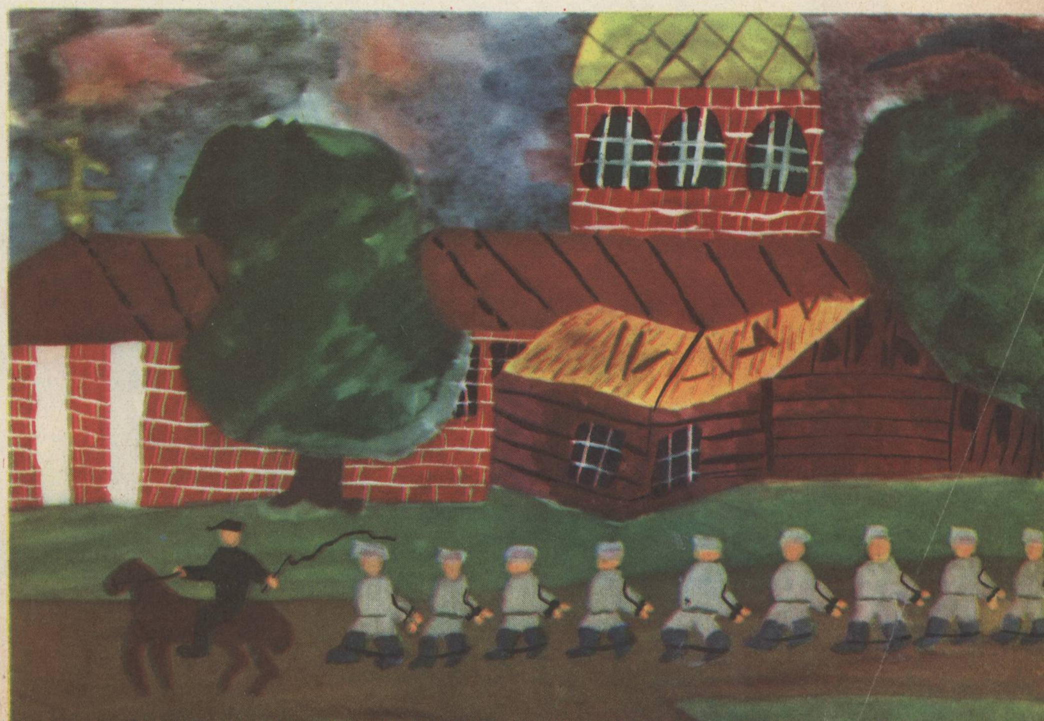
ПЕРЕД БОЕМ.→
Вова Аниденнов, 10 лет,
г. Электросталь.

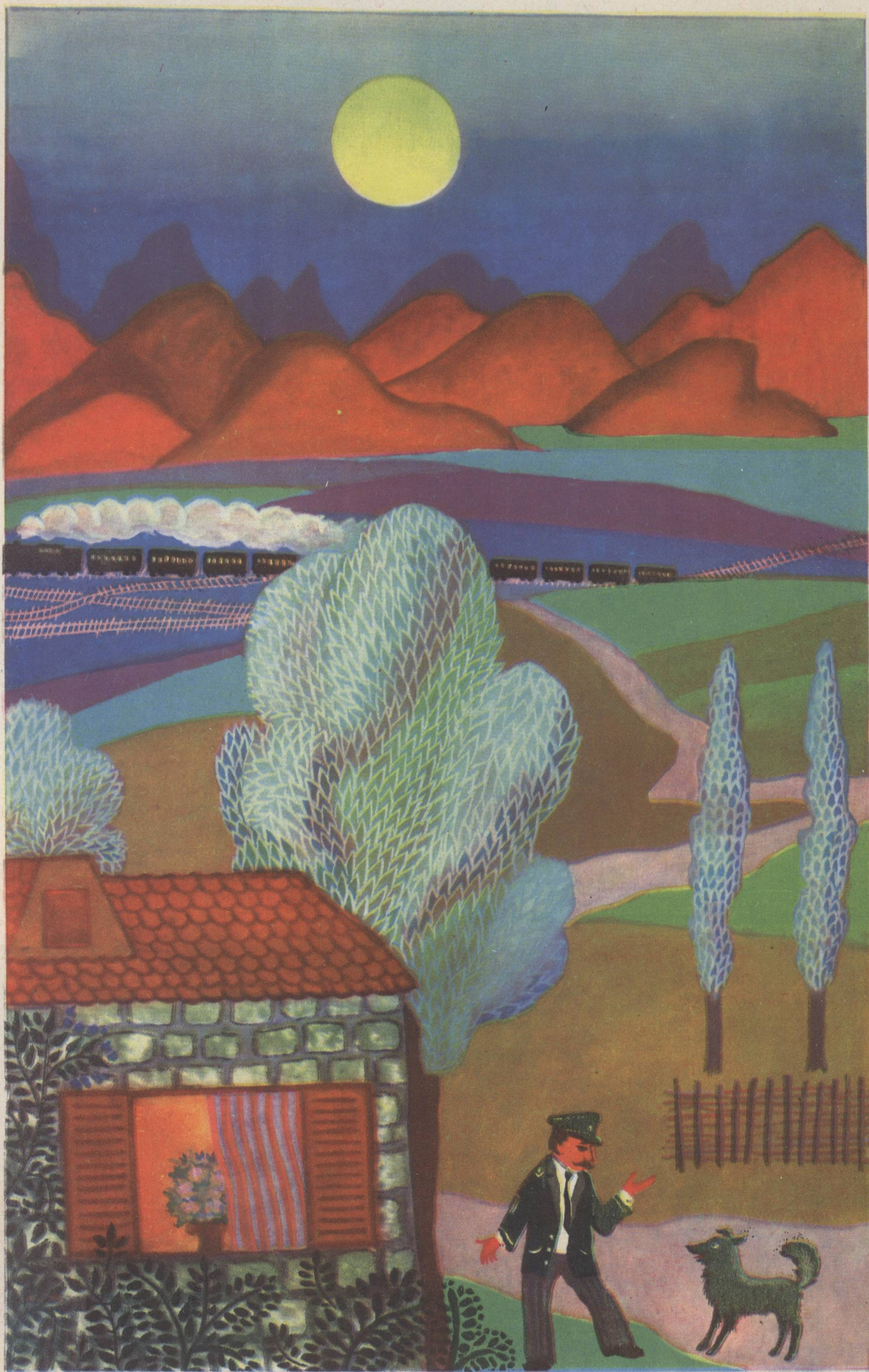
Тогда тебе интересно будет узнать, что в Москве открывается Всероссийская выставка детских рисунков. Называется она «Отечество». Все работы, которые ребята прислали на эту выставку, рассказывают о больших событиях нашей истории, о местах, дорогих и памятных по этим событиям, о замечательных людях, о нашей жизни.

Выставку «Отечество» организовали ЦК ВЛКСМ и Центральный Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Из Москвы она отправится путешествовать по городам и селам. Вполне возможно, что тебе самому удастся побывать на ней. Ну а если выставка к тебе не приедет, то вот на этих страницах ты увидишь несколько рисунков с выставки, которые нам понравились.

д. МОДЕНОВО.
Дом П. А. КОЧЕТОВОЙ,
ГДЕ В 1920 ГОДУ
НА СОБРАНИИ
КРЕСТЬЯН
БЫЛ В. И. ЛЕНИН.
Олег Харитонов, 11 лет,
г. Электросталь.

ВЛАДИМИРКА.
Юра Растопиро, 10 лет,
пионерский лагерь «Дружба».

Роман **ПИСАРСКИЙ**

Рисунки **И. ГАЛАНИНА**

Путешественник из Мариттимы

ПОВЕСТЬ

Послушайте историю, которая случилась в Италии.

Однажды на узловой станции Мариттима ждали поезда, который шел из Турина в Рим. Был знойный июльский день, и на перроне было пусто, потому что все пассажиры забились в зал ожидания. Только начальник станции вышел на платформу, надел форменную фуражку и застегнул мундир. Послышался свисток приближающегося поезда. Вот он остановился. А когда в поезд сели несколько пассажиров, начальник поднял руку, давая сигнал отправления. В ту же самую минуту он увидел, как из последнего вагона выскочила собака.

Поезд ушел, а собака подбежала к начальнику, повиляла хвостом и осмотрелась.

— Что тебе надо? — спросил начальник. — Ты голодная?

Он внимательно пригляделся к собаке. Это был ужасно милый лохматый пес, немножко похожий на шпица, а немножко на овчарку.

Начальник достал бутерброд с сыром, разломил его на кусочки и предложил гостю. Собака, видимо, была голодная, ела с аппетитом, но не жадно, как это иногда делают плохо воспитанные псы. Железнодорожник погладил ее. Собака понравилась ему.

Он жил в двадцати километрах от станции, на маленьком полустанке. Место там было довольно безлюдное. «Вот дети обрадовались бы!» — подумал он.

— Пойдешь ко мне? — спросил он.

Собака тихо тявкнула и помотала хвостом. Как будто поняла.

— Вообще это не так просто, — сказал начальник. Он знал, что железнодорожные правила строго запрещают перевозить в пассажирских поездах животных. Сам железнодорожник, он не мог нарушать правила. Но ему ужасно хотелось взять собаку с собой.

— Надо будет что-то придумать, — проворчал он...

*

Местный поезд из Мариттимы до полустанка, возле которого жил начальник станции, отходил поздно.

Под вечер начальник и собака отправились в буфет. Начальник ел сам и угощал ее.

— Откуда он у вас? — спросил буфетчик. — Хороший песик.

— С римским поездом приехал, — объяснил начальник. — Верно, кто-то решил от нее избавиться и сунул в вагон. Люди ведь всякие бывают...

— Вы так думаете? — засмеялся буфетчик. — Как же его зовут?

Начальник пожал плечами.

— Я бы назвал его «Лямпо» [1], — сказал один из сидевших за столом железнодорожников. — Глаза у него так и сверкают, а на спине светлая полоса — видите?

— Пошли, Лямпо, — сказал начальник.

Ему понравилось это имя. Он встал, расплатился и вышел. Собака побежала за ним.

«Интересно, поймет она меня?» — думал начальник станции. И когда поезд тронулся, он высунулся в окно и тихо свистнул. Лямпо побежал рядом с поездом.

— Умная ты псина, — обрадовался человек.

По насыпи вилась узкая тропинка. Собака выбралась на нее и побежала рядом с поездом. Время от времени она поворачивала голову к окну, отыскивая глазами знакомое лицо.

Поезд шел все быстрее. Лямпо не отставал. Даже тявкнул раз-другой, желая показать, что чувствует себя великолепно, и все мчался, словно гончая на состязаниях. Но после нескольких километров бега пес начал уставать. Язык наружу, бока так и ходят...

— Бедняга! — шепнул про себя железнодорожник и махнул рукой. — Останься здесь!

Собака послушно остановилась и присела на тропинке. Она очень устала, еле переводила дух...

*

Назавтра железнодорожник вернулся в Мариттиму утренним поездом, вовсе не надеясь снова увидеть собаку.

Сойдя с поезда, он направился в свое служебное помещение. Первая дверь была, как всегда, открыта. Он достал ключ, чтобы отпереть другую, внутреннюю, и в эту минуту услышал радостный визг. Из-за угла коридора выскочил Лямпо.

[1] «Лямпо» — по-итальянски молния.

— Ты тут? — воскликнул начальник и прижал голову собаки к своим коленям.

Около десяти должен был пройти скорый.

Начальник одернул на себе мундир, взял фуражку и вышел. Собака побежала за ним.

Поезд подошел и остановился.

— Мариттима! — крикнул кондуктор, высунулся в окно и отдал честь начальнику.

— Мариттима!.. — сказала своей подруге какая-то девушка, выглянув из окна вагона. Вдруг она засмеялась и потянула подругу за рукав.

— Взгляни на эту собаку!

Было на что посмотреть. Начальник станции стоял, вытянувшись в струнку. Он поднял руку, чтобы дать машинисту сигнал отправления. Рядом с ним сидел Лямпо, и морда у него была самая торжественная. Девушки хохотали в окне: пес — почти как начальник станции, точно это он отправляет поезд!

Лямпо залаял. Экспресс дернулся и тронул. Начальник потрепал собаку по голове.

— Спасибо тебе, Лямпо, за помощь, — сказал он.

В этот день железнодорожник нарушил правила. Вечером, когда на станцию прибыл местный поезд, он вошел в вагон с собакой. Лямпо понял, что от него требуется, влез под лавку и сидел там до самого конца дороги.

— Джина! — сказал железнодорожник дочке, которая открыла ему дверь. — Смотри, кого я привел!

Девочка даже покраснела от радости и позвала брата. Маленький Роберто захлопал в ладоши.

— Как ее зовут? — спросил он.

— Лямпо. Это хорошая собака.

Все прошли в столовую, где мать накрывала стол для ужина. Лямпо вошел прилично, вежливо помахал хвостом и чинно присел у печки.

— Я думаю, что у нас никаких хлопот с ним не будет, — сказал железнодорожник. — Это очень умная собака.

Семья села ужинать. Лямпо ел, деликатно беря протянутый кусок, не торопился и не приставал. После ужина помахал хвостом, как будто желая поблагодарить за угощение. Потом выскользнул за дверь.

— Хочешь прогуляться? — спросил хозяин. — Хорошая мысль!

Он достал сигарету, закурил и вышел за собакой. С удивлением он увидел, что Лямпо бежит к станции...

К платформе как раз подходил последний поезд на Мариттиму. Вот он остановился. Собака подбежала к перрону, покрутилась возле последнего вагона и вспрыгнула на ступеньку. Поезд тронулся.

— Лямпо! — воскликнул удивленный начальник. Он увидел, что собака удобно устроилась на площадке.

— Лямпо!

Но собака не спрыгнула. Красный фонарь, висящий над буфером, все удалялся. Поезд исчез в темноте.

На следующее утро, отправляясь на работу, начальник станции думал о бегстве свое-

А тут начальник вместе с буфетчиком рассуждают о жизни Лямпо и кормят его.

го приятеля. Как же он обманулся в нем! До чего досадно. «Странная собака...» — проворчал он про себя. И он припомнил, как Лямпо появился впервые. Откуда он приехал? Бродячий пес? И начальник снова задумался. Все так, и все же это не обычный пес, из тех, которых видишь каждый день. Собаки не путешествуют одни по железной дороге. А эта...

Самое странное, что Лямпо успел на последний ночной поезд. Откуда он знал, в котором часу нужно выйти из дому?

«Неужели он знает расписание? — усмехнулся железнодорожник. — Но зачем ему было убегать от меня? И куда он поехал?.. Странная история».

Поезд подошел к Мариттиме. Начальник достал из кармана служебные ключи. Он еще не дошел до своего помещения, когда дверь распахнулась и оттуда выскочил Лямпо. Он мчался, как настоящая молния. Потерся о колени хозяина, потом сел и стал служить. Морда у него была такая плутоватая, что начальник расхохотался.

— Значит, не убежал? Сторожил мою станцию?

Собака помахала хвостом.

— Тогда прощаю тебе все, — весело продолжал начальник. — Служба есть служба!..

Он погладил собаку.

— Шустрый пес! — воскликнул дежурный. — Вы знаете, эта дворняжка всю ночь просидела в коридоре возле вашего кабинета. И ни за что не хотела уходить, как ни гнали.

Начальник уже открыл рот, собираясь рассказать, как собака прыгнула в поезд, чтобы вернуться в Мариттиму, но удержался. Все равно же никто не поверит.

Так и повелось. Лямпо каждый вечер ездил со своим хозяином ужинать в Пьомбино. Дорогу эту он проделывал обычно под лавкой вагона.

Дети уже ждали гостя. Они визжали от радости, когда Лямпо влетал в дом. Собака при виде маленьких друзей проявляла столько веселья, что трудно было ее не любить. Маленький Роберто просто обожал ее, гладил, обнимал, учил разным штучкам. Во время ужина собака обычно сидела подле его стула.

— Почему Лямпо не хочет жить у нас? — спрашивал Роберто у отца. — Ведь здесь же ему лучше...

— Это железнодорожная собака, — смеялся начальник. — Ей надо стеречь мое служебное помещение.

— Так пусть он хоть по воскресеньям остается у нас, — настаивали дети.

— Попросите, может быть, он поймет и останется, — шутил отец. — Попробуйте ему это втолковать.

Но Лямпо не давал себя упросить. Каждый день после ужина, в одно и то же время, он вскакивал и прощался. Не помогала даже запертая дверь. Тогда он прыгал и повисал на ручке. Детям пришлось примириться. Они стали сами выпускать собаку из дому.

Лямпо ни разу не опоздал на поезд. Может быть, он слышал его приближение раньше, чем все. Во всяком случае, он выбегал из дому с такой точностью, как будто в животе у него был будильник. Начальник вместе с детьми провожал его до станции, но через некоторое время махнул рукой. Он отлично знал, что собака и сама сядет в поезд.

Каждое утро Лямпо ждал хозяина перед кабинетом. Он встречал его с настоящей собачьей приветливостью, входил в кабинет и принимался за привезенный начальником завтрак. Какое-то время после этого он еще сидел и смотрел, как хозяин работает, а потом отправлялся в обход.

— Ого, Лямпо приступил к дежурству, — смеялись железнодорожники.

Его уже знали все. Ежедневно, выйдя из кабинета начальника, он медленным шагом проходил по длинному застекленному перрону, где сновали пассажиры, но Лямпо не обращал на них никакого внимания. Это же были люди не в железнодорожной форме...

— Лямпо! — кричали дорожные рабочие,

Это Лямпо знакомится с Джиной и Роберто.

выходящие с инструментами на линию.— Пойдешь с нами?

Он махал хвостом и присоединялся к бригаде. На месте работы он сидел и внимательно следил, как подвертывают гайки. Нередко рабочие пользовались его услугами.

— Отнеси ключ,— говорили они.— Вон на тот путь! — и подавали ему инструмент для товарища, который ждал, протянув руку. Лямпо брал в зубы ключ или молоток и относил куда надо. Вначале люди не могли надивиться, до того это был сообразительный пес. Потом привыкли к его помощи. Только пассажиры в проходящих мимо поездах раскрывали удивленно рты.

В полдень собака отправлялась в буфет обедать. Там ее уже ждала наполненная миска, содержимое которой съедалось без промедления. Собака знала, что мешкать нельзя: в тринадцать часов должны пройти два скорых поезда!

Это были торжественные минуты. Начальник надевал фуражку, поправлял мундир и шел на перрон. Раз, когда он чуть было не опоздал, Лямпо поднял такой шум, что сбежалась вся станция. Да, на эту собаку можно было положиться.

— Я тебе фуражку куплю, Лямпо! — смеялся начальник.

И купил... красивый ошейник.

Станционный столяр сделал ящик. Его поставили в коридоре около кабинета начальника станции, и Лямпо в нем спал.

То, что произошло спустя неделю, встревожило всю станцию. Лямпо исчез. Начальник искал его всюду. Убедившись, что собаки на станции нет, он пошел к знакомому виноградарю. Но и тот ничего не знал.

Дорожные рабочие, которые в этот день пошли на обход дальнего участка пути, обшарили все заросли вдоль насыпи. Никакого результата.

— Может быть, Лямпо отправился в Пьомбино? — попытался успокоить начальника его молодой помощник.

— В это время? — пожал плечами начальник.— Ведь он же ездит туда со мной вечером.

— Потянуло к детям. Может быть, захотел провести с ними день?

Это было возможно. Начальник успокоился. Вечером, полный надежд, он поехал домой. Но оказалось, что собаки в Пьомбино никто не видел.

— Что с ним могло случиться? — недоумевали дети. Они были расстроены тем, что Лямпо не приехал с отцом.

Ужин в тот вечер показался всем невкусным.

Утром дети проводили отца на станцию. Сердце начальника так и заколотилось, когда поезд остановился в Мариттиме. Но помощник, который стоял на пороге, развел руками.

— Нету!..

Железнодорожники сновали по станции, как обычно. Только обычное желание шутить покинуло их.

— Дай мне стакан вина, Пьетро,— буркнул начальник, войдя в буфет, и, сев у стойки, понурился.

— Отравили! — сказал буфетчик и наполнил стакан.— Я говорил, что надо за ним поглядывать...

— Не говори глупостей,— прервал его начальник.— Я в это не верю.

Он выпил вино. Только и оно не помогло, в сердце росла тревога.

В полдень с гулом ворвался на станцию скорый из Турина. Начальник стоял на своем обычном месте. Он как раз поднес руку к козырьку фуражки, отвечая на приветствие знакомого кондуктора, как на перроне послышался лай. Из открытой двери последнего вагона выскочил Лямпо.

Поезд уже отошел, но начальник все не мог опомниться. Сперва он сделал строгую мину, потом схватил собаку на руки и прижался к ней щекой. Потом опустил ее на землю и снова нахмурился.

— Ты это где таскался? — спросил он строго.

— Ездил в Турин,— пояснил кто-то.— А теперь, как видите, вернулся.

— Ты брал его с собой, Эдуардо? — удивился начальник.

Эдуардо, электрик, которого он посылал вчера в Турин, усмехнулся.

— Нет. Когда я садился в поезд, я видел только, что Лямпо впрыгивает в последний вагон. Я даже удивился...

— Ты мог бы позвонить нам из Турина, что видел его,— вскипел начальник.— Зачем тогда на свете телефон? А мы тут ходим как пришибленные.

— Откуда я мог знать? — развел руками Эдуардо.— Но я за ним приглядывал. Да он и сам знал, когда возвращаться,— рассмеялся он.— Что ему, впервые, что ли? Сел в обратный поезд без моей помощи. Разумеется, без билета. Видали проныру?

Лямпо снова обосновался на станции. Как прежде, он «нес службу» — помогал рабочим и стерег кабинет хозяина. Вечером, как и раньше, ездил ужинать в Пьомбино. Его уже знали и на той станции.

Никто не ожидал, что собаке придет в голову снова отправиться куда глаза глядят. Ведь ей же было тут так хорошо! Железнодорожники баловали ее, еды было вдоволь... И она так была привязана к своему хозяину! Но вот как-то она снова исчезла.

На этот раз начальник уже не расстраивался. Он знал что делать. Он сел к телефо-

Тут Лямпо помогает рабочим, а в окнах проезжающего поезда видны изумленные люди.

ну и стал звонить. В Турине никто не видел собаку. Дежурные, которым звонил незнакомый коллега с маленькой станции, удивлялись. «Какая собака?» — недоумевали они. Некоторые не могли удержаться от шуточек и издевок. Другие просто бросали трубку.

Но железнодорожник не сдавался. Убедившись, что на северных станциях нечего искать, он стал звонить на юг. В Орбетелло кто-то даже возмутился:

— Вы что дурака валяете? С каких это пор собаки ездят по железной дороге?

Начальник устал, но продолжал свое. В последний раз он поднял трубку и вызвал Рим. Устало повторил он свой вопрос. И тут дежурный в Риме спросил:

— Как выглядит этот Лямпо?

— Светлая полоса на спине, — выпалил начальник, чувствуя, как у него колотится сердце, и стал описывать собаку.

— Это она, — рассмеялся голос в трубке. — Есть. Сидит у нас в дежурной. Сама сюда забежала. Мы ее, конечно, накормили...

— Спасибо, — обрадовался начальник. Если бы он мог, то обнял бы собеседника.

— Так вы говорите, собака сама приехала? — полюбопытствовал голос. — Необычайно!

— Да, — ответил начальник. — Посадите ее в скорый, который идет на Турин.

— Будет сделано! — пообещал коллега на другом конце провода. — Можете быть спокойны. Только узнает ли собака, где ей вылезать?

— Да. Наверняка.

— Что ж, хорошо. Я вышлю собаку, хотя охотно оставил бы ее у себя, — сказал голос и отключился.

Начальник положил трубку и вытер лоб.

Весть о необычайной собаке побежала по всей Италии, потому что Лямпо спустя несколько недель, передохнув, опять принялся путешествовать. И трудно было ему воспрепятствовать. Он всегда ухитрялся выбрать минуту, когда на него не обращали внимания. Миг — юркнул в поезд, и его уже нет. Железнодорожники стали называть его «путешественником из Мариттимы». Станция,

название которой слышали немногие, стала известна по всей стране.

— Приехал! — звонили начальнику коллеги из разных городов. — Можете быть спокойны. Накормим и отошлем.

Но не всегда собаку сажали в поезд, и не всем хотелось с нею расстаться. Один железнодорожник в Рапалло просто присвоил пса. Но Лямпо убежал и вернулся в Мариттиму. Никакой силой нельзя было заставить его остаться в чужом городе. Только Мариттима была его домом, а люди станции — его семьей. Он любил их и сам был любим.

Дети начальника часто приезжали к отцу. А он посмеивался, зная, почему они это делают. Джина прогуливалась тогда с собакой по перрону, а Роберто смеялся от радости так, как никогда не смеялся дома.

Как-то в Мариттиму позвонил один журналист.

— Это у вас есть необычайная собака? — спросил он.

— Лямпо? — засмеялся начальник. — Да.

— Вы разрешите мне приехать?

Журналист приехал на другой день с фотоаппаратом и большим блокнотом, а спустя два дня в газете появилась очень интересная статья, в которой были и фотографии Лямпо и описание его путешествий.

— Это ты знаменитый Лямпо? — спросил официант в вагоне-ресторане. — Я тебя по фотографии узнал...

Скорый поезд как раз миновал станцию. Это было далеко за Неаполем.

— Очень приятно, что ты пришел ко мне, — продолжал официант.

Лямпо дал себя погладить и чинно сел в коридорчике. Официант принес ему кусок мяса на блюдечке.

Собака поела, подобрала крошки и осторожно отодвинула блюдечко. Официант погладил ее по голове.

— Что я могу еще для вас сделать? — засмеялся он. — Вы меня понимаете? Может быть, вздремнете после обеда?

Он отвел собаку в служебное купе и приготовил ей там постель. Потом осторожно закрыл дверь. «Хотел бы я иметь эту дворняжку, — думал он. — Только где мне ее держать? Всю жизнь провожу в поезде...»

Он вышел в коридор и стал у окна.

«Может быть, она любит движение? Ей нравится ход поезда, стук колес под полом. Есть же собаки, которые даже летают в ракетах!»

Официант покрутил головой. Он хорошо знал, что прославленные собаки по своей воле никогда в ракеты не садились. Их отправляли люди...

— А эту никто не отправляет, — прошептал он. — И в этом вся загадка...

— Карло! — крикнул из глубины вагона повар. — Клиенты ждут.

Официант кинулся к столикам, за которыми сидели проголодавшиеся пассажиры, и стал принимать заказы.

В Реджио, далеко на юге, там, где носок итальянского сапога купается в море, поезд остановился. Официант, который уже успел обслужить всех, решил передохнуть и заглянуть к собаке.

Собаки не было.

Лямпо слез с поезда еще на станции Паоло. Какой у него был план, неизвестно. Может быть, решил, что уже пора возвращаться?

Долгое время он крутился на станции. На него не обращали внимания, в Паоло еще никто о нем не слышал.

Лямпо спокойно ждал поезда. Инстинкт не подвел его, ему удалось попасть на перрон, с которого отходил экспресс в северном направлении. Тут было много пассажиров, и, когда поезд пришел, началась давка. Лямпо пытался проскользнуть между садящимися, но его отталкивали. Наконец, когда поезд тронулся, ему удалось вскочить на ступеньку. В ту же минуту он почувствовал пронзительную боль. Автоматические двери вагона захлопнулись и стиснули его.

Он был так ошеломлен, что даже не издал ни звука.

— Собака! — крикнула какая-то дама. — Смотрите! Ее задушит!

Лямпо свесил голову. Из глаз его текли слезы.

— Помогите! — кричала женщина. — Остановите поезд!

Какой-то пассажир в глубине вагона, не зная, в чем дело, дернул ручку тормоза. Поезд остановился.

Началось замешательство. Кондукторы сбежались, чтобы выяснить, что произошло. Пассажир, который остановил поезд, вытирал пот со лба и оправдывался:

— Кто-то звал на помощь! Я хотел сделать как лучше...

— Ведь надо было спасти собаку, — объяснила женщина.

— Какую собаку?

Все огляделись по сторонам.

— Ее нет!

— Заплатите штраф, — сказал кондуктор.

Послышались возмущенные голоса.

О собаке забыли.

Перевел с польского Ю. АБЫЗОВ.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

В. КАНАЕВ

РАССКАЗ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Учительница литературы Капитолина Капитоновна вооружилась красным карандашом и принялась за проверку классных сочинений. Раскрыв очередную тетрадку, она прочитала: «Я очень люблю кино. И хотя многие девочки мечтают в детстве стать звездами экрана, я твердо решила — буду киноактрисой».

— Киноактрисой! Подумать только! — воскликнула учительница.

«И вроде бы у меня нет никаких данных,— гласило далее сочинение,— ни эффектной внешности, ни звучного голоса. Но я верю в свое призвание. Верю!..»

— Ну, это уже слишком! — саркастически усмехнулась учительница. Она пробежала глазами сочинение до конца и, не найдя ни одной ошибки, поставила жирную единицу.

Назавтра Капитолина Капитоновна вошла в класс и, поздоровавшись с ребятами, сказала:

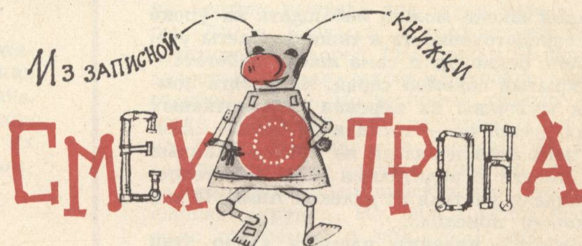
— Садитесь. Приступим к разбору сочинений. Иванова!

Вспыхнув, Иванова встала и подошла к учительнице.

— Я прочитала вашу работу с удовольствием. Убедительно написано, и с грамматикой благополучно. Пять. Надеюсь через несколько лет увидеть вас на экране... Следующее сочинение Петрова...

Поднялся мальчик, сидящий рядом с Ивановой.

— Стыдно вам, Петров! Стыдно списывать,— покачала головой преподавательница. — Киноактрисы из вас не получится. Садитесь, единица!

Художник, всю жизнь рисующий зверей, сказал как-то своему приятелю:

— Наконец-то я нашел способ проверять, хорошо ли я рисую.

— Как же это тебе удается?

— Очень просто. Когда картина готова, я впускаю в комнату собаку. Если она залает, значит, все в порядке.

●

Двое мальчишек разговаривают:

— Представляешь, оказывается, у наших прадедов не было ни электричества, ни радио, ни телевидения. Не могу понять, как они жили!

— Вот поэтому-то они и умерли!

●

— Ваш сын кинул камень в мою машину.

— Ну и как, попал?

— Да нет, промахнулся...

— Ну, тогда это не мой сын.

●

— Ты извинился перед дядей? Ведь ты же наступил ему на ногу!

— Конечно, мамочка. Он засмеялся и дал мне конфету. Сейчас я наступлю ему еще и на другую ногу.

●

— Знаешь, папа, во времена Ярослава Мудрого детям жилось гораздо лучше.

— Почему?!

— Учебник истории был гораздо короче.

●

Мама: — Ты был сегодня у зубного врача?

Сын: — Был.

Мама: — Ну и как, зуб больше не болит?

Сын: — Не знаю, мама. Зубной врач оставил его у себя.

●

Милиционер останавливает мотоциклиста, который мчался с бешеной скоростью.

— Умоляю, товарищ милиционер, разрешите мне ехать дальше! Нужно спешить, чтобы предотвратить гибель человека!

— Но ведь я сейчас делаю то же самое!

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ ДИОНИСОСА ● ИНДЕЙЦЫ ПЛЕМЕНИ КУЭРО ● КРЫЛАТЫЕ ПАЦИЕНТЫ ● ШКОЛА ФУТБОЛИСТОВ ● КАЙМАН В ПОСЫЛКЕ ● ЮНАЯ ФИГУРИСТКА ● ДВУХМЕСТНЫЙ ВЕЛОСИПЕД ● ТАЛАНТЛИВЫЙ СВАНТЕ

НА ВЫСОТЕ 3500 МЕТРОВ

В редкой школе можно наблюдать на уроке такую сосредоточенность и тишину. Одеты ученики очень бедно, да и сама школа небогата— просто крытый соломой сарай. Но ребята помнят, как мужчины их деревни в домотканых накидках — «пончо» — таскали тяжелые камни для этих стен и вязали на крыше длинные жерди. Вместе с родителями дети с нетерпением ожидали учителя из далекой Лимы. И вот он, наконец, приехал...

Эти ребята — индейцы племени куэро. Они живут в Перуанских Андах, на высоте три с половиной тысячи метров над уровнем моря. Их деревня — одно из немногих индейских поселений, сохранившихся в жестокой битве с голодом и нищетой.

Тринадцатилетний врач

У юного австралийца Рега Уильсона одно постоянное увлечение: с шести лет он лечит искалеченных и больных птиц. Во дворе его дома настоящий лазарет. Рег сам отыскивает пострадавших, перевязывает их, кормит. Крылатые пациенты чувствуют себя настолько хорошо во дворе, что даже после выздоровления не хотят его покидать.

Обязанности смотрителя птичьего лазарета выполняет обученный Регом кот по имени Тигр. Кот не только поддерживает порядок среди птиц, но и отгоняет от них других котов.

ПЯТЕРКА ЗА ГОЛ

Эта интересная школа создана в Варшаве. В ней, как и в любой школе, ученики получают отметки. Но за что? Ударишь по мячу, и, если он после удара влетит в сетку ворот, учитель поставит хорошую отметку. Промажешь — увы, ничего хорошего тебе не поставят.

Это школа футболистов.

Многие польские мальчишки хотели бы обучаться в ней, но не так-то просто попасть туда. Тренеры строги и придирчивы: требуют от поступающих смекалки, силы, быстро догадываются, кто делает по утрам зарядку, а кто нет. Не берут в школу курильщиков, решительно отказывают драчунам и зазнайкам.

БУДУЩИЙ УЧЕНЫЙ

Сын шведского учителя Сванте Янссон уже в пятилетнем возрасте решал математические задачи. Когда ему исполнилось девять, он сдал на «отлично» приемные университетские экзамены по математике, биологии и физике. Сейчас Сванте двенадцать лет, и он изучает такие сложные науки, как атомная физика и биохимия. Одновременно занимается иностранными языками: английским, французским и немецким.

ПИСЬМО ИЗ КОНЦЛАГЕРЯ

Нелегко жить детям в Греции. Их, как и взрослых, преследует полиция. Ведь власть в этой стране захватила фашистская военная хунта.

В предместье Афин Дионисосе полицейские устроили специальный концентрационный лагерь. Он называется «Воспитание». Туда посылают детей политических заключенных и преследуемых патриотов.

«Надзиратели бьют нас дубинками,— пишет один юный узник концлагеря,— и заставляют кричать: «Мой отец — предатель родины, я отказываюсь от него!» Тех ребят, которые не хотят делать такие заявления, заставляют всю ночь бегать под ударами дубинок».

Мальчику, написавшему эти строчки, повезло. Он убежал из лагеря. Но сотни его товарищей, ваших, ребята, ровесников, страдают за колючей проволокой Дионисоса.

Неожиданная находка

Пионеры из немецкого города Доберлуга — Герд и Корнелия — нашли в подвале своего дома двухместный велосипед на четырех колесах, сконструированный в... 1860 году.

Велосипед оказался вполне исправным, и ребята прокатились на нем по улицам. После нескольких таких поездок, вызвавших нескончаемое удивление жителей города, велосипед был передан в музей техники.

ТЕЛЕТАЙП СООБЩАЕТ:

ВЕНГРИЯ. Десять тысяч ребят из шестнадцати стран побывали в прошлом году в международном пионерском лагере Ксиллаберци под Будапештом. Лагерь занимает обширную живописную территорию, через которую проложена узкоколейная детская железная дорога с восемью станциями.

ПОЛЬША. Через четыре года весь мир торжественно отметит пятьсот лет со дня рождения гениального астронома Николая Коперника. Три года тысячи харцеров строят и благоустраивают город Фромборк, в котором жил их великий соотечественник. Операция «Фромборк» продолжается.

АНГЛИЯ. В одной юношеской футбольной команде успешно выступает тринадцатилетняя Хелен Кеннеди. По мнению профессионального футболиста Боба Голлоуэя, девочка обладает исключительными спортивными способностями.

ИТАЛИЯ. На заводах и фабриках этой страны работает около миллиона детей в возрасте от восьми до четырнадцати лет. Многие из них трудятся по восемь часов в день и без выходных. Особенно тяжелые условия на ткацких фабриках юга, где можно увидеть даже семилетних малышей.

ЯПОНИЯ. Здесь в школах темные доски заменены белыми. Ребята пишут на них черными и цветными мелками. Это очень удобно. Кроме того, доски используются как экран для кинофильмов.

Рисунки П. БАГИНА

САМАЯ ЮНАЯ СРЕДИ ЛУЧШИХ

Румынской школьнице Беатрис Хуштиу едва исполнилось одиннадцать лет, когда она приехала в Гренобль. На арену ледяного дворца, где состязались самые лучшие фигуристы мира, Беатрис выехала под звуки марша из оперы «Аида». Казалось, и торжественный марш и огромный дворец Олимпиады слишком величественны для такой маленькой девочки в голубом платье. Но задорный хвостик ее прически развевался в вихре стремительного танца, будто говорил: «Не сдамся!» И Беатрис действительно не сдалась. Конечно, она не стала чемпионкой Олимпийских игр. Это было бы слишком трудно. Но она хорошо исполнила свою программу и под гром аплодисментов убежала с арены к маме, которая ждала ее у кромки льда.

Сейчас Беатрис продолжает тренироваться на катке. И у нее новые успехи.

В пионерском террариуме

В доме пионеров чешского города Раковника ребята устроили террариум. В нем около шестидесяти животных. Большинство из них юные зоологи привезли из заграничных поездок в пионерские лагеря Болгарии, Югославии, Кавказа и Таджикистана. Недавно пионеры завязали связь с зоопарком в Гаване и получили оттуда в подарок молодого каймана.

Мессенская война

ПОВЕСТЬ

Л. ВОРОНКОВА
Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Праздник Лимнатиды

На границе Лаконики и Мессении, там, где бурлящий горный поток впадает в Мессенский залив, стоял храм богини Артемиды. Артемиду, дочь Зевса и Латоны, сестру бога Аполлона, в Элладе почитали и боялись. Богиня охоты, повелительница зверей, с полным колчаном смертоносных стрел, окруженная псами, носилась по склонам лесистых гор. Встречи с нею были опасны: богиня стреляла без промаха. Она не любила показываться людям. Рассказывают, что однажды юный охотник Актеон случайно застал ее в прохладном гроте, у источника. Богиня страшно разгневалась и превратила Актеона в оленя. И собаки охотника тут же растерзали его.

Вечно юная, вечно прекрасная, богиня царила по всей Элладе, и всюду стояли ее храмы.

Вот и здесь, между Лаконикой и Мессенией, в местности Лимны, стоял ее храм.

Разветвленное русло потока, бегущего с гор, заболотило долину, вода не просыхала здесь даже в знойные летние месяцы. Поэтому богиню, стоящую в этом храме, называли Артемидой-Лимнатидой, повелительницей озер и болот.

Лимнатиду почитали и мессенцы и спартанцы — жители главного лаконского города Спарты. Это была их богиня. Только эти два народа из всего племени дорян допускались к жертвоприношениям Лимнатиде. Только они имели право справлять Лимнатиде ежегодный праздник.

В тот день, когда произошло несчастье, которое стало причиной тяжелых страданий Мессении, ничто не предвещало беды. Густой лучезарной синевой светилось небо. Окрестные горы стояли затихшие и торжественные, словно прислушиваясь к священным гимнам и звукам флейт.

Празднично одетые, с венками на головах, спартанцы и мессенцы сошлись возле храма.

Жрецы встали у жертвенника. И вскоре перед грубо отесанной деревянной статуей Лимнатиды, почерневшей от времени и болотных испарений, задымились ячменные зерна и ветки оливы. Тихо стояла толпа. Только слышались голоса жрецов, просивших Артемиду о милости.

Вдруг неясная тревога — будто ледяной ветер прошелестел в толпе. Началось какое-то непонятное смятение, послышались крики:

— Мессенцы, защищайтесь, у них оружие!

Случилось необычайное: спартанские девушки выхватили из складок своих широких одежд мечи и бросились на мессенских царей и старейшин. С изумлением и гневом мессенцы увидели, что это вовсе не девушки, что это безбородые юноши, одетые в женские одежды. Мессенцы защищались. Они выхватывали мечи у юных спартанцев, которые путались в непривычных им пеплосах. И уже нельзя было понять, кто нападает и кто защищается.

Вместо гимнов и флейт раздавались стоны, вопли ярости и боли. Спартанские юноши, которым поручено было убить мессенских царей и старейшин, все до одного полегли возле храма. Пал и молодой спартанский царь Телекл.

С плачем, с жалобами и проклятиями ушли спартанцы и мессенцы с этого праздника, унося своих раненых и убитых.

Мрачно хмурилась темнолицая богиня над угасшим алтарем, глядя на забрызганные кровью стены своего храма, на истоптанную, окровавленную траву у ступеней. Такой жертвы она не просила.

Эвефн и Полихар

Прошли годы. Выросло новое поколение. Сменились цари. В Спарте царствовали Алкамен и Феопомп. В Мессении — Антиох и Андрокл, сын Финты, того Финты, при котором произошла битва в храме Лимнатиды.

Годы прошли, но вражда между Мессенией и Спартой не угасла.

— Мессенцы оскорбили наших девушек, пришедших в храм, — говорили спартанцы, — а когда мы хотели защитить их, мессенцы начали бой!

— Мы никого не оскорбляли! — возражали мессенцы. — И причина битвы совсем другая. Спарте не дают покоя наши тучные нивы, наша плодородная и прекрасная земля. Им на-

доели их камни и болота. А так как они привыкли силой захватывать земли и царства, то решили захватить и нашу Мессению.

Спарта ничего не отвечала на это. Она ждала повода, чтобы начать войну. Правда, можно бы напасть на Мессению и без всякого повода. Но о спартанцах и так уже сложилась дурная слава, и врагов у них было достаточно и в Аттике и в Пелопоннесе.

Впрочем, люди, решившие воевать, причину для войны всегда найдут. Нашли такую причину и спартанцы.

В Мессении жил богатый и уважаемый человек Полихар. Полихар был известен и славен во всей Элладе. На Олимпийских играх при состязании в беге Полихар пришел первым и был увенчан венком из лавровых ветвей.

У Полихара было много скота. А пастбищ у него не хватало. И он обратился к спартанцу Эвефну с просьбой:

— У тебя много свободных пастбищ. Пусть мои коровы пасутся на твоих лугах. А ты будешь получать свою долю прибыли.

Эвефн согласился, и Полихаровы пастухи погнали коров в Лаконику, на выпасы Эвефна.

Все было спокойно. Стада Полихара паслись на лугах Эвефна. Эвефн получал за это условленную плату.

Но случилось так, что через Лаконику проходили иноземные купцы. Путешествуя, купцы продавали то, что выгодно продать, покупали то, что выгодно купить. Они подошли к Спарте и расположились около города станом.

Вечером, стараясь идти сторонкой, чтобы его никто не видел, к ним пришел Эвефн.

— Я могу продать вам большое стадо коров,— сказал он,— и продам недорого.

— Если недорого, то мы купим,— ответили купцы,— только кто же погонит это стадо?

— Я продам вам и пастухов!

— Хорошо,— согласились купцы,— назови цену.

Эвефн долго торговаться не стал. Они ударили по рукам. И на заре, когда купцы сели на своих коней и тронулись в путь, они захватили и стадо и пастухов Полихара.

Пастухи пытались сопротивляться. Они объясняли и доказывали, что Эвефн вовсе не хозяин этих стад. Но у купцов были вооруженные наемники, да и сами они умели владеть мечом. Несчастным пастухам пришлось покориться. Они с плачем погнали стадо в неизвестную и враждебную даль.

В пути пастухи, сговорившись, решили убежать. Это им не удалось. Их догнали, жестоко избили и заставили идти дальше. Но один пастух забился в колючие кусты, и его не нашли. Купцам было некогда задерживаться. Вместе с Полихаровыми стадами они тронулись своей дорогой. Пастух глядел им вслед до тех пор, пока облако пыли не растаяло вдали. Потом поспешил домой, в Мессению.

Эвефн с удрученным видом пришел к Полихару.

— Случилась беда, Полихар! — сказал он.— Разбойники напали на твое стадо. Угнали всех коров и пастухов захватили тоже. Приди и посмотри сам — на моих лугах тихо и пусто.

В это время, падая от усталости, весь в пыли и в крови, явился убежавший от купцов пастух.

— Он лжет, господин! — закричал пастух.— Он обманывает тебя! Эвефн сам продал и нас и твоих коров проезжим купцам. Только я один бежал!..

Эвефн возмутился:

— Как смеет раб обвинять меня, гражданина Спарты?

— Он смеет обвинять тебя,— сказал Полихар,— потому что он говорит правду!

— Именно гражданин Спарты способен на такой бесчестный поступок! — не сдержавшись, вмешался в разговор юный сын Полихара.— У вас, в Спарте, ложь — это закон. Солги, укради, сделай подлость — только не попадайся. Вот ваше правило. А ты солгал — и попался! Посмотрим, что скажут на это ваши старейшины!

Эвефн понял, что отпираться бесполезно. И он смиренно склонил голову перед Полихаром.

— Прости мне это! — стал умолять он.— Корысть одолела меня, и я никак не мог удержаться: купцы дали хорошую цену. Я виноват. Но я исправлю то, что сделал, я отдам вам эти деньги, Полихар. Пускай твой сын пойдет со мной, и я отдам ему все, что получил.

— Иди с ним,— сказал Полихар сыну.

И отвернулся от Эвефна. Ему было жаль своих коров, жалко людей, угнанных в рабство на чужбину без всякой с их стороны провинности. А главное, было горько за обманутое доверие.

Но Полихар еще не ведал, до какого страшного вероломства может дойти человек, казавшийся ему другом.

Эвефн и сын Полихара, мирно разговаривая, перешли границу Лаконики. Эвефн был ласков, он проклинал свою жадность и так ругал себя, что Полихарову сыну пришлось замолчать: он бы не смог сильнее оскорбить Эвефна, чем сам Эвефн.

Всю дорогу Эвефн шел с поникшей головой и сокрушенно потряхивал кудрями. Но как только они вступили на землю Лаконики и тень скалистого, мрачного Тайгета упала на них, Эвефн поднял голову.

— Ну, довольно,— грубо сказал он,— хватит с меня унижений. Ты пришел получить плату за своих коров, так получи.

И с размаху ударил юношу кинжалом в сердце. Сын Полихара вскрикнул и упал. А Эвефн вытер о траву кинжал и ушел своей дорогой.

Полихар, когда узнал, что случилось, чуть не умер от горя и от возмущения. Он тут же пошел в Спарту просить правосудия и защиты. Он рассказал спартанским старейшинам о том, что сделал Эвефн, и просил наказать его за такое злодейство. Но старейшины не обратили на его жалобу никакого внимания. Полихар пошел к спартанским царям. Но цари, выслушав его, сделали вид, что ничего не знают.

Полихар вернулся домой. Горе и ярость были так сильны, что он сошел с ума. Не помня себя, он бросался на каждого спартанца, которого встречал, и тут же убивал его.

Спор царей

Вскоре в столицу Мессении Стениклар, где жили цари, прибыло из Спарты посольство. Спартанцы потребовали, чтобы им немедленно выдали Полихара.

Мессенские цари Антиох и Андрокл возмутились:

— Как мы выдадим вам Полихара? Ведь вы не выдали нам Эвефна!

— Выдать вам Эвефна?! — закричали спартанцы.— Мало вам, что вы убили нашего царя Телекла?!

— Он напал на нас с оружием. С оружием на безоружных!

— За то, что вы убили Телекла, и за то, что сделал Полихар, мы вправе начать с вами войну,— заявили спартанцы, не слушая возражений. — Да, это — наше право!

Мессенцы старались убедить их:

— Зачем же сразу начинать войну и ввергать в тяжелые бедствия весь народ? Давайте судиться. Пусть нас рассудят аргивяне, они нашего, дорийского племени. Или пойдем в Афины и попросим там рассудить нас. Как решит суд, так и поступим.

Но Спарте не нужно было ни суда, ни справедливости. У них уже было решено захватить плодородную долину Мессении. Так для чего же им идти в Афины?

— Выдайте нам Полихара,— упрямо твердили спартанские послы,— мы требуем Полихара!

После долгих споров и бесполезных призывов обратиться к разуму и решить дело миром мессенские цари ответили спартанцам:

— Сначала мы посоветуемся с народом, выдать Полихара или не выдавать. Как скажет народ, так и поступим.

На этот раз спартанцы уступили. Пусть посоветуются, Спарта подождет ответа.

Спартанцы ушли. А мессенские цари послали глашатаев, чтобы созвать горожан.

Стениклар шумел. Со всех улиц народ стекался на гору, на площадь, где происходили народные собрания. Разговоры были тревожные и гневные. Снова Спарта грозит им.

Когда народ собрался на площади и разговоры затихли, царь Андрокл сказал:

— Спарта требует, чтобы мы выдали им Полихара.

Полихар, безучастно сидевший в стороне на каменной скамье, услышал свое имя. Он встал и подошел ближе. Толпа молча пропустила его. Полихар остановился против Андрокла и уставил на него воспаленные горем и безумием глаза.

— Полихар осквернил себя убийством,— продолжал Андрокл, словно не видя его,— он виновен в безбожных и непростительных поступках. Я считаю, что надо выдать его Спарте, он много бед причинил лаконцам. Пусть они поступят с ним, как найдут нужным.

Полихар продолжал смотреть на царя так же пристально. Андрокла смущал его взгляд, но он владел собой.

— Мы должны выдать Полихара,— твердо повторил он.

Но здесь выступил другой царь, Антиох.

— Нет! — пылко возразил он.— Выдать Полихара! Вспомните, что вынес этот несчастный, какое страдание и какую обиду принял он от Эвефна! А теперь мы, его сограждане, предадим его. Это жестоко. И это унизительно для нас. Вспомните, разве не Полихар прославил Мессению на всю Элладу, разве не он был увенчан лавровым венком Аполлона? И посмотрите, до чего довели этого человека!

У Полихара глаза заблестели от слез, и он поник головой. Он ни о чем не просил, но весь его вид, его безвременно поседевшая голова вызывали горячую жалость и сочувствие.

— Не выдадим Полихара! — зашумела площадь.— Не выдадим!

— Выслушайте меня,— снова начал Андрокл,— выслушайте и подумайте, прежде чем решать это дело. Зачем нам навлекать опасность на всю нашу страну из-за одного человека? Спарта грозит войной. Отдадим Полихара, и у них не будет причин начинать войну.

— Андрокл говорит правильно,— раздались голоса,— из-за одного человека может пострадать вся Мессения!

— А с каких пор мы стали рабами Спарты? — закричали им в ответ.— Пускай выдадут Эвефна, он виноват еще больше! Пускай идут судиться с нами!

Крики становились все громче, запальчивей.

Скоро спор перешел в ссору, начались оскорбления, а потом пошла и драка. Цари схватились за кинжалы, их сторонники — тоже. Битва была внезапной и короткой. Сторонников Антиоха, не желавших терпеть вероломства Спарты, оказалось гораздо больше. Они убили Андрокла и всех, кто его поддерживал.

В смущении и горести разошлись мессенцы по домам. Они и сами не понимали, как это случилось, что они дошли до такой ярости. Но долго еще шумели улицы Стениклара. Плакали жены, дети и матери убитых. Стон стоял в доме Андрокла. Сторонники Антиоха, удрученные происшедшим, грозили Спарте за невольно пролитую кровь...

Сумрачным вернулся домой и царь Антиох. Он не хотел убивать Андрокла. Но вся душа его кипела при мысли о том, что Андрокл хотел выдать Полихара, которого бессовестные спартанцы довели до безумия и убийства.

А когда утихло его пылкое негодование, Антиох с тоской подумал, что Андрокл уже не встанет со своего смертного ложа и что теперь Антиох остался царствовать один и все дела должен решать один. Это пугало Антиоха. Правда, с ним вместе править государством будут старейшины. Но все же ему будет не хватать Андрокла: ведь в Мессении, как и в Лаконике, всегда было два царя.

Надо было решать судьбу Полихара. Посоветовавшись со старейшинами, Антиох послал ответ в Спарту. Мессенцы стояли на своем: дело надо передать в суд.

В Спарте отпустили послов Антиоха, ничего не сказав. И лица и уста спартанских царей были замкнуты.

Прошло несколько месяцев. Антиох после всего, что случилось, не находил себе места от тоски, тревоги и тяжелых предчувствий. Вскоре он заболел, и болезнь быстро свела его в могилу.

Царем Мессении стал его сын Эвфай.

Гибель Амфеи

Спарта гудела, как растревоженное осиное гнездо. Вся лаконская холмистая долина была неспокойна. В Спарте готовились к чему-то, похожему на большое празднество.

Внешне жизнь текла, как всегда. Так же выходили на каменистые, нелегкие для обработки поля спартанские государственные рабы — илоты. Так же пасли они скот и охотились за кабанами и дикими козами по лесистым склонам Тайгета для того, чтобы обеспечить мясом Спарту. Так же работали на виноградниках и в оливковых рощах, чтобы в Спарте было масло и вино...

И в самом городе Спарте как будто бы жизнь текла, как всегда. Ирэны, молодые начальники мальчишечьих отрядов, яростно тренировали своих стриженых босоногих воспитанников. Гимнастические игры их так же часто, как всегда, кончались драками. Мальчишки дрались отчаянно. И старики, которые считали своим долгом следить за воспитанием будущих воинов, подзадоривали их. А сами наблюдали за тем, как мальчики дерутся, присматривались, нет ли среди них трусов, нет ли вялых, ленивых, умеет ли каждый из них постоять за себя... Ведь искусство войны, искусство битвы было единственным ремеслом спартанцев. И мальчишки изо всех сил старались овладеть этим ремеслом, дрались, не щадя ни себя, ни товарищей... А потом, как всегда, по приказанию своих ирэнов бежали добывать себе обед — воровали дрова для костров, крали овощи с огородов, а некоторые даже ухитрялись утащить что-нибудь с обеденного стола взрослых... Добывать что угодно, где угодно и как угодно, но не попадаться — вот какой был закон. А кто попадался, того жестоко хлестали плетьми, но не за кражу, а за неловкость, за нерасторопность.

Так же, как всегда, юноши и взрослые спартанцы проводили свои дни в гимназиях, соревновались в беге, в прыжках, в борьбе, в метании копья... Иногда отправлялись на охоту в ущелья Тайгета. Или под вечер, скрываясь и таясь в зарослях камыша и кустарника, шли на другую охоту. С короткими мечами, спрятанными в складках плаща, рыскали по полям, где работали илоты, и, выслеживая самых сильных и красивых людей, тайком убивали их. Сильные рабы могут стать опасными для своих поработителей.

Казалось, жизнь идет, как всегда. Но это были странные дни, полные затаенной веселой тревоги. Молодые спартанцы ходили с блеском в глазах. Они напоминали застоявшихся коней, которые рвут и грызут удила, требуя ипподрома. Юноши догадывались, о чем сговариваются их цари и старейшины, что готовят. Они терпеливо поглядывали на акрополь своего разбросанного среди садов города. Они ждали, когда там произнесут слово, которое должны произнести. Ждали, когда наступит час, и они, проверив оружие, займутся своей внешностью. Особенно волосами. Волосы у них были длинные, надо их расчесать, уложить на голове, украсить. Потому что законодатель Спарты Ликург говорил: хорошо расчесанные волосы красивых делают еще прекраснее, а безобразных — страшнее для врага.

Молодые спартанцы ждали войны, хотели войны. Походная жизнь влекла их, как отдых. В походе не нужно будет так трудно, так непрерывно тренироваться, не нужно бить своих и получать от своих синяки. Наоборот, надо будет защищать друг друга. И, защищая своих, бить и убивать врага, давая полную волю своей силе, ловкости, своему тренированному телу, своей жестокости, которую в них воспитывали с детства...

И вот час настал. Слово, которого нетерпеливо ожидала Спарта, сказано. Война!

«Войско выстраивалось в боевой порядок,— рассказывает Плутарх о спартанцах.— Царь на глазах противника приносил в жертву богам козу. Подавал знак всем украсить головы венками. Под свист флейт, под звуки песни воины трогались с места. Они шли на врага, спокойные и радостные, твердо держа равнение, не испытывая никакого страха».

Так было всегда. Но не так было теперь.

Спартанское войско выстроилось быстро, ощетинилось копьями. Воины сомкнули щиты. Но не было ни песен, ни флейт, ни жертвы богам. На этот раз собирались в поход украдкой, тайно, без объявления войны. И не только не послали сказать мессенцам, что союз их разорван, но еще и выставили сторожевые отряды для того, чтобы никто в Мессении не проведал о том, что здесь готовится.

Тех, кто успел выбежать из дому, они убивали на улицах.

Ночью, под сиянием чистых осенних звезд, когда лишь безудержный стрекот цикад заполняет долину, спартанское войско давало клятву:

— ...Не возвратимся домой, пока не завоюем Мессению. Если даже война будет очень долгой, не возвратимся, пока не завоюем Мессению. Если нам предстоят тяжкие военные бедствия, не повернем назад и не возвратимся домой, пока не завоюем Мессению. Клянемся!

Во главе войска встал Алкамен, сын убитого царя Телекла. Полководец дал знак, и фаланги двинулись в Мессению. Шли молча, ни возгласа, ни бряцания меча. Только мерный шум шагов, шум поступи, какой ходят горе, разрушение и смерть.

У самой границы Лаконики на высоком холме стоял небольшой мессенский городок Амфея.

До утра было недалеко. Но еще мерцали и переливались теплые южные звезды, еще лунно светились мокрые от росы травы и деревья, и отсвет сверкающего неба лежал на черепице храмов и на гребне каменной городской стены. Ни сторожей, ни охраны. Городок спал беззаботно и беззащитно, раскинув по холму свои крутые узкие улицы, полные мирной тишины.

И никто не слышал, как вошли в город враги. Внезапно в Амфее, где только что бродили веселые нимфы и добрые сны, послышались крики ужаса и отчаяния. Стоны и плач сразу заполнили весь город. Спартанцы умело и расторопно работали мечами и копьями. Они врывались в незапертые дома, убивали сонных людей прямо в постелях. Тех, кто успел вырваться и выбежать из дому, убивали на улицах. Люди толпами бежали в храмы, под защиту богов. Боги были сильны в Элладе: нельзя было убивать человека, припавшего к жертвеннику или к ногам божества. Нельзя было оскор-

бить бога и тем нарушить непреложный закон эллинской земли.

Но для спартанцев не было никаких законов, кроме закона силы и жестокости. Они ворвались в храмы и перебили всех, кто надеялся найти там защиту. К утру в городе ни одного мессенца не осталось в живых. Боги не защитили их.

Очень немногим удалось бежать из Амфеи. И те, кто успел бежать, всполошили Мессению. Страшная весть обогнала их в пути и очень скоро достигла ворот Стениклара.

Спартанцы захватили Амфею. Войска вернулись в Спарту. В городке остался военный гарнизон. Спартанцы наглухо закрыли ворота Амфеи, твердо решив не отдавать ее мессенцам. Амфея была удобна для ведения войны, она стояла высоко, в ней было много источников чистой воды, и стены ее были крепки.

Это случилось в VIII веке до нашей эры.

ПЕРВАЯ МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА

Битва у Свиного оврага

Война. Война!

Это зловещее слово прозвучало как набат, как угрожающий меч, нависло над прекрасной Мессенией, над ее цветущими селами и городами. Со всей страны народ начал стекаться в Стениклар. Многие шли уже с оружием, с мечами и копьями, с луками и колчанами, полными стрел. Из деревень везли разные припасы, нужные в походе,— хлеб, оливки, мясо. Каждый понимал, что нельзя сидеть дома, когда родине угрожает опасность.

Но мессенцам далеко было до Спарты в области военной науки. Они пришли растерянные, в смятении. Что делать? Были и такие, что уже дрожали от страха. Все кончено! Разве могут они противостоять Спарте?

Огромное народное собрание началось в Стениклsре. Перед народом выступил молодой мессенский царь Эвфай. Возмущенный вероломством Спарты, он чувствовал, что должен сейчас взять на себя всю огромную тревогу своего народа. Надо, чтобы люди поверили ему, чтобы они поверили в себя и смело встали на защиту родины. Он знал военное могущество Спарты, но он знал и то, что им, мессенцам, нельзя сдаваться.

— Не падайте духом! — говорил он, и его громкий, взволнованный голос звенел над затихшей площадью.— Спартанцы взяли Амфею, захватили ее, как ночные воры. Но неужели взятие Амфеи — уже решение войны? Нет, война еще не решена, и еще ничто не проиграно. Не надо нам бояться военной славы спартанцев, и не надо думать о том, что их военные знания выше мессенских. Они больше занимались военной наукой — и только! Значит, надо тем, кто плохо знает военное дело, учиться этому делу. А тем, кто знает хорошо, надо старательно тренироваться, чтобы еще лучше уметь воевать. Спартанцы превосходят нас в искусстве войны — тем более необходимо нам превзойти их доблестью. А милость богов пребудет с нами, защищающими свою страну.

Речь царя была искренней, пылкой, мужественной. И народ разошелся с площади, полный решимости встать на защиту своей страны.

Мессения начала поспешно вооружаться. Мрачные, тревожные дни наступили в Мессенской долине. Города стояли, наглухо закрыв ворота, днем и ночью их стены охраняла стража. Поселяне торопились убрать и увезти хлеб с полей. Но они часто должны были все бросать и бежать под укрытие городов или прятаться в лесах: спартанские вооруженные отряды неожиданно налетали на них, отнимали собранный хлеб, увозили виноград, оливки, тащили пифосы с зерном и амфоры с оливковым маслом, угоняли скот...

Но против своего обыкновения не вырубали садовых деревьев и не разваливали домов. Спарта уже считала Мессению своей собственностью и не хотела разорять ее.

Много раз спартанцы пытались захватить и мессенские города. Однако стены городов были неприступны, и стража не дремала: участь Амфеи была у всех перед глазами. Едва завидев спартанские отряды, мессенцы тотчас появлялись на стенах своих городов. Спартанцы яростно нападали, но мессенцы так же яростно защищались. И спартанцам так сильно доставалось от мессенских горожан, что они бесславно отступали. Наконец, увидев, что все их попытки захватить города безуспешны, спартанцы оставили их в покое. Куда легче и веселее было им грабить мессенские села.

Мессенцы старались мстить. Они тоже собирались в отряды и нападали на Лаконское побережье. Так же грабили и разоряли села, так же опустошали поля. Но их отряды были малочисленны, и вступить в бой со Спартой они пока еще не могли.

Прошло три года взаимных обид, разорения, грабежей и побоищ. Спартанцы тешились своей военной выучкой, своей силой и ловкостью. Они ликовали, когда удавалось приволочь из Мессении хорошую добычу. Старики поощряли их. Но не забывали напоминать о том, что города Мессении еще не взяты. Молодые радовались похвалам, гордились возрастающим счетом убитых мессенцев. Они рвались к решительной битве и заранее ликовали, представляя себе, как войдут в мессенские города и как сделают мессенцев своими рабами.

Но жители Мессении знали, что такое быть рабом, да еще рабом Спарты. Ни один народ в Элладе не был так жесток к рабам.

— А разве только два выбора — смерть или рабство? — стараясь подбодрить мессенцев, говорили старейшины.— Есть еще и третий — победить!

Все эти три года мессенцы старательно изучали военное дело. На четвертом году после того, как спартанцы взяли Амфею, царь Эвфай объявил поход. Ожесточение и ярость против Спарты полыхали по всей Мессении, и Эвфай понял, что медлить больше нельзя.

Эвфай сам повел войско к лаконской границе. За войском по приказу царя рабы несли все, что нужно для устройства укреплений.

Лаконская стража на стенах Амфеи издали увидела пыль, поднятую идущим войском. Тот-

час к Спарте поскакали гонцы. И очень скоро оттуда навстречу Эвфаю двинулись спартанские фаланги.

Эвфай остановил войско у огромного Свиного оврага, отделявшего Мессению от Лаконики. Это место было удобно для сражения.

Бой начался сразу, как только подошли спартанские войска. Злым огнем засверкали копья, засвистели тучи смертоносных стрел и дротиков. Легковооруженные воины скоро схватились врукопашную на краю оврага. Лишь тяжеловооруженные не могли броситься друг на друга: их разделял овраг.

Понемногу спартанцев стало охватывать изумление. Они шли в бой с песнями и флейтами, заранее торжествуя победу. Но вот они бьются час, другой, третий... А мессенцы не уступают им! Они не уступают спартанцам ни в чем: ни в умении драться, ни в упорстве, ни в горячности, ни в численности войска! Это казалось дурным сном. Все больше разгораясь яростью, спартанцы нападали, как дикие вепри, они каждую минуту ждали, что мессенцы дрогнут, отступят, побегут, как бежали все, с кем сражалась Спарта!

Но мессенцы дрались и стояли насмерть. Ведь за их спиной была родина и свобода.

В то время, когда кипела битва, Эвфай приказал рабам укрепить частоколом заднюю линию его военного стана. Он велел вбить колья и по обе стороны стана. Среди криков, топота и ржанья коней, среди стонов и проклятий спартанцы не видели, что делает Эвфай.

Бились до самой ночи. Густая тьма положила конец битве: стало трудно различить, кто враг, а кто свой. Падая от усталости, и спартанцы и мессенцы ушли к своим кострам, запылавшим в темноте. Только стоны раненых мессенцев иногда нарушали тишину. У спартанцев даже умирающие не стонали: это считалось у них позором. Они умирали молча.

Твердо уверенные в победе, которой они обязательно добьются завтра, спартанские отряды крепко уснули на теплой, прогретой дневным зноем земле. А утром неожиданное зрелище предстало перед их глазами. На той стороне оврага стоял высокий крепкий частокол, защищая, будто крепостной стеной, мессенское войско. Это было невероятно! Это казалось наваждением.

Спартанцы были так изумлены, что не знали, как им теперь сражаться. Мессенцы метали в них стрелы, а сами скрывались за частоколом.

Спартанцы наконец поняли, что могут бесславно и бесполезно положить здесь свое лучшее войско. И, молчаливые, угрюмые, ошеломленные тем, что произошло, отступили и вернулись в Спарту.

В Спарте

Молодым спартанским воинам, вернувшимся ни с чем из Мессении, не стало дома житья. Мальчишки смеялись над ними. Девушки язвили насмешками, придумывали обидные прозвища. Старики издевались:

— Трусы! Где же ваша клятва не возвращаться домой, пока не победите Мессению? Верно, придется нам, согбенным старостью и болью давних ран, полученных в доблестных боях, видно, придется нам взяться за оружие. А вы, убежавшие, поджав хвост, садитесь за прялку, там вы больше преуспеете!

Молодые мужчины и юноши молча терпели насмешки. К этому им было не привыкать. Молчать и терпеть — это входило в их воспитание, так учили спартанцев выдержке. Правда, иногда юноша, бледнея от гнева и от обиды, почтительно просил у старших пощады. И старики умолкали, понимая, что всякому терпению человеческому может наступить предел.

Иногда старейшины, стараясь понять, что произошло с их войском, задумывались. Правильно ли они воспитывают молодежь?

По-прежнему в Спарте ребенок рос у матери только до семи лет. Исполнилось мальчику семь лет — и его уводят от родителей. С этого дня он уже член своего отряда, своей агелы, то есть своего стада, как называют спартанцы эти отряды малышей. Ребята живут вместе, вместе играют, вместе учатся. Впрочем, грамотой их особенно не затрудняют: зачем воину всякие ученые премудрости? Зато неуклонно учат главной науке: беспрекословно подчиняться старшим, стойко переносить лишения и побеждать противника. Побеждать противника, всегда побеждать, везде побеждать!

Так разве не учили старейшины Спарты и теперь свою молодежь этому с самого раннего детства? И что же? Вот она, их отборная молодежь со стальными мускулами и нервами, способная, если надо, не спать и не есть, способная пройти без отдыха любые расстояния,— эта их спартанская молодежь нынче возвращается домой, не сумев одолеть мессенцев!

Позор! Позор!

Снова битва

Прошел год после битвы у Свиного оврага. Теперь спартанское войско выступило, уже не скрываясь в ночной темноте. Войско выступило в полной боевой готовности. Полки вели оба спартанских царя — Феопомп и Полидор.

Мессенцы ждали нападения. Они встретили врага, плотно сомкнув боевые ряды.

Левое крыло спартанского войска вел Полидор. Правое крыло — Феопомп. Посредине шел полководец Эврелионт.

Перед тем, как начать битву, цари обратились к своим войскам. Перед спартанцами выступил царь Феопомп. Он говорил кратко, лаконично, как было принято в Лаконике.

— Помните клятву, которую вы дали: не возвращаться домой, пока не возьмем Мессению? Ваши отцы совершали великие военные подвиги. Вы должны совершить еще большие подвиги и покорить Мессению.

Его речь была, как тяжелый звон копья о копье, отрывиста, сурова, непреклонна. Так было. Так должно быть.

Так будет.

И совсем по-другому говорил со своими воинами Эвфай.

— Помните,— взволнованно говорил он, обращаясь к сердцам мессенцев,— помните, что борьба будет не за одну землю или имущество. Но вы знаете, какова участь побежденных. Храмы наши будут ограблены. Родные города сожжены. Жены и дети наши будут проданы в рабство.

Конечно, вместо стольких бед легче умереть

Мессенцы метали в спартанцев стрелы, а сами скрывались за частоколом.

славной смертью. Но мы еще не побеждены, а в отваге не уступаем противнику. Теперь мы должны превзойти противника мужеством. И если мы потеряем мужество теперь, то как поправим свое падение после?

Цари и полководцы заняли свои места и дали знак начинать битву.

Мессенцы сразу бросились навстречу врагу.

Спартанцы мерной поступью, сомкнув щиты, двинулись на мессенцев. Войска сошлись и остановились. И перед тем, как схватиться в битве, они принялись, потрясая оружием, грозить и осыпать друг друга бранью.

Ярость разгоралась с обеих сторон, оскорбления все больше разжигали ее. И наконец началась битва.

Сначала наступали друг на друга плотными рядами. Особенно крепко и сплоченно держали свои ряды спартанцы. И численностью спартанцев было больше: в их войсках сражались покоренные ими соседние племена, а также наемные отряды критских стрелков.

«...Но мессенцев равняло с ними отчаяние и решимость умереть. Многие, уже раненные и умирающие, сохраняли ту же отчаянную храбрость»,— так рассказывает про эту битву древний писатель Павсаний.

Спартанцы сражались уверенно, деловито. Они сражались глубокой фалангой, как их учили всю жизнь. Но они не бросались в бой с той безумной отвагой, как это делали мессенцы. Они не сомневались, что мессенцы не устоят против них в бою, что мессенцы не смогут биться так же долго, как они, что мессенцы не вынесут усталости от тяжелого оружия и от ран...

Никто, ни один воин ни с той, ни с другой стороны не просил пощады в этом бою.

Цари-полководцы обоих войск сражались в первых рядах, подавая пример отваги своим воинам.

Феопомп изо всех сил стремился убить царя Эвфая. Он ненавидел Эвфая за все — и за сражение у Свиного оврага, когда, устроив крепость из частокола, Эвфай заставил Спарту потерпеть поражение. Ненавидел и за упреки Спарте в бесчестности.

Выждав удобный момент, Феопомп ринулся на Эвфая и уже занес копье для удара. Но мессенцы заслонили своего полководца.

— Не с радостью уйдешь ты из этого сражения! — крикнул Эвфай.

С этими словами он яростно взмахнул мечом и бросился на Феопомпа. Оба войска забыли об усталости. Одни дрались с бешенством, стремясь во что бы то ни стало победить, отстоять свою военную славу и захватить богатую добычу. Другие — с отчаянием, стремясь победить и уничтожить врага, чтобы спасти от гибели свое отечество.

И, видно, любовь к отечеству была сильнее всех других чувств и помыслов. Эвфай начал теснить врага. Еще удар, еще натиск, и — пробил час! — Феопомп, царь спартанский, отступил и бежал, проклиная мессенцев.

Эвфай уже поверил было в победу, душа его вспыхнула ликованием.

Но это ликование тотчас и погасло. Он с горестью увидел, что предводитель правого крыла его войска Пифарат упал под вражескими копьями. Полководец убит, и отряды его заколебались, расстроились, отступили... Растерялись и побежали так же, как бежал от Эвфая Феопомп.

Спартанский царь Полидор, стоявший против Пифарата, не стал преследовать бегущих мессенцев. Он строго держался правила: не преследовать бегущего врага, а заботиться о том, чтобы сохранить строй своего войска.

поле битвы, тем более, что ночная тьма уже заволокла долину.

На другой день на поле сражения стояла тишина. Утро наступило грустное, солнце заволокло дымкой, ясноликий бог Аполлон не хотел смотреть на то, что сделали люди.

И спартанцы и мессенцы были в замешательстве. Ни те, ни другие не решались вступить в новую битву.

К концу дня послали друг к другу глашатаев. Договорились не начинать сегодня боя, потому что тела убитых еще лежали на земле непогребенные. В этот вечер противники уносили своих убитых воинов и хоронили их.

Предсказание богов

По горным дорогам Парнаса по направлению к Дельфам шел знатный мессенский гражданин Тисис. Он славился в Мессении человеком, сведущим в гаданиях. Поэтому именно его послали мессенские власти к дельфийскому оракулу спросить у божества: как им поступить, чтобы спасти Мессению?

А в Мессении наступила тяжелая пора несчастий. Поборы на содержание войска, бесконечные набеги спартанских отрядов — все это расстроило хозяйство и ослабило страну.

А тут еще началась какая-то эпидемия.

В городах Мессении поселилось запустение. Большая часть жителей переселилась на гору Итому, где еще не было болезней и куда еще не добирались враги. Там уже стоял маленький городок, названный по имени горы Итомой. Мессенцы расширили его стены, сделали новые укрепления.

Что делать дальше? Ни царь Эвфай, ни старейшины, ни народное собрание не могли решить. Пусть это решит Аполлон.

После многих дней пути Тисис вступил на узкую тропу, сжатую отвесными темно-серыми и рыжими скалами, которая вела к святилищу Аполлона. Было раннее серебристое утро, хрустальные звезды потихоньку гасли над вершинами Парнаса.

Вместе с Тисисом к Дельфам поднимались и другие посланцы царей и стран спросить о грядущем у светлого бога. Шли люди, застигнутые бедой. Шли посланные с дарами. Шли желающие принести жертву богу и попросить для себя его милости. Мычали украшенные лентами и цветами, предназначенные для жертвы быки...

Узкое ущелье раздвинулось, серые скалы отошли в стороны. Открылась долина с холмистыми склонами, на которых кудрявились серебристо-зеленые оливковые рощи. В глубине долины острым блеском сверкал ручей. Еще один поворот дороги — и перед глазами идущих среди грозных утесов встали Дельфы — святилище Аполлона.

Храм бога с мощными дорическими колоннами стоял на площадке, как бы вырубленный в отвесной скале. По преданию, когда-то давно Аполлон убил здесь страшного Пифона. Бог мстил за свою мать Латону, которую преследовало это покрытое чешуей чудовище. Когда Аполлон, златокудрый и лучезарный, явился сюда с серебряным луком и с колчаном, полным золотых стрел, в ущелье было темно и мрачно. Пифон, свиваясь кольцами, выполз из

Этому научил спартанцев опыт их бесконечных войн. Увлекшись преследованием отступающих и жаждой истребления побежденных, потерявшие военный строй войска сами тогда становились добычей противника.

Эвфай тоже перестал теснить Феопомпа. Надо было подать помощь раненым, лежащим на

ущелья, и скалы сдвинулись со своего места — такой он был тяжелый. Увидев Аполлона, он раскрыл свою адскую пасть и хотел проглотить его. Но Аполлон натянул тетиву серебряного лука, и смертоносные золотые стрелы сразили Пифона. Чудовище рухнуло мертвым. Аполлон зарыл его здесь же, в ущелье. Он и сейчас лежит там, без жизни, без движения. Но смрадное дыхание его все еще поднимается из ущелья. Здесь, где зарыто чудовище, Аполлон поставил храм и основал прорицалище, чтобы люди могли узнавать волю его отца Зевса.

Тисис совершил все положенные обряды, омылся в кристально сверкающем ручье, принес богу жертву, передал жрецам свои вопросы к божеству. И стал ждать ответа.

Одурманенная испарениями, которые поднимались из расселины скалы, пифия пробормотала ответ бога. Жрецы записали на табличку то, что сказала пифия, а вернее, то, что они считали нужным сказать мессенскому послу, и отдали табличку Тисису.

Тисис спрятал ее под плащом и немедля отправился в обратный путь. Он знал, с каким нетерпением ждут его в Мессении. Да и самому хотелось поскорее уйти отсюда. Отвесные суровые скалы пугали и давили здесь человека, внушая уверенность в близком и опасном присутствии бога. Жрецы всех религий во все времена хорошо знали, где ставить храмы своих богов.

Когда, пройдя долгий и трудный путь, Тисис вступил наконец на родную землю, плечи его расправились и лицо прояснилось. Он выполнил волю царя и народа. Теперь с ним уже ничего не случится. На всей Эллинской земле, ни в Аттике, ни в Пелопоннесе, никто никогда не тронет посланца, идущего в Дельфы или несущего ответ бога.

Но Тисис успокоился слишком рано. Он забыл, что есть люди в Пелопоннесе, для которых не существует законов, кроме закона собственной силы и собственной выгоды. Когда Тисис проходил мимо Амфеи, захваченной спартанцами, стража, стоявшая у ворот города, увидела его. Спартанские солдаты догнали Тисиса, они решили отнять у него табличку и узнать, что ответила пифия.

Но Тисис, хоть был и немолод, вступил в борьбу. Спартанцы тотчас схватились за кинжалы. Тисис тоже выхватил кинжал. Борьба была неравной; плащ Тисиса уже во многих местах потемнел от крови. Но он продолжал отбиваться. Лучше умереть, чем отдать врагу священную табличку, которую ждет Мессения. Легенда говорит, что, когда Тисис почувствовал, что силы его кончаются, раздался голос:

— Оставь несущего ответ божества!

Спартанцы дрогнули и опустили кинжалы. В страхе оглядывались они по сторонам. Но кругом было тихо, и колючий кустарник со своей густой жесткой зеленью неподвижно стоял по сторонам дороги. Кто прятался там, в зарослях? Не иначе какое-нибудь божество, возмущенное таким беззаконием!..

Тисис, несмотря на раны, все-таки добрался до Итомы. Он пришел к Эвфаю и положил перед ним табличку, принесенную из Дельф.

Тисиса отвели домой, обмыли ему раны, перевязали, уложили в постель. Но его уже ничто не могло спасти. Тисис вскоре умер.

Царь Эвфай в тот же день собрал на площадь народ.

— Вот ответ божества! — сказал он, подняв кверху табличку.

В толпе прошло волнение:

— Читай! Читай!

И Эвфай громким голосом прочел:

«Чистую деву от крови Эпита, взявшую жребий,
Принесите в жертве ночной мрачным богам;
Если не будет такой — взять у другого отца,
Добровольно на заклание дочь отдающего».

В напряженном безмолвии выслушали мессенцы это прорицание. А потом громко заговорили:

— Все девушки из рода Эпита должны быть призваны к жребию! Боги требуют жертвы — это спасет Мессению!

И вот настал роковой час. Дрожащие девушки подходили одна за другой за своим жребием. Их матери и отцы стояли в стороне и с замирающим сердцем следили за ними. Те, что вытаскивали пустой жребий, отходили, скрывая радость.

Но вот протянула руку прекрасная златокудрая дочь Ликиска, взяла жребий. И рука ее упала. Жребий жертвы достался ей.

Вздох облегчения прошел по толпе. Жертва известна, Мессения спасена! Девушка стояла неподвижно, опустив голову и закрыв лицо концом покрывала.

Но в это время неожиданно выступил вперед старый жрец Эпебол, который должен был свершить жертву.

— Я не допущу этой жертвы! — сказал он. — Она не дочь Ликиску. У покойной жены Ликиска никогда не было детей, а этого ребенка ей подкинули. Эта девушка не из рода Эпита. Нельзя обманывать богов!

Снова поднялся шум, начались крики и споры. Решили отложить жертвоприношение, пока не расследуют это дело. А пока шло расследование, Ликиск и его дочь ночью бежали в Спарту.

Тяжелое уныние легло на Итому и на всю страну.

Жертва

В это тяжелое время к народу обратился Аристодем, славный гражданин и полководец Мессении.

— Для каждого из нас родина превыше всего, — сказал он, — в такие горькие дни нельзя думать о своем благополучии и радости. Но если ценой этого благополучия и радости можно добыть благополучие родины, — надо это сделать. Так я думаю и так поступаю. Я отдаю в жертву мою дочь, как велело божество, — она тоже Эпитовой крови.

Все было решено. Дочь Аристодема готовилась к смерти, противиться было бесполезно. Да она бы и не стала противиться. Если ее смерть спасет Мессению, она должна умереть.

Но не так думал ее жених. Услышав, что решил Аристодем, юноша, как безумный, бросился к нему.

— Ты распорядился жизнью своей дочери! — кричал он.— Но как ты мог это сделать? Ты обручил ее со мной, и ты над ней больше не господин, господин ее я!

Аристодем не хотел его слушать. Ему нелегко было принять решение. Но он принял его — и говорить теперь больше не о чем.

«...если не будет такой, взять у другого отца,
добровольно на заклание дочь отдающего».

Кто же еще добровольно отдаст свою дочь?

Но юноша никак не мог примириться с этим. И в отчаянии, не зная, как спасти любимую девушку, он крикнул:

— Знай же, что мы уже поженились. Она замужняя женщина, боги эту жертву не примут!

У Аристодема от гнева потемнело в глазах. Как могла она поступить так коварно? Как посмела предать отца и Мессению! Не помня себя, Аристодем выхватил меч и тут же убил свою дочь.

Площадь охнула и замерла. Аристодем стоял молча перед людьми с окровавленным мечом в руках.

Молодой мессенец с плачем упал на колени перед убитой девушкой.

— Я сказал неправду! Мы не были мужем и женой, я сказал неправду! Я хотел спасти ее!

Эти слова поразили народ.

— Слышите? Он сказал неправду! Девушка погибла напрасно, он не спас ее, а погубил.

— Это не жертва, это преступление!

— Он навлек на Аристодема проклятие детоубийства!

— Он погубил Мессению! Смерть ему!

Крики становились все громче, все яростней. Возмущенная толпа готова была растерзать юношу. И растерзала бы, если бы за него не вступился Эвф ай.

— Со смертью девы предсказание исполнилось,— сказал он.— Аристодем поступил так, как потребовало божество,— жертва принесена!

Но тут опять вмешался мрачный жрец Эпебол.

— Нам нет никакого дела до убитой дочери Аристодема,— сказал он,— ее убил отец, а боги остались без жертвы. Надо, чтобы кто-либо другой пожертвовал свою дочь.

Тогда все, кто происходил из рода Эпита, горячо запротестовали:

— Царь сказал дело! Дева крови Эпита принесена богам!

Собрание разошлось. Люди успокоились. Жертва принесена; боги пощадят Мессению.

Смерть Эвфая

В Лаконике уже знали о прорицании бога мессенцам. А когда стало известно, что прорицание исполнено и дева Эпитовой крови принесена в жертву, сразу пали духом. Их военная сила, военное искусство, дисциплина, тренировка — все это теперь не имеет никакого значения. Будет так, как сказал Зевс. Боги сильнее Спарты.

Трудно было отказаться от своего замысла захватить Мессению. Однако начинать новую битву спартанцы боялись. Боги на стороне мессенцев, а они разят без промедления и без жалости. Так шло время ни войны, ни мира. Пошел шестой год с того дня, как была принесена в жертву дочь Аристодема.

В Дельфы шли люди, желающие принести жертву Аполлону, шли посланцы с дарами.

Наконец спартанцам наскучило сидеть в бездействии.

И спартанское войско стало снова готовиться к походу. Царей и старейшин смущало одно: войско их уменьшилось — наемных критских стрелков у них на этот раз не было. На помощь других народов Пелопоннеса надеяться нельзя: своими беззакониями и вероломством спартанцы посеяли к себе всеобщую ненависть. Особенно ненавидели Спарту соседи — Аргос и Аркадия. Спартанцам стало известно, что из Аргоса тайно сообщили в Мессению:

— Если начнете войну, мы придем и поможем вам.

Аркадия же объявила мессенцам открыто:

— Если начнете войну против Спарты, мы идем вам на помощь!

Несмотря на все это, Спарта все-таки решила снова начать войну. И вот опять загремели копья и щиты, зазвенели мечи, заржали боевые кони. Снова тяжкий шаг военных отрядов глухо загудел на каменистых, опаленных солнцем дорогах. Снова спартанцы надели пурпурные одежды, на которых меньше видна кровь.

Когда спартанцы вступили в Мессению, мессенских союзников еще не было, они не успели прийти. Мессенцы не знали, как быть: начинать сражение или подождать союзников?

Эвфай и старейшины посоветовались между собой.

— Прорицание обещало нам победу,— решили они,— не будем ждать помощи. Примем сражение!

Было все так же, как шесть лет назад. Дрались отчаянно, не уступая друг другу. То одни побеждали, то другие. Бились отряд против отряда. Бились один на один, лучшие бойцы выходили на середину и бились насмерть.

С особенной отвагой сражался сам царь мессенский Эвфай. Ему снова пришлось стоять против спартанского царя Феопомпа.

В запальчивости Эвфай, не оглянувшись, есть ли у него защита, кинулся в бой с отрядом, окружавшим Феопомпа. К Феопомпу он пробиться не смог. Получив сразу несколько тяжелых ран, упал. Спартанцы бросились к мессенскому царю, чтобы унести его тело и тем опозорить мессенцев. Однако мессенцы с новым мужеством ринулись в битву, чтобы умереть, но не допустить такого позора: отдать врагу тело своего царя!

Только ночь развела врагов.

Мессенцы унесли Эвфая в свой стан. Он был еще жив.

— Как сражались мессенцы? — спросил Эвфай.

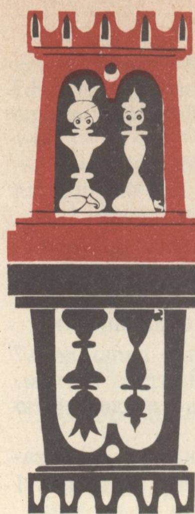
— Мы ни в чем не уступили врагу,— ответили ему окружавшие его воины.

Но о том, что в сражении за Эвфая спартанцы убили Антандра, лучшего друга царя и лучшего полководца Мессении, они ему не сказали.

Спартанцы, и на этот раз ничего не добившись, вернулись домой.

А через несколько дней после битвы мессенский царь Эвфай умер. Он царствовал тринадцать лет. И все тринадцать лет враждовал со Спартой, отстаивая свободу своей родной Мессении.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

У ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Весть эта была неожиданной для Пешкина: Сережа Макарычев, которого недавно Пешкин награждал «Грамотой ферзя и ладьи», уже играет в турнирах мастеров. И Пешкин немедля отправился в Московский Дворец пионеров, чтобы встретиться с друзьями, повидаться с Сережей.

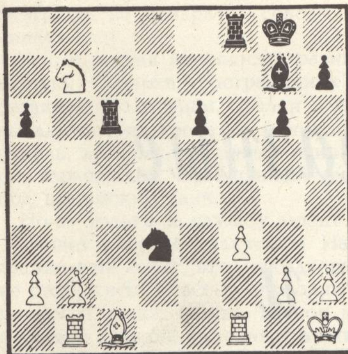
Здесь было весело и шумно. В шахматном клубе Дворца собралось много ребят. И Сережа пришел. Он сразу узнал Пешкина и обрадовался ему. Рассказал своему старому другу о том, что учится в восьмом классе 7-й школы и что много играет в шахматы. Недавно Сережа играл в очень сильном турнире, сражался с опытными и сильными противниками. И он показал Пешкину окончание своей партии с гроссмейстером А. Суетиным.

Посмотрим на диаграмму на следующей странице, вверху, слева.

Сейчас ход черных, а их рать вел в бой Сережа. Гроссмейстеру удалось выиграть пешку, но зато черные удачно расположили свои фигуры. Партия продолжалась так:

24. ...Лf8—b8 25. Кb7—а5 Лс6 : с1

26. ЛbI : cI Кd3 : cI 27. ЛfI : cI Лb8 : b2

Материальное равновесие восстановлено, и теперь уже белым приходится перейти к обороне.

28. a2—a3 Лb2—a2 29. Кa5—c4 Крg8—f7 30. h2—h3 Cg7—f8 31. ЛcI—c3 Крf7—e8 32. f3—f4 Крe8—d7 33. Кc4—e5+Крd7—d6 34. Лc3—c8 Cf8—h6!

Здесь противники согласились на ничью. Конечно, не опасно для черных 35. Кf7+. На этот ход Сережа ответил бы 35. ...Крd7.

Пешкин поздравил Сережу с хорошим результатом в турнире.

Три задачи

Более сорока ребят из Дворца пионеров получили от Пешкина «Грамоты ферзя и ладьи» за победы в турнирах и конкурсах. Многие из этих ребят стали перворазрядниками и сами составляют задачи и этюды.

Самые интересные из них шахматный клуб Дворца включил в конкурс, посвященный пятидесятилетию ВЛКСМ. И Пешкину эти задачи тоже понравились.

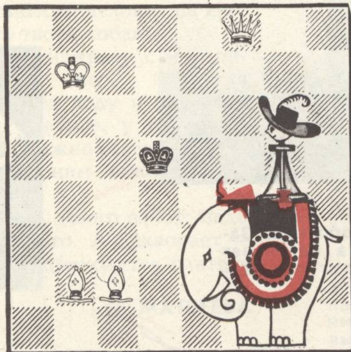
Пешкин объявляет новое заочное соревнование и начинает его тремя задачами, составленными шахматистами из Дворца пионеров.

Всего вам, ребята, будет предложено десять задач и этюдов. Кто решит не менее восьми из них, получит третий спортивный разряд, а решившие все десять еще и «Грамоту ферзя и ладьи». Кто справится только с шестью заданиями, тот станет шахматистом четвертого разряда.

Пешкин ждет ваших решений, друзья. Решения надо присылать не позднее чем через месяц после выхода номера журнала.

Верхом на слоне

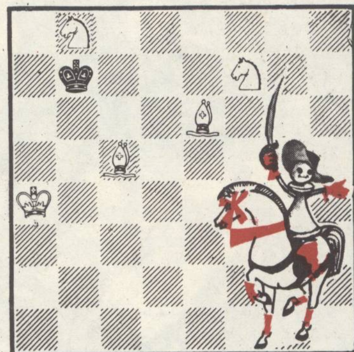
Редко кому удается прокатиться на белом слоне. Но, чтобы решить задачу Сергея Смирнова, Пешкину пришлось поближе познакомиться со слонами...

Только эти симпатичные животные могут помочь белым заматовать в два хода черного короля.

Скачут белые кони...

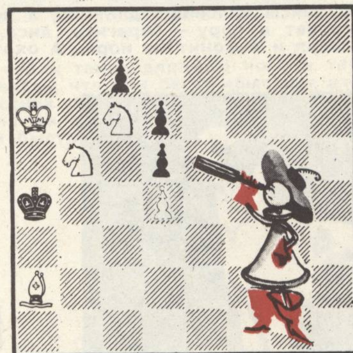
Черный король окружен со всех сторон. Еще два хода, и получит, бедняга, мат. Вот и Пешкин мчится в атаку. Он уже наметил правильный маршрут. А вы найдите его продолжение, ведущее к цели.

Задачу эту составил Анатолий **Алексеев.**

Где же решение?

Пешкин даже вооружился подзорной трубой, чтобы решить задачу-трехходовку **Михаила Герчикова.** И хотя черный король уже прижат здесь к самому краю шахматного ринга, нелегко нанести ему нокаутирующий удар.

«Белая ладья» в стране шаха

Всесоюзные соревнования пионерских дружин проводит клуб «Белая ладья», организованный редакцией газеты «Пионерская правда». Наверно, и все вы, как настоящие спортсмены, уже играли в турнирах своих дружин.

Пока даже Пешкин не знает, кто получит почетный приз чемпионов мира, учрежденный клубом «Белая ладья», и какие лучшие команды приедут в Москву, чтобы принять участие в финале. Ясно одно: борьба будет трудной. Пешкин желает успеха всем ребятам, вступившим в клуб «Белая ладья».

Для девочек, которые будут играть в финале пионерских соревнований, Пешкин установил свой приз — волшебный «Ларчик Пешкина». Его получит та из юных шахматисток, которая добьется лучшего личного результата.

Все разные и все хорошие

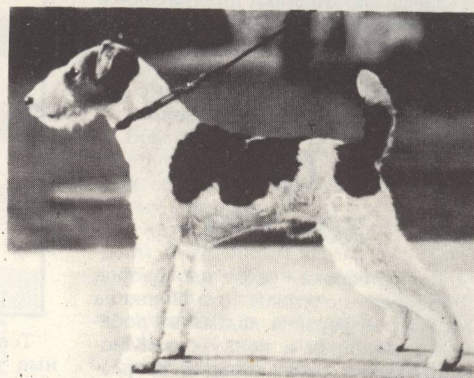

У таксы туловище длинное, а ноги короткие. Заглянет в нору — берегись, лиса. Такса настигнет зверя и выгонит из норы. А охотник тут как тут.

Что увидел там пойнтер? Птицу. Сейчас он вспугнет ее. Человек на охоте, а собака на работе.

Красота у этой собаки — борода, усы, баки. Так говорят про жесткошерстного фокстерьера. Он самый большой драчун и забияка. А если зазеваешься, тут же стащит туфлю. В доме, где живет фокстерьер, всегда весело.

На картинке над фоксом нарисованы мячик и кость. Это тебе намек. Хочешь, чтобы не грызли твои ботинки,— подари фокстерьеру мячик и кость.

Идет по тайге охотник. А рядом бежит лайка — собака выносливая, смелая и сильная. Выследит белку, соболя, куницу, но и медведя не побоится: конечно, не свалит, но будет лаять и приставать к нему до тех пор, пока не подоспеет охотник.

Какие они все разные — собаки.

Такса похожа на пылесос, а болонка — на хризантему. Посмотришь на овчарку — совсем волк. А пудель скорее напоминает овцу.

У них разная внешность, разный нрав, и службу они несут разную. Овчарка — пограничник и сторож. Пойнтер, сеттер, спаниель — охотники. Колли — нянька, она не даст малышу вывалиться из кроватки и чужих к нему не подпустит. Даже пудель, веселый, кудрявый псина, и тот во время войны работал взрывником: обвешанный гранатами, он отважно бросался под вражеский танк...

Но не только за службу любит человек собаку.

Живет в городе мальчишка. На охоту не ходит, нарушителей границы не ловит, входную дверь захлопывает на замок — чего ее сторожить? И все-таки в один какой-нибудь день мальчишка приносит домой щенка. Щенок мал и глуп, он тычется носом в ладони хозяина, оставляет лужицы на полу. Мальчишка наливает в блюдце молока, гладит взъерошенную щенячью спину

Щенок подрастает, он уже умеет ходить на поводке, знает команды «сидеть!» и «голос!». Он приветлив и ласков с людьми. Но к одному человеку на свете пес привязан крепко и на всю жизнь — к хозяину. Он готов ходить следом за мальчишкой, может долго смотреть на него, словно говоря: «Вот какой у меня замечательный хозяин, мне крепко повезло в моей собачьей жизни. Такого хозяина больше ни у кого нет».

Собаке все равно, отличник ты или не очень, делаешь ли по утрам зарядку, кладешь ли на место свои вещи. Она любит тебя за то, что это ты, для нее — самый главный человек на свете. Ты заботишься о ней, ей хорошо быть твоей собакой.

Неважно, кто у тебя живет — забияка-фокстерьер с мордой-чемоданом или боксер, авторитетный пес. мохнатая лайка — хвост бубликом или дворняжка без роду и племени. Дело не в породе и не в родословной. Главное, у тебя есть надежный друг. С ним можно молчать. И можно разговаривать. И можно пожаловаться, если кто обидел. С ним можно гулять по улицам.

С собакой, особенно с маленьким щенком, много забот: надо кормить щенка, убирать за ним и купать его. А захворает — носить к врачу. Но ведь за дружбу всегда приходится платить заботой, дружбой и верностью.

Л. МАТВЕЕВА

Эрдельтерьер не дразнится, просто ему жарко. Попробуй-ка среди лета погулять в шубе с таким густым и жестким мехом. Эрдельтерьер — работяга. Он может быть связным, санитаром, водить слепых.

У этих собак такие длинные ноги и такая резвость, что они бегут «быстрее лани». Русская псовая борзая спокон века выходила на охоту за зайцем, лисой и другими быстроногими.

Спаниель метет дорогу ушами. Лохматый, приветливый и смешной. Но и у него есть профессия. Спаниель — охотник на пернатую дичь.

На свете много разных сеттеров. Есть сеттер ирландский, сеттер шотландский. А еще есть сеттер английский. Это его портрет мы поместили здесь. На портрете пес выглядит грустным, как будто несет бремя мрачных мыслей или собственного благородства. Но это вовсе не значит, что он пессимист по натуре. Посмотрели бы вы на него на охоте!

Жестокость не воспитывает. Жестокость унижает, пугает, озлобляет. Мы с тобой никогда не будем таскать щенка за загривок, тянуть за собой силой, наказывать, оскорбляя.

Рисунки П. БАГИНА

Пес чау-чау все человечество делит на «своих» и «чужих». Вот почему он устроился работать сторожем. И вид напустил на себя сердитый. Его не спутаешь ни с какой другой собакой — у всех язык красный, а у него синий.

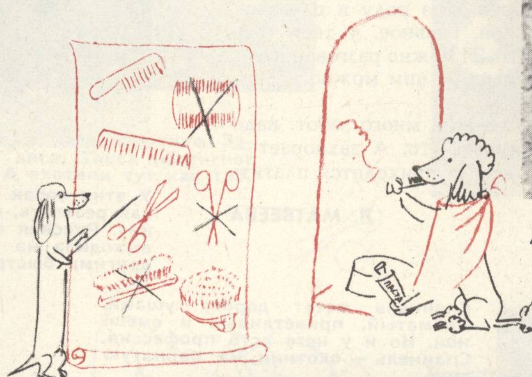

Говорят, что у пуделя характер хозяина. Веселый хозяин — и пудель весельчак. А у подозрительного и угрюмого — пес хмурый и кусачий. Он внимательно слушает людской разговор, потому что все понимает. По крайней мере, он сам так считает.

Как будто из клубка шерсти выглядывает чья-то физиономия. Это и есть болонка. У нее нет профессии. Она живет в комнате и просто приносит хорошее настроение.

А это мини-пудель.

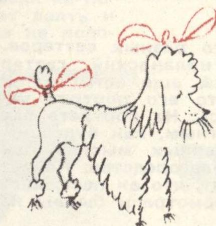
Чистота — залог собачьего здоровья.

Еще один усатый-бородатый — шотландский (скотч) терьер. Посмотреть на него и остаться серьезным никому еще не удавалось.

Про эту говорят: беспородная, дворняжка. Но ведь в космос летали простые дворняги! Собака на нашем снимке — помесь нескольких пород. Но живет она в квартире, и поэтому очень чистая и славная собачонка.

Собаку нужно любить. А вот баловать ее нельзя.

Собака не кукла. Нельзя в нее играть.

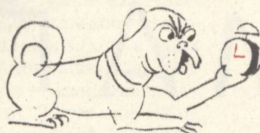

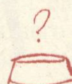

Эта особа в элегантной шубе — колли, или шотландская овчарка. Несмотря на свой нарядный вид, колли — прекрасный пастух, сторож, поводырь.

И собаке нужен режим. В часах она еще не разбирается. Значит, обо всем должен помнить хозяин.

Щенка нельзя кормить горячим. Он от этого может заболеть.
Собачья посуда должна быть устойчивой и удобной, не битой.

С этим типом лучше не связываться. Грозный, сильный и очень зубастый. Но если подружишься, в обиду не даст. И название у него боевое — боксер.

Восточноевропейская овчарка — способная ученица. Ее можно выучить на пограничника и следопыта, на сторожа, ищейку и пастуха. А эту собаку Лена Дюдина и Оля Артемьева решили сделать поводырем для слепого. Бывает в жизни, что собака — надежный помощник человека в его беде.

Доберман-пинчер — смелый, подвижный, поджарый пес. Настоящий спортсмен.

Воля

Маленьким щенком взял Саша овчарку Волю и начал ее воспитывать. Воля росла быстро, а когда она превзошла «все премудрости собачьих наук», Саша Зотов решил подарить свою собаку пограничникам.

Воля сначала ничего не могла понять. Ей не хотелось есть из чужой миски. Спать на чужой подстилке. И не хотелось слушать команду, которую подавал незнакомый человек.

Но человек был терпелив, и Воля понемножку стала привыкать. Она видела, как мимо ее вольера другие собаки идут на занятия, слышала, как их хвалят за успехи. И Воля начала делать все, что раньше умела, а человек ласково гладил ее и все повторял: «Хорошо, хорошо, Воля!» Ну совсем, как Саша!

В школе пограничных собак Воля училась только на «отлично».

Четыре года для собаки — солидный возраст. А потом ведь ее хозяин был человек серьезный и добрый, и его приятно было слушаться. Он откликался на обращение: «Товарищ сержант». И Воля считала, что это трудное имя ничуть не хуже, чем «Саша».

Но однажды жизнь пошла кувырком. К вечеру она с хозяином вернулась с работы. И уже собралась было поужинать, как вдруг увидела в сторонке группу ребят. От них исходил какой-то томительно-знакомый запах. Воля обошла всех, принюхиваясь, и тихонечко заскулила — не вспомнила. И тогда она услышала голос, ЕГО ГОЛОС. Саша! Ну, конечно, это был он! Она забыла все правила приличия, все законы хорошего тона и бросилась к Саше целоваться. Она визжала, как щенок. Все были рады, что Воля не забыла друга, вспомнила, не обиделась и все поняла правильно.

Л. ШЕРЕШЕВСКАЯ

В. ЛЁВШИН

Диссертация рассеянного магистра

Автор книг о математике «Три дня в Карликании», «Черная маска из Аль-Джебры», «Фрегат капитана Единицы» В. Лёвшин написал новую книгу — «Магистр рассеянных наук».

Это путевые заметки некоего горе-математика, изобилующие ошибками и нелепостями. Скоро книгу выпустит в свет издательство «Детская литература». А пока знакомьтесь с одним из рассказов рассеянного Магистра и напишите нам о замеченных вами несуразностях.

ОАЗИС

Напрасно, совершенно напрасно некоторые чересчур поспешные люди пытаются поймать меня на слове, я не допустил никакой нелепости! Остров, куда мы прибыли, был в самом деле необитаем, хотя там нас и встречали местные жители. Дело в том, что это только один из бесчисленных островов здешнего архипелага. Люди на нем не живут, а приезжают в выходные дни на экскурсии с других островов. По-моему, тут все ясно.

Так как мы пристали к берегу уже к концу дня, то все встречавшие нас вскоре разъехались по домам. И мы с Единичкой остались одни, как Робинзон с Пятницей.

Остров называется ОАЗИС. Название явно неудачное. Ведь оазис—единственное цветущее место в голой пустыне. А тут самый пустынный остров цветущего архипелага. Я бы назвал его Антиоазисом. Но, к счастью, мы разыскали табличку, на которой название острова расшифровывалось. Ну, кто бы мог подумать, что ОАЗИС — это Остров Арифметических Загадок и Софизмов?!

— А что такое софизм? — спросила Единичка.

Я поразился ее невежеству. Но все-таки решил ничего не объяснять до тех пор, пока сам не узнаю, что это такое.

Неожиданно быстро стемнело, и все небо покрылось звездами. Единичка как взглянула на это восхитительное зрелище, так и замерла. Она ведь впервые увидела звезды южного полушария. Но я мигом разобрался во всех этих созвездиях. Потому что я не только математик, но и астроном. Ничего удивительного: ведь астрономия и математика — две самые древние и самые родственные науки.

— Видишь,— сказал я Единичке,— четыре яркие звездочки? Этому созвездию дали красивое название «Зодиак». Волшебное созвездие! Одна из четырех звезд называется «Про́ксима», что по-русски означает «Далекая». Она и в самом деле самая далекая от Земли звезда. Свет от нее идет к нам миллиард лет! А ведь от Солнца свет прибегает к нам через 8 секунд!

Единичка стояла, раскрыв рот, и, по-моему, не слушала меня. Иначе она бы непременно стала возражать. Впрочем, возражать было нечего.

Нам, однако, было не до звезд. Надо было устраиваться на ночлег, а тут — ни одного дома, ни одной палатки, где можно укрыться от диких зверей, которые здесь водятся, наверное, в изобилии. Следовало немедленно приступать к постройке дома (благо деревьев здесь непочатый край) и закончить его до захода луны. Поэтому я решил не строить четырехстенного дома (это слишком долго), но и двухстенный меня не устраивал (это некрасиво). Стало быть, ничего не оставалось, как строить трехстенный дом. Спилив три дерева и обработав их стволы, мы с Единичкой сложили на земле треугольник. Фундамент был готов! Жаль, что все три ствола были разной длины и треугольник получился разносторонний.

Мы с Единичкой так устали, что достройку дома решили отложить на завтра, а пока что укрыться от диких зверей внутри нашего треугольника.

И тут капризная Единичка заявила, что хочет иметь отдельную комнату, и потребовала, чтобы я перегородил наше жилье. Ну, против комфорта я никогда не возражаю. Поэтому мы срубили еще одно деревце для перегородки. Теперь оставалось решить, как перегородить треугольник. Единичка хотела, чтобы обе комнаты имели одинаковую площадь.

Она предложила поступить так: протянуть бревно из какой-нибудь вершины треугольника до середины противоположной стороны. Видимо, Единичка еще не знала, что это называется провести медиану треугольника. Но какая же она чудачка! Ведь треугольник-то наш разносторонний! Поэтому медиана никак не может разделить его площадь пополам. Ведь полученные таким образом два треугольника не будут равными, значит, и площади у них разные!

Я предложил другой, правильный способ. Раз мы хотим разделить площадь точно пополам, надо проложить бревно по СРЕДНЕЙ ЛИНИИ треугольника. Но и тут мне пришлось объяснить, что средняя линия треугольника — это отрезок прямой, который соединяет середины каких-либо двух сторон треугольника.

Единичка стала спорить и спорила до тех пор, пока не зашла луна. Стало так темно, что отличить медиану от средней линии не было уже никакой возможности. Поэтому мы улеглись спать в общей, большой «комнате» и проснулись, когда было уже совсем светло.

Позавтракав, мы пошли осматривать остров. Он оказался действительно полным загадок.

Началось с того, что Единичка заметила высоко на скале какие-то высеченные знаки. Она взяла мою подзорную трубу и стала читать вслух:

— Два плюс один равно трем. Так вот в чем дело! Несомненно, перед нами был наскальный учебник арифметики древних народов! Я выхватил у Единички трубу и навел ее на то место, куда она смотрела. Но, представьте себе, я увидел там совсем не те числа, которые прочитала Единичка.

Вместо $2+1=3$ там было высечено: $10+1=11$.

Единичка, видно, как всегда, решила меня разыграть, и я очень обиделся. Она снова взяла трубу и стала читать другую надпись: $6+4=10$.

Я понял, что она продолжает меня поддразнивать, потому что на самом деле там было высечено не $6+4=10$, а $110+100=1010$.

Насмешница покачала головой и сказала:

— Ну, разве может $110+100$ равняться 1010? А вот $6+4$ — это уж точно равно десяти!

В самом деле, как может $110+100$ равняться 1010? Видимо, древние математики еще не научились как следует считать.

Я сразу потерял интерес к этим наскальным нелепостям. Мы двинулись дальше и наткнулись на огромный камень с надписью:

«Стой! Прежде чем продолжать путь, быстро выясни, делится ли это число на 11. Не выяснишь — лучше возвращайся назад!»

А число было вот какое: семизначное! По краям стояли шестерки, а между ними пять единиц: 6111116 — шесть миллионов сто одиннадцать тысяч сто шестнадцать!

Единичка тут же принялась делить это число на 11. Но я только улыбнулся. Зачем делить, если известен простой признак делимости числа на 11? Надо сложить все цифры, стоящие на нечетных местах, затем то же проделать с цифрами, стоящими на четных местах, и если суммы одинаковы, будьте уверены, что число на 11 делится!

Итак, на нечетных местах в числе 6111116 стоят: 6, 1, 1 и снова 6, что в сумме составляет 14 ($6+1+1+6=14$). А вот на четных местах стоят три единицы, они в сумме дают число 3. Но ведь 14 не равно трем, значит, все число на 11 делиться не должно. Тут и проверять нечего!

Но Единичка... Ах, эта Единичка! Она утверждала, что у нее число на 11 разделилось и что 6 111 116, деленное на 11, равно 555556!

— Чепуха! — возразил я.— Не может быть! Оно не должно делиться!

— А вот и разделилось,— настаивала Единичка.— Попробуйте сами.

Но я только рукой махнул и двинулся дальше. Вскоре мы подошли к пещере. Вход в нее был такой крошечный, что в него и пролезть трудно. Но Единичка мигом всунула в него голову и закричала:

— Ой, как там темно! Я ничего не вижу!

Вот так история! Как же мы будем двигаться в полной темноте? Но тут я увидел над входом объявление, от которого сразу повеселел.

«ПЕЩЕРА ОСВЕЩАЕТСЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ АВТОМАТИЧЕСКИ, если правильно ответите на следующий вопрос:

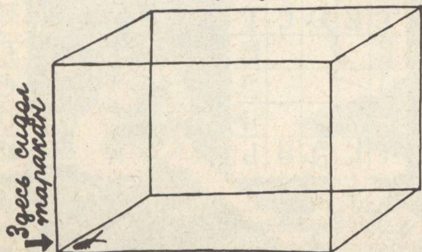
Напишите два десятизначных числа, из которых каждое содержит все десять цифр. Одно из них должно быть наибольшим из возможных, а второе — наименьшим».

Сущие пустяки! Я тут же написал наибольшее десятизначное число, состоящее из всех десяти цифр,— сперва цифру 9, а за ней все подряд в обратном порядке — 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 и 0. Так я получил наибольшее число: девять миллиардов восемьсот семьдесят шесть миллионов пятьсот сорок три тысячи двести десять! Большего числа из десяти цифр не составить! Ну, а с наименьшим дело обстояло еще проще. Надо было только написать те же цифры в обратном порядке: 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9. Я так и поступил, но... лампочка в пещере почему-то не зажглась.

— А это потому,— вмешалась неугомонная Единичка,— что у вас получилось не 10-, а 9-значное число. Ведь цифра нуль впереди числа ничего не значит!

Что ж, на этот раз она оказалась права. Я немедленно переставил нуль на конец числа: 1234567890. Да будет свет! Но света не было. Очевидно, авария на электростанции. Так мы в пещеру и не попали. Я расстроился, а тут еще Единичка (хорош Пятница!) стала приставать со своими вопросами. Ей, видите ли, понадобилось узнать, сколько вообще можно написать десятизначных чисел из всех десяти цифр!

Этот вопрос требует длительного вычисления. Думаю, что на него может ответить только быстродействующая вычислительная машина, а так как я забыл ее захватить, придется Единичке подождать, пока я вычислю сам.

Математики за шахматами

Сколькими способами можно обойти конем шахматную доску размером 3×4 так, чтобы побывать по одному разу на каждом поле?

Конечно, если найден один способ обхода доски, из него легко получить второй — если делать те же ходы, но в обратном направлении. Такие два способа считаются одинаковыми.

Снова принцип Дирихле

Те, кто читал наш журнал в прошлом году, знают, что это такое и как решаются подобные задачи. Но пусть не пугаются новички: эту задачу можно решить и другим способом. Задача такая:

В строчку выписано 100 чисел. Доказать, что всегда найдется несколько чисел, стоящих рядом, сумма которых делится на 100.

Сосчитай-ка

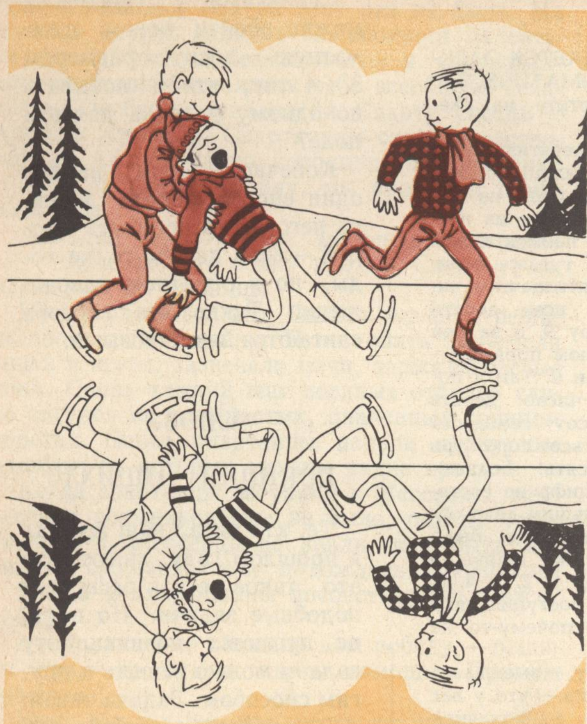
На доске написано 100 плюсов и 99 минусов. Разрешается стирать любые два знака, записывая вместо одинаковых знаков плюс, а вместо разных минус. Каким будет последний оставшийся на доске знак — плюс или минус? Почему?

Таракан, который не летал по воздуху

В давние-давние времена в одном старом-престаром доме, в углу самой заброшенной комнаты сидел таракан. Ему надо было попасть в противоположный угол, чтобы пробраться потом в комнату потеплее. Какой путь был для нашего путешественника кратчайшим? Учти, что по воздуху таракан летать не умел.

Где лед врет?

Трех задорных конькобежцев
отражает лед.
Отыщите, где при этом
Он немного врет.

Где же еще франк?

Загадочный случай в парижском отеле.

Поздно вечером в один маленький парижский отель прибыли три туриста и попросили пустить их переночевать.

— Хорошо,— сказал хозяин,— это будет стоить каждому из вас 10 франков.

Туристы протянули ему по десятифранковому билету.

Отель был переполнен, и хозяину пришлось разместить новых постояльцев в одной комнате на четвертом этаже. Когда он спустился вниз в свою конторку, то подумал, что взял с туристов слишком дорого и за ночлег в одной комнате вполне достаточно получить с них 25 франков.

Хозяин позвал посыльного, дал ему пять монет по одному франку каждая и велел отдать их туристам. Посыльный, поднимаясь по лестнице, ломал себе голову над тем, как ему разделить пять монет между тремя людьми.

«Лучше,— решил он,— я возьму два франка себе и дам каждому по франку, постояльцы все равно будут довольны».

Так он и сделал.

Таким образом, выходит, что каждый турист заплатил за свой ночлег 9 франков. 9 фр. $\times$ 3 = 27 фр. Прибавим к этой сумме 2 франка, которые взял себе посыльный. 27 фр. + 2 фр. = 29 фр. Но хозяин получил вначале 30 франков. Куда же девался еще один франк?

Не уронил ли его посыльный, когда поднимался по лестнице?

Ответственный дежурный Н. РАЗГОВОРОВ

Ключи к шкатулке

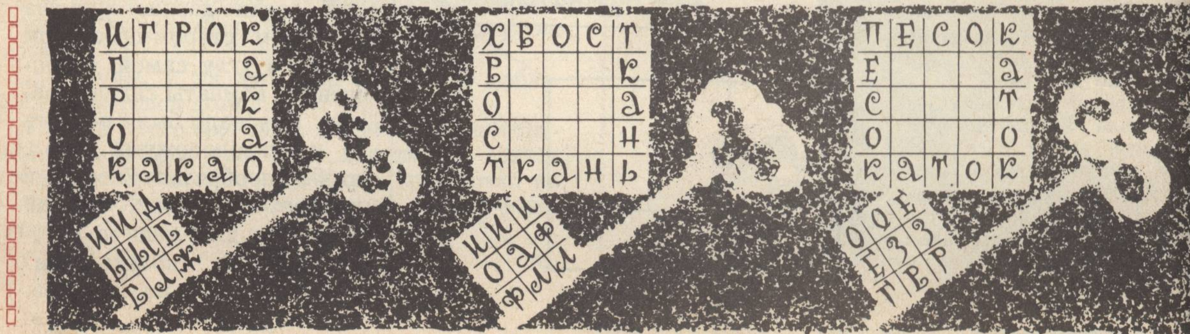
Дорогие ребята! Вам, конечно, интересно знать, где я храню многочисленные письма, которые вы мне присылаете. Эти письма для меня очень дороги, и для их хранения я смастерил огромную шкатулку, которая запирается на три замка. На шкатулке написано «1968», потому что в ней лежат письма, которые я получил в прошлом году. А новые письма я буду хранить в новой шкатулке, на которой напишу «1969». Она тоже будет запираться на три замка.

Если вам хочется заглянуть в шкатулку, где хранятся прошлогодние ответы на задачи «Палаты ума», то запомните: замки открываются тогда, когда написанные на ключах буквы расположены так, что если наложить ключ на замок, то получатся слова, которые одинаково читаются по горизонтали и по вертикали. Вот какие хитрые запоры я придумал!

Ну-ка, попробуйте открыть прошлогоднюю шкатулку!

С новогодним приветом

любящий вас дед-Буквоед.

И	Г	Р	О	К
Г				А
Р				К
О				А
К	А	К	А	О

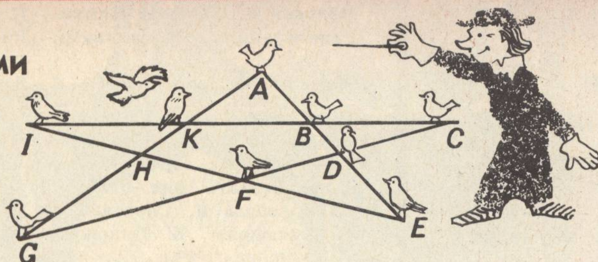
Х	В	О	С	Т
В				К
О				А
С				Н
Т	К	А	Н	Ь

П	Е	С	О	К
Е				А
С				Т
О				О
К	А	Т	О	К

СДЕЛАЙТЕ САМИ

ДРЕССИРОВАННЫЕ ВОРОБЬИ

Я уже как-то рассказывал вам о дрессировщике воробьев. Недавно он со стайкой своих питомцев показал новый замечательный номер.

На арене цирка установили сделанную из толстой проволоки большую звезду с пятью концами. По первому сигналу дрессировщика десять воробьев рассаживались в вершинах углов, которые для удобства, как в геометрии, я обозначил буквами. По второму сигналу один из воробьев (любой) слетал со своего места. На это свободное место прилетал другой воробей, обязательно при этом перелетая ЧЕРЕЗ ОДНОГО своего соседа, и этот сосед слетал со звезды. Образовывались новые пустые места, на них можно было перелетать, но опять-таки так, чтобы всякий раз перескакивать через одного какого-нибудь воробья, сразу же выбывавшего из игры. Дрессированные воробьи перелетали так, что в конце концов на звезде оставалась всего одна птица.

Попробуйте найти, в каком порядке воробьи делали эти перелеты. Чтобы легче было решать, перерисуйте звезду на большой лист бумаги, а на вершины углов посадите «воробьев» (пуговицы, шашки, копейки, кусочки картона) и переставляйте их согласно правилам.

Помните, что можно перескакивать только через одного воробья и занимать только первое место, идущее сразу же за ним, а не второе, если освободились уже два.

Если вы решите эту задачу и она вам понравится, то попробуйте рассадить «воробьев» по углам шести- и семиконечной звезды и, следуя тем же правилам, постарайтесь добиться, чтобы в результате перелетов осталась одна птица. В обоих ли последних случаях это возможно?

Когда будете писать ответ, пользуйтесь буквами: например, если по первому сигналу у вас слетел воробей А, то следующие ходы могут быть ДА (снимается В) или НА (снимается К).

Две дамы

Поэт-юморист написал маленькое стихотворение «Две дамы».

Дама в капоре желтом
С дамой в черной косынке
В воскресенье однажды
Повстречались на рынке.

Так они меж собою
Затянули беседу,
Что домой возвратились
Только к вечеру в среду.

Поэт попросил своего друга-художника нарисовать к этим стихам картинку. Вскоре художник прислал ему рисунок. Увидев его, автор стихотворения сразу же позвонил художнику по телефону и сказал, что рисунок никуда не годится: на нем все не так, как написано в стихотворении.

— Я строго придерживался текста! — стал возражать его друг.

Кто же прав, по-вашему, в этом споре?

Ответы на задачи из № 12

Соврал ли барон Мюнхаузен?

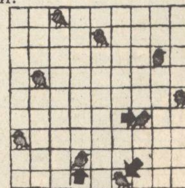
ЧЕРНЫЙ ПЛАТОК

Барон Мюнхаузен рассуждал таким образом: если бы адъютант, поставленный третьим, видел перед собой два белых платка, он без колебаний ответил бы: «У меня черный». Раз он ответил: «Я не знаю»,— значит, перед ним были или два черных, или один черный и один белый платок.

Если бы второй адъютант, услышав ответ своего товарища и поняв ход его рассуждений, видел перед собой белый платок, он без колебаний должен был бы ответить: «У меня черный!» Но, видя перед собой черный платок и понимая, что между ним и бароном Мюнхаузеном платки могут быть распределены в одном случае по схеме: 1. черный, 2. черный;— в другом по схеме: 1.— черный, 2. белый,— второй адъютант отвечает «Не знаю». Но этот ответ и позволяет как раз барону Мюнхаузену, понявшему, как рассуждали его адъютанты, сразу же ответить, что у него руки связаны черным платком.

УКРОТИТЕЛЬ ВОРОБЬЕВ

Вот в каком новом порядке усаживались воробьи. Стрелки на рисунке показывают, из каких квадратиков перелетали воробьи.

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ!

1. Вот несколько слов, которые можно получить, перекладывая спички в слове СЕЛО: село — сало — сага — нога — нота — пола — полк — поле.

2. Проверьте себя. Так ли вы сложили квадраты?

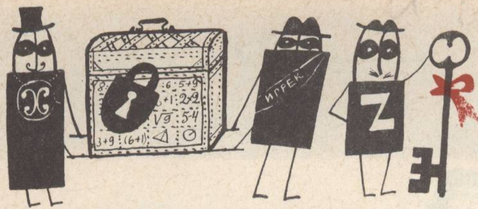
3. Чтобы решить эту задачу, нужно положить пятую спичку около второй, седьмую около десятой, третью около восьмой, четвертую около первой и шестую около девятой.

ЧАСЫ ДЕДА-БУКВОЕДА

Вот что у вас должно получиться: а, па, пан, пена, пенал, пленка, пеликан.

ГДЕ ПОСЛОВИЦА ЗАРЫТА!

Эту пословицу вы все, конечно, знаете: «У страха глаза велики».

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ в 12-м НОМЕРЕ

«Морской бой»

«Закрасим» поля доски так, как это указано на рисунке (вместо цветов мы пишем буквы: к—красный, с—синий, з—зеленый, ж—желтый). Непосредственный подсчет показывает, что на доске имеется 24 желтых, 26 синих, 25 зеленых и 25 красных полей. Понятно, что каждый четырехклеточный корабль занимает ровно по одной клетке каждого цвета. Поэтому, «обстреливая» последовательно желтые поля, мы не более чем за 24 «выстрела» попадем в корабль. Вместе с тем на доске 10×10 нетрудно расставить 24 четырехклеточных корабля (попробуй это сделать), значит, числа «выстрелов», меньшего 24, может не хватить.

к	с	з	ж	ж	с	з	ж	к	с
с	з	ж	к	с	з	ж	к	с	з
з	ж	к	с	з	ж	к	с	з	ж
ж	к	с	з	ж	к	с	з	ж	к
к	с	з	ж	к	с	з	ж	к	с
с	з	ж	к	с	з	ж	к	с	з
з	ж	к	с	з	ж	к	с	з	ж
ж	к	с	з	ж	к	с	з	ж	к
к	с	з	ж	к	с	з	ж	к	с
с	з	ж	к	с	з	ж	к	с	з

Сосчитай-ка

● Условимся записывать любое число от 0 до 999999 шестью цифрами, приписывая спереди, если потребуется, нужное количество нулей. Например, 0 = 000000, 137 = 000137 и т. п. Подсчитаем теперь количество чисел, в записи которых нет единицы. В первом разряде такого числа можно также поставить любую из этих девяти цифр. То же и во втором. Значит, первые два разряда можно заполнить цифрами $9 \cdot 9 = 81$ способом. Аналогично рассуждая, придем к выводу, что 6 разрядов данного числа можно занять цифрами $9 \cdot 9 \cdot 9 \cdot 9 \cdot 9 \cdot 9 = 531\,441$ различным способом и, значит, среди чисел от 0 до 999999 существует 531 441 число, в записи которых единица отсутствует. Следовательно, таких чисел больше.

● Есть только одно такое число — 38. Квадрат его равен 1 444.

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру 1
Новый адрес Совнаркома. — Киносценарий М. Шатрова. Рисунки С. Тимофеева. . . 2
Человек с планеты Земля. — Е. Рубцова . . 11
Радиостанция «Здравствуй». — Рисунки Б. Кыштымова 14
Еще какое творческое! — С. Богатырева. Рисунки Б. Кыштымова 17
Путь, озаренный солнцем. — Ю. Новикова . . 21
Берега остаются. В дальний путь... Дождь. У меня будет сорок неоконченных дел... Эту песню мать мне пела. — Стихи М. Карима. Переводы И. Снеговой, А. Недогонова, М. Максимова, Е. Николаевской. Рисунки А. Борисова 22
Ты приходи, лось! — Рассказ В. Вишнякова. Рисунки Е. Медведева 25
Стихи маленьких поэтов Америки. — Рисунки Н. Доброхотовой 29
Научный телеграф. — Рисунки А. Борисова . 30
Звездочка-соня. — Сказка-пьеса Ф. Мильчински. Перевел с сербского Д. Мансфельд. Рисунки И. Галанина 33
Поэтическая география
Командоры. — В. Перцов. Рисунки автора . . 42
Выставка «Отечество» 46
Путешественник из Мариттимы. — Повесть Р. Писарского. Перевел с польского Ю. Абызов. Рисунки И. Галанина 48
Единица. — Рассказ В. Канаева. Рисунки Н. Доброхотовой 55
Из записной книжки Смехотрона 55
Пионерский глобус 56
Мессенская война. — Повесть Л. Воронковой. Рисунки Ё. Медведева 58
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — М. Юдович, международный мастер 70
Все разные и все хорошие 72
Встреча с тремя неизвестными. — Рисунки Б. Кыштымова 76
Палата ума. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки М. Аверьянова . 78
Неизвестные раскрывают свои тайны . . . 80
На обложке:
Зима. Рисунок С. Острова.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00224. Подписано к печати 29 XI 1968 г. Формат бумаги 60×84$^{1}/_{8}$. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 2. Заказ № 3439.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО В САМОДЕЛКАХ

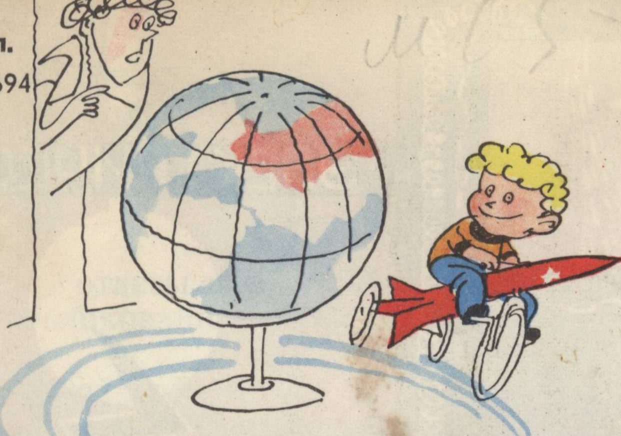
ТЕБЕ, ЮНЫЙ ТЕХНИК!

Если ты хочешь оборудовать у себя дома электрическую лабораторию, если тебе интересно познакомиться с некоторыми изобретениями твоих сверстников и узнать, как можно получить патент на изобретения, если ты захочешь сам сконструировать электроластик, стоп-сигнал на велосипеде, карманный электровентилятор или электрическую пилу, научиться делать надписи на металле, световые гирлянды и много других замечательных вещей, используя силу электричества,—

тогда ты непременно должен купить библиотечку «Электричество в самоделках», которую выпустило для тебя издательство «Малыш». Библиотечка состоит из десяти выпусков, в каждом выпуске есть схемы, чертежи и материал, из которого можно изготовить самоделки. Стоит комплект один рубль и пять копеек.

А если ты живешь далеко и в ваш магазин такой комплект не поступал, ты можешь заказать его по адресу: Москва, В-168, ул. Кржижановского, 14, магазин № 93 «Книга — почтой».

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Вот закончу девяносто пятый оборот и пойду обедать.

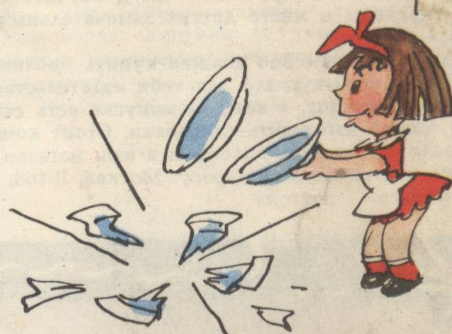
Не надейся на мягкую посадку!

Вокруг репортажа из КОСМОСА

Записывайте: пульс нормальный, состояние отличное.

Эх, жаль, у нас на Земле нет невесомости.

В условиях, максимально приближенных к полету...

— Начну себя приучать к перегрузкам...